

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Р. Л. Казарьян

**ПРОБЛЕМА РАСКОЛА КОРЕИ
И РОССИЯ**

Москва
2022

ББК 63.3(5)(5Код)(5Ко)(2Р)
К14

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:
А. В. Воронцов, кандидат исторических наук,
заведующий Отделом Кореи и Монголии ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:

В. В. Грайворонский, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник ФГБУН ИВ РАН, Отдел Кореи и Монголии

Н. Н. Ким, кандидат исторических наук, научный сотрудник
ФГБУН ИВ РАН, доцент Института востоковедения
и африканистики НИУ ВШЭ

К14 Казарьян, Р. Л. Проблема раскола Кореи и Россия : монография /
Р. Л. Казарьян ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. — Москва :
ИВ РАН. — 2022. — 212 с.

ISBN 978-5-907543-43-0

Работа посвящена истории формирования, развития и попыток преодоления раскола на Корейском полуострове, а также роли Советского Союза и Российской Федерации в этих процессах. Анализируя труды отечественной историографии, как российской, так и советской, автор прослеживает эволюцию взглядов на проблему с момента раскола Кореи в середине прошлого столетия вплоть до нынешнего дня. На основании представленных материалов автором делается попытка обосновать некоторые положения, которые во многом определяют варианты развития ситуации вокруг так называемого корейского вопроса и возможность мирного объединения страны как окончательной точки его решения в XXI веке. В работе обосновывается ряд предположений относительно перспектив нормализации межкорейских отношений, а также роли, которую Российская Федерация может сыграть в решении вопроса воссоединения Кореи мирным путем.

ББК 63.3(5)(5Код)(5Ко)(2Р)

ISBN 978-5-907543-43-0

© Издание на русском, оформление.
ФГБУН. ИВ РАН, 2022
© Казарьян Р. Л., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Раскол Кореи: историографический очерк	9
К истории вопроса	9
Подходы к корейскому вопросу в советской историографии	13
Советские ученые о причинах и формировании раскола Кореи	17
Освещение раскола Кореи в трудах современных российских ученых	23
О возникновении 38-й параллели	24
Совместная оккупация и опека Кореи	27
Южнее 38-й параллели	34
Севернее 38-й параллели	40
Глава 2. В поисках путей воссоединения	54
Корейский вопрос после войны	54
Первые контакты Севера и Юга	60
Проблема объединения в 1960-е гг.	66
Проблема объединения в 1970-е гг.	72
Первая программа объединения страны	77
Проблема объединения на рубеже 1980–1990-х гг.	81
Концепции объединения Севера и Юга	87

Глава 3. Корейская «оттепель»:	
от взаимодействия к конфронтации	95
Политика «солнечного тепла»	95
Межкорейский саммит 2000 года	102
Крупный южнокорейский капитал в процессе межкорейского сотрудничества	104
Консервативный поворот	110
Цена идеи поглощения КНДР	118
Социокультурные аспекты поглощения	124
Проблема объединения и «великая национальная консолидация»	129
Конфронтация или взаимодействие?	134
Глава 4. Объединение Кореи в политике СССР и России	137
Отношение к корейскому вопросу в эпоху СССР	137
Политика в отношении корейского вопроса в Российской Федерации	147
О противоречиях в российской внешней политике	162
Глава 5. Россия и ядерная проблема КНДР	167
Ракетно-ядерный кризис на Корейском полуострове и позиция России: предыстория, современное состояние, перспективы	167
Заключение	190
Литература	199
Сведения об авторе	211

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XXI века на Корейском полуострове сохраняется раскол некогда единого государства, длящийся уже многие десятилетия и являющийся постоянным источником напряженности в регионе. Сегодня по-прежнему существует два корейских государства — Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея) и Республика Корея (Южная Корея) с различными, во многом противоположными экономическими базами, политическим и общественным устройством, идеологической направленностью развития.

История Кореи XX века полна драматизма. В самом его начале Корея лишилась независимости и на долгие 40 лет оказалась под тяжелым гнетом японского колониального режима. После окончательного разгрома гитлеровской Германии в 1945 г. страны антифашистской коалиции нанесли поражение и японскому милитаризму, принесли долгожданную свободу народу Кореи. В освобождении непосредственно Корейского полуострова принимали участие советские войска, однако СССР и США приняли решение о принятии капитуляции и разоружении японских войск в Корее совместно, в связи с чем территория была разделена по 38-й параллели на две зоны. Для корейского народа это решение оказалось судьбоносным.

Ввиду стремительно нарастающих глобальных противоречий между двумя мировыми системами в лице СССР и США, недавние союзники не смогли прийти к единому мнению о будущем независимого корейского государства. Точно также и внутривнутриполитические силы Кореи в борьбе за власть разрывались между различными путями развития нового корейского государства, что также усиливало нарастающий раскол.

Начиналась эпоха холодной войны, противостояние капиталистического и социалистического блоков, сразу же отразившееся в политике советской и американской военных администраций на временно подконтрольных им территориях, привело к постепенному складыванию здесь принципиально различных способов хозяйствования, формированию

отличающихся один от другого общественно-политического и социально-экономического укладов, а в итоге — к образованию двух отдельных и противостоящих друг другу государств.

Вскоре между этими двумя государствами разразилась гражданская война, быстро превратившаяся в крупный конфликт, втянувший большое количество внешних участников. Эта война не принесла победу ни одной стороне, но окончательно закрепила раскол на полуострове. Формально Корейская война 1950–1953 гг. не окончена, стороны подписали лишь соглашение о прекращении огня, причем представители Южной Кореи вообще отказались поставить на документе свою подпись.

Оба корейских государства долгое время не признавали друг друга, находились в состоянии жесткой конфронтации, КНДР и Республика Корея до сих пор официально не имеют дипломатических отношений, граждане этих стран не имеют права пересекать границу. Каждое из двух государств претендовало на свою исключительную законность и право представлять всю Корею, противоположная сторона считалась чем-то вроде «незаконного государственного образования», которое должно быть ликвидировано, а территория возвращена. Каждая сторона пыталась утвердить именно свою модель как единственно правильную и соответствующую чаяниям народа, а власти противоположной объявлялись марионетками своих могущественных союзников — СССР и США.

Республика Корея (РК) сегодня — это развитая капиталистическая рыночная демократия, прошедшая через долгий период авторитарного правления военных, сумевшая совершить гигантский экономический рывок и в итоге осуществить демократические преобразования. В КНДР была установлена социалистическая система советского образца, впоследствии трансформировавшаяся в собственную — уникальную модель социализма корейского типа, ужесточенную под воздействием длительного внешнего давления.

Однако на протяжении всего времени раздельного существования, несмотря на враждебность и недоверие, на принципиальные различия направлений социально-экономического и политического развития, стороны не оставляли попыток наладить диалог с целью решения вопроса о воссоединении. Необходимость объединения страны постулируется в конституциях обоих корейских государств (КНДР — статья 9, РК — статья 4) как один из государственных приоритетов. При этом в обоих случаях подчеркивается именно мирный и самостоятельный характер объединения. В КНДР и Республике Корея существуют соответству-

ющие государственные учреждения (Министерство по делам объединения в РК, Комитет по делам мирного объединения родины в КНДР), что свидетельствует о том, что воссоединение является внешнеполитическим курсом, своего рода долгосрочной стратегической задачей обоих корейских государств. Их судьбы складывались по-разному, но и сегодня они продолжают двигаться каждое по собственному пути, периодически немного сближаясь, но в целом разноразнонаправленно. Корейцам так и не удалось преодолеть национальный раскол, перспективы сближения и, тем более, воссоединения остаются неопределенными, в то время как различий и противоречий с течением времени становится все больше.

Корейское направление традиционно занимает важное место в политике России, наши страны связывают почти полуторавековая история взаимоотношений и сотрудничества, традиции добрососедства, общая граница, заинтересованность в поддержании стабильности в регионе. Помимо освобождения народа Кореи от многолетнего японского колониального господства, Советский Союз также имеет самое прямое отношение к возникновению раскола на Корейском полуострове. КНДР возникла, выстояла в тяжелой войне, была восстановлена и отстроена заново, создала промышленность и обрела новые технологии, квалифицированных специалистов в самых разных областях во многом благодаря советской помощи. В течение небольшого отрезка времени после распада Советского Союза, отношения КНДР и России оказались в низшей точке, однако вскоре вновь были восстановлены, что напрямую обусловлено естественной исторической и географической взаимосвязью наших стран. Традиционно в этом регионе у России большие экономические и политические интересы, а безопасность и процветание нашего Дальнего Востока напрямую зависит от складывающейся здесь военно-политической обстановки. В интересах России на всех исторических этапах было ослабление напряженности на ее дальневосточных рубежах.

После выстраивания стабильных отношений с КНДР и Республикой Корея, наши позиции в регионе значительно укрепились, а значит, возросла и роль нашей страны в поддержании здесь мира и стабильности. Это особенно важно, потому что без нормализации обстановки в регионе и в отсутствии добрососедских отношений между ключевыми государствами невозможно осуществление таких больших задач как решение Корейского вопроса, преодоление раскола на полуострове, воссоединение Кореи. Все это обуславливает неизбежность участия России в урегулировании проблем Корейского полуострова.

Настоящая работа в значительной степени базируется на исследованиях советских и российских корееведов, автор сопоставляет подходы ученых двух эпох отечественной науки в отражении проблемы раскола в Корее, отмечает целый ряд заключений, сохраняющих свою объективность и актуальность.

В первой главе в формате историографического очерка вкратце рассмотрена история формирования раскола на Корейском полуострове, его внешние и внутренние причины, международная обстановка, в известной степени также повлиявшая на усугубление ситуации. Во второй главе речь пойдет об истории развития межкорейского диалога и поиска путей решения проблемы раскола корейскими государствами. Рассматривается процесс становления и постепенной нормализации отношений Севера и Юга, их основные программы по объединению. Третья глава посвящена современному этапу в межкорейских отношениях, начало которому положили инициативы южнокорейского президента Ким Дэ Чжуна на рубеже XX и XXI вв., ставшие своего рода кульминацией межкорейского сближения.

Пришедшие к власти в Южной Корее в конце 2000-х гг. консервативные силы изменили вектор внешней политики страны, что привело к резкому охлаждению в отношениях между Севером и Югом, которое, по сути, продолжается и поныне. В четвертой главе подробно затрагивается позиция Советского Союза и Российской Федерации в отношении проблемы корейского раскола, рассмотрены некоторые аспекты истории взаимоотношений нашей страны с государствами Корейского полуострова, современной политики и перспектив межкорейского урегулирования с участием России. Пятая глава посвящена проблеме ракетно-ядерной программы КНДР как одному из наиболее сложных аспектов урегулирования ситуации на Корейском полуострове, напрямую затрагивающих вопросы безопасности всего региона.

Настоящая работа является лишь первым приближением к комплексному изучению проблемы раскола в Корее и потенциала участия России в ее возможном решении. Каждый из аспектов данной проблемы требует дальнейшей, более углубленной разработки. Работа была подготовлена в Отделе Кореи и Монголии Института востоковедения РАН при участии и помощи коллег по отделу, а также сотрудников других корееведческих центров. Автор выражает огромную благодарность всем, кто принимал прямое и опосредованное участие в реализации данного исследования, а также авторам многочисленных работ, которые легли в основу данной монографии.

Глава 1

РАСКОЛ КОРЕИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

К истории вопроса

Корейский вопрос — устоявшееся в научных и экспертных кругах, средствах массовой информации, общественном сознании словосочетание, означающее большой комплекс проблем, связанных с попытками преодоления раскола единого корейского государства после обретения страной независимости по окончании Второй мировой войны в 1945 г. После разгрома японского милитаризма советскими и американскими войсками, бывшая с 1910 г. японской колонией Корея была наконец освобождена, однако же сразу временно поделена на две зоны оккупации для принятия капитуляции японских войск союзниками. Тогда мало кто мог предположить, что это разделение сохранится на долгие десятилетия и станет одним из источников международной напряженности не только на полуострове, в регионе, но и в мире в целом.

Международные аспекты решения корейской проблемы, вопросы нормализации межкорейских отношений, а также весь спектр проблематики противоборства на Корейском полуострове достаточно широко освещены в отечественном корееведении — и в публикациях советского периода, и в постсоветской России. Многие советские корееведы были современниками освобождения Кореи, формирования на полуострове двух антагонистических государств, войны и последующего противостояния КНДР и Республики Корея. Их труды составили большой пласт исторических знаний, без которого невозможно представить современное корееведение, и если посмотреть работы уже российских специалистов,

то мы обязательно найдем в них ссылки на ставшие классическими труды советских ученых.

Сегодня в российской корееведческой науке большое количество ученых, историков, политологов, экономистов, экспертов и других специалистов занимаются вопросами, связанными с урегулированием ситуации вокруг Корейского полуострова, пытаются найти пути решения сложнейшей проблемы корейского вопроса. Работы по различным аспектам этой темы регулярно издаются в центрах корееведения ведущих научных заведений страны: ИДВ, ИМЭМО, ИВРАН, МГИМО, ДВФГУ, ВШЭ, НГУ и т. д. Большой вклад в научную разработку этой проблематики внесли такие крупные ученые, как А. В. Торкунов, Г. Д. Толорая, В. И. Денисов, Ю. В. Ванин, В. Д. Тихомиров, А. В. Воронцов, А. З. Жебин, Ким Ен Ун, К. В. Асмолов, В. В. Михеев, А. Н. Федоровский, Л. В. Забровская и др. Отрадно, что сегодня в эту работу включается и молодое поколение отечественных корееведов (Н. Н. Ким, Л. В. Захарова, И. В. Дьячков, А. И. Шарафетдинова), публикующих серьезные труды, не только дополняющие существующие наработки, но и восполняющие пробелы в знаниях о Корее. Это вселяет уверенность в том, что отечественное корееведение будет и в дальнейшем активно развиваться и пополнять мировую копилку знаний о стране, но, что еще более важно, — содействовать поиску решений такой непростой проблемы, как раскол на Корейском полуострове и объединение Кореи.

Советский Союз имеет самое непосредственное отношение к освобождению Кореи от японского гнета, а также и к истории возникновения двух корейских государств, чье противостояние по сей день является источником серьезной напряженности в регионе, вновь рискуя перерасти в большой международный конфликт. Разделение единой Кореи явилось закономерным следствием возникновения двух противоборствующих мировых общественно-политических формаций: капиталистической и социалистической, а впоследствии — отражением этого противоборства внутри корейского общества. Следовательно, вопрос воссоединения так или иначе будет увязан с борьбой двух антагонистических систем общественного устройства.

Однако проблема раскола Кореи не сводилась только лишь к внешним факторам. В корейской политической культуре веками укоренились такие явления как регионализм и фракционная борьба, «...неумение и нежелание лидеров, и их окружения подняться выше личные, клановых, групповых, местных интересов ради общенациональных

целей... отсутствие склонности к компромиссу, готовности услышать и понять противостоящую сторону, пойти на уступки для достижения взаимоприемлемого решения...»¹. Колоссальный след во внутреннем расколе корейского общества оставил и колониальный период: лишь небольшая часть корейцев не смирилась с аннексией страны и сумела встать на путь борьбы, большинство же вынуждено было выживать, перестраиваться и подстраиваться под новые порядки, значительная часть населения сотрудничала с японскими властями, а некоторые сделали вполне успешную карьеру. По официальным южнокорейским оценкам 2004 г., более 90% южнокорейской элиты до 1990 г. так или иначе были связаны или напрямую происходили из семей коллаборантов².

Эти и многие другие внутренние противоречия оказались вплетены в мировую схватку двух антагонистических систем общественного устройства и выплеснулись в невероятный водоворот событий второй половины 1940-х гг., оформив окончательную поляризацию корейского общества и в итоге — его раскол. Необходимо было серьезное, научное осмысление того, что произошло в Корее в 1940-х — 1950-х гг. для выработки практических решений по достижению воссоединения в перспективе. Накладывала свой отпечаток холодная война между СССР и США, имевших прямое отношение к разделению страны и движению двух ее частей в противоположных идеологических направлениях, а поскольку корейский вопрос возник как объект международных отношений, то его решение требовало согласованных усилий мирового сообщества. Однако политико-идеологическое противостояние социалистической и капиталистической систем не только препятствовало решению корейского вопроса на международном уровне, но и определяло вполне конкретные идеологические установки для проработки научных подходов в изучении этого вопроса. Пропаганда, отстаивавшая преимущества своей модели развития, проникала и в науку, где также развернулась настоящая борьба за единственно верный путь воссоединения народа Кореи.

Советское корееведение, исходившее из материалистического понимания истории в соответствии с марксистской теорией, рассматривало процессы внутреннего раскола в Корее через призму классовой борьбы в условиях империалистического давления извне. Освобождение Кореи от японского колониального гнета не означало прекращения борьбы

¹ Ванин Ю. В. Внутренние истоки раскола Кореи // История Кореи. Избранные статьи. Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 365.

² Cumings B. The Korean War: A History. New York: Modern Library, 2011. P. 62.

широких масс корейского народа за свободу от классового угнетения меньшинства эксплуататоров: помещиков, землевладельцев, крупных собственников, представителей аристократии, зачастую служивших еще японцам. Советские историки были убеждены, что для большинства трудящихся социалистическое переустройство общества несло более прогрессивную форму социально-экономической организации по сравнению с буржуазной демократией, поскольку обеспечивало более справедливое распределение общественных благ, основанное на равенстве и отсутствии эксплуатации человека человеком. Поэтому и японская колониальная система, и политика США по созданию буржуазно-демократического государства в Корее являлись, с точки зрения советских ученых, регрессивными, ретроградными, противоречащими интересам народа Кореи.

К моменту освобождения Кореи в мире уже устоялась и закрепились новая модель общественного устройства, продемонстрировавшая всему миру свою прогрессивность и устойчивость, резко возрос авторитет Советского Союза, олицетворявшего эту модель. Среди специалистов широко распространена точка зрения, что, не оказавшись Корея оккупированной войсками СССР и США после освобождения, «к власти пришли бы левые силы во главе с компартией»¹.

Однако возникла и реакция — сопротивление распространению этой новой формации, представители правящих классов старого мира сплотились, чтобы не допустить переустройства сложившейся системы организации общественных отношений. Во главе этой борьбы стояли США, активно препятствовавшие расширению блока стран, вставших на социалистический путь развития. Именно поэтому в своей политике в Корее американцы опирались на реакционные слои и общественные классы, крайне незаинтересованные в переходе власти в руки большинства и перераспределении собственности в его пользу.

Следует отметить, что во многом такой взгляд соответствовал действительному характеру событий на полуострове, эта логика вполне объясняла суть раскола и его внутреннее содержание, а также аспект внешнего воздействия. Как показывают труды отечественных ученых уже постсоветского периода, такая точка зрения подтверждалась внутриполитической и социально-экономической ситуацией на Юге Кореи как в довоенные, так и в послевоенные годы.

---

¹ Ким Ён Ун. Раскол Кореи: уроки и перспективы // Корея: уроки истории и вызовы современности. Москва: ИДВ РАН, 2013. С. 40

Тем не менее, несмотря на соответствующий идеологический посыл, научные исследования советских корееведов по данной тематике были выполнены на высочайшем профессиональном уровне, и многие положения и заключения, содержащиеся в их трудах тех лет, продолжают быть актуальными и сегодня.

В данной главе рассматривается история формирования и закрепления раскола Кореи, а также поиски возможных путей его преодоления, то есть перспективы воссоединения Кореи самими корейцами — так, как они отражены в основополагающих трудах отечественных корееведов советского и российского периодов.

Подходы к корейскому вопросу в советской историографии

В отечественном корееведении практически сразу по окончании Корейской войны начали появляться работы, ставившие задачей осмысление событий, определивших судьбу страны.

Впервые в советской историографии проблема формирования и закрепления раскола на Корейском полуострове была затронута в сборнике статей «Корейская Народно-Демократическая Республика» (М.: АН СССР, 1954). Вторая часть сборника посвящена периоду 1945–1950 гг. и затрагивает различные аспекты, так или иначе относящиеся к корейскому вопросу. В статьях Н. К. Вайнцвайга, Б. В. Щетинина, Ф. И. Шабшиной, В. В. Лезина, Г. Ф. Кима в целом излагается взгляд на проблему, который впоследствии ляжет в основу подхода отечественной исторической науки к событиям в Корее этого и последующего времени. Так, например, выдающийся российский и советский экономист, востоковед Николай Кононович Вайнцвайг в своей статье, посвященной разгрому германо-японского фашистского блока и освобождению Кореи, писал: «Разница в политике Союза ССР и США по отношению к Корее, целиком вытекающая из разницы общественного строя в этих двух странах, определила и характер общественно-экономического развития в Северной и Южной Корее»¹.

---

¹ *Вайнцвайг Н. К.* Разгром фашистского блока и освобождение Кореи // *Корейская Народно-Демократическая Республика* / Ред. Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин. Москва: Изд. АН СССР, 1954. С. 218.

Роль внешнего фактора в становлении государств Корейского полуострова признавалась определяющей, однако большое внимание уделялось и внутреннему фактору: роли реакционных и националистических движений. Так, например, в том же сборнике автор другой статьи, уже упоминавшаяся Ф. И. Шабшина, характеризуя социальную опору американских военных властей на юге Кореи в период после освобождения, отмечает, что «...все без исключения руководящие деятели «демократической» партии в прошлом были активными пособниками империалистов, яростными реакционерами. Все они представляли консервативные коллаборационистские слои Кореи...»¹. Таким образом, причина раскола Кореи виделась как результат резкого усиления внутренней классовой борьбы под воздействием внешнего влияния СССР и США, политика которых, в свою очередь, также отражала соответствующие классовые интересы.

В дальнейшем эти положения будут изложены и конкретизированы в большом историческом очерке справочного издания «Современная Корея» (М.: Наука, 1971), а также в фундаментальном двухтомнике «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» (М.: Наука, 1974).

Несмотря на то, что в общем о корейском вопросе существует немало работ, специальных трудов, посвященных именно проблеме преодоления раскола и объединения Кореи, относительно немного. Опыт братоубийственной Корейской войны, наглядно продемонстрировавшей ужасные последствия попыток военного решения проблемы воссоединения страны, обусловил поиски мирного решения проблемы, в том числе, и в первую очередь, в научном сообществе.

Однако сразу после прекращения боевых действий на Корейском полуострове объединение двух государств представлялось с трудом, поэтому на долгое время вопрос о воссоединении рассматривался как часть проблематики международных отношений или как результат более важной и первостепенной задачи — нормализации отношений КНДР и РК, налаживания диалога и сотрудничества. Действительно, говорить об объединении в послевоенные годы не приходилось, столь глубоки были противоречия в идеологиях и подходах к проблеме обоих корейских государств и их союзников. Да и в последующие десятилетия обстановка на полуострове оставалась крайне напряженной, и основная задача

---

¹ Шабшина Ф. И. Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 г. — июнь 1950 г.) // Корейская Народно-Демократическая Республика / Ред. Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин. Москва: Изд. АН СССР, 1954. С. 267.

заклучалась в недопущении новой войны, поддержании хрупкого мира, стабильности и постепенном установлении каналов связи между корейскими государствами.

Советское востоковедение отстаивало идею необходимости реализации социалистической модели развития для всего корейского народа, а в работах, посвященных Южной Корее, основным лейтмотивом была критика существовавшего там антинародного социально-экономического устройства и политической системы диктатуры военных.

Критика КНДР была табуирована, однако в работах «для внутреннего пользования», в различного рода «Специальных бюллетенях», советские ученые давали вполне объективную картину происходившего на Севере, дискутировали с северокорейскими коллегами, научно обосновывая ошибочность ряда инициированных сверхху тезисов и заключений¹.

К началу второй половине 1980-х гг., на фоне экономического подъема в Южной Корее и очевидной стагнации на Севере, в научных кругах отечественных корееведов фактически сформировалось понимание бесперспективности одностороннего подхода к государствам Корейского полуострова: дальнейшее непризнание Республики Корея не соответствовало реальному положению дел на полуострове, переставало отвечать интересам и задачам Москвы в регионе, в том числе в плане обеспечения безопасности и разрядки в Азии². Немаловажно отметить, что инициатива по пересмотру политики Советского Союза в отношении Южной Кореи исходила именно из научного сообщества³.

К концу 1980-х гг. прошлого столетия дискуссия по данному вопросу попала на страницы советской печати, наиболее ярким примером является знаменитая статья Ф. И. Шабшиной «Можно ли распутать корейский узел? Мнение советского ученого», опубликованная в газете «Известия» в сентябре 1989 г., в которой автор обосновывала необходимость

---

¹ См. например: Трактовка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР. Москва: 1963. № 43 (Специальный бюллетень Института народов Азии АН СССР).

² *Ткаченко В. П.* Корейский полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература РАН, 2000. С. 54.

³ *Воронцов А. В.* Роль института востоковедения АН СССР/РАН в первоначальном этапе подготовки к установлению дипломатических отношений между СССР / Российской Федерацией и Республикой Корея, Россия и Корея: добрые соседи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 30летию установления дипломатических отношений между СССР / Российской Федерацией и Республикой Корея. Москва: Аванлайн, 2020. С. 24–25.

выработки «иных мер и подходов к корейской проблеме... учитывающих интересы и требования КНДР, всей корейской нации, дела мира и безопасности в регионе и наши национальные интересы», а также отмечала бесперспективность непризнания Южной Кореи Советским Союзом¹.

После распада СССР и социалистического лагеря мир вступил в период серьезных структурных трансформаций, вследствие чего многие ожидали скорого падения и режима в КНДР. Воссоединение Кореи в виде поглощения Севера Югом, как это произошло в случае с ГДР и ФРГ, казалось, состоится в относительно близкой перспективе. Такого рода прогнозы также нашли свое отражение и в некоторых научных трудах, посвященных этой проблематике². История показала, что этого не произошло, и это, безусловно, отразилось на росте общего интереса к Северной Корее и количества исследований, ей посвященных. Еще с конца 1980-х гг., по мере углубления внутренней трансформации Советского Союза и движения в сторону отказа от прежней догматики, в научных работах стало появляться больше объективной информации о происходящем на Корейском полуострове.

Однако было бы неправильно относиться к работам корееведов советского периода как к необъективным и односторонним. По прошествии 30 лет многое из того, что писалось, в частности, по проблеме раскола и перспектив воссоединения Кореи, сохраняет свою актуальность даже сегодня, когда напряженность вокруг полуострова вновь искусственно нагнетается, а корейский вопрос снова в центре столкновения интересов крупных держав.

Так, например, многие специалисты, давая критическую оценку политике США в Корее во второй половине 1940-х гг., указывают на то, что, опасаясь превращения Кореи в страну социалистической модели общественного развития, Вашингтон сознательно препятствовал самостоятельному определению корейцами своей судьбы: местные органы самоуправления, созданные корейцами еще до прихода американских войск, были распущены, временное правительство в изгнании не было признано, ставка была сделана на проамериканские внутривластные силы, коммунистическое крыло подвергалось преследованиям и т. п.³.

---

¹ Шабина Ф. И. Можно ли распутать корейский узел? Мнение советского ученого // Известия. 01.09.1989.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 161.

³ См. например: Жебин А. З. Две истории одного праздника на Корейском полуострове // Независимая газета. 16.08.2021. — Электронный ресурс: URL: https://www.ng.ru/vision/2021-08-16/6_8226_vision.html (Дата обращения: 01.10.2021).

Сегодня российское корееведение также отмечает, что под чрезмерно преувеличенным предлогом северокорейской ядерной угрозы или ввиду тоталитарного характера режима в КНДР США открыто препятствуют межкорейскому сближению и постепенно превращают Корейский полуостров в плацдарм против растущего в военно-политическом и экономическом отношении Китая¹. Все эти соображения мы находим и на страницах работ советских корееведов, размышлявших о перспективах решения корейского вопроса и объединения страны. Многие из творческого наследия работавших в советское время ученых сохраняет свою актуальность и в вопросе об истоках раскола, проблеме воссоединения и обеспечения безопасности на Корейском полуострове и вокруг него.

Наиболее важным, как представляется, тезисом советских корееведов, имеющим прямое отношение к причинам углубления раскола на Корейском полуострове, является формирование во второй половине 1940-х гг. принципиально иных фундаментов государства: базиса, модели воспроизводства и распределения общественных благ на Севере и на Юге. Именно в этом аспекте видится один из краеугольных камней проблемы воссоединения корейского народа сегодня, отсюда происходит то или иное понимание истинных интересов всего корейского народа (или определенных его слоев), здесь кроются истоки той или иной государственной политики и стратегии развития руководства двух корейских государств, их неразрешимых противоречий и противоборства. Рассмотрим этот тезис на примере некоторых работ корееведов советского периода.

Советские ученые о причинах и формировании раскола Кореи

Как отмечалось выше, многие советские востоковеды были современниками постепенного формирования и укрепления раскола на Корейском полуострове. Среди них хочется отдельно рассказать о судьбе и творчестве упомянутой выше Фани Исааковны Шабшиной (Куликовой) (1906–1998), которая, находясь в Корее с конца 30-х до середины 40-х гг. прошлого столетия, была непосредственным свидетелем событий,

---

¹ Жебин А. З. Геополитические интересы США в СВА и некоторые аспекты корейского урегулирования // Корея: десятилетие новых возможностей. Москва: ИДВ РАН, 2011. С. 14–15.

происходивших в еще колониальной стране, была очевидцем освобождения страны от власти Японии, первых самостоятельных действий корейцев по поддержанию общественного порядка и формированию органов местного управления, а также прибытия на полуостров американских оккупационных войск и их самых первых шагов, во многом предопределивших судьбу Кореи.

Свои дневниковые воспоминания об увиденном она впоследствии подготовила и опубликовала в работе под названием «Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца» (М.: Наука, 1974). Написанные великолепным, живым языком, эти воспоминания представляют собой пример познавательной и увлекательной литературы для любого читателя, даже далекого от истории Кореи, они также имеют огромное значение для понимания причин будущего раскола Кореи. Несмотря на то, что Ф. И. Шабшина, будучи советским человеком с соответствующей идеологией и видением мира, стояла на марксистско-ленинских позициях в понимании истории, описанное ею дает довольно красочную картину происходившего в стране в последние годы господства японцев, а также в начальный период после освобождения. Особое внимание автор уделяет действиям американской военной администрации, взявшей всю полноту власти на подконтрольной ей территории. Большую часть своего пребывания в Корее Ф. И. Шабшина провела в Сеуле и лишь часть 1946 года — в Пхеньяне, тем не менее она воочию могла видеть, сколь разительно различалась политика советской и американской военных администраций в северной и южной частях полуострова, как это воспринималось народом Кореи и, самое главное, — как эта политика отразилась на формировании и эволюции внутренних политических процессов.

Несмотря на то что раскол Кореи, бесспорно, имел в своем основании и внутренние причины, к которым постепенно добавлялось влияние так или иначе вовлеченных в него СССР и США, по мнению Ф. И. Шабиной, именно политика американской военной администрации шла вразрез с чаяниями народа Кореи южнее 38-й параллели, по сути являясь искусственным насаждением нового порядка без учета интересов большинства населения. «...В первую очередь, — писала она, — США делали ставку на буржуазно-помещичью верхушку корейского общества, на чиновников японского колониального аппарата, т. е. на союзников своих предшественников — японских империалистов... их объединила созданная 9 сентября 1945 года, в день вступления американских войск в Южную

Корею, Демократическая партия...»¹. Американская военная администрация целенаправленно формировала новую политическую власть на юге Кореи, опираясь на правые и реакционные силы, с тем чтобы нивелировать влияние коммунистов, не осуществлять преобразования в соответствии с народными требованиями, создать базис буржуазного государства.

Ф. И. Шабшина отмечает классовый характер американской политики, фактически усугубляющий нарастающий внутренний раскол внутри корейского общества. Она подчеркивает, что американская военная администрация изначально опиралась не на широкие народные массы, а на определенную часть корейского общества с вполне конкретными интересами: «...Мутные потоки реакции... вобрала в себя все антинациональные, антидемократические элементы корейского общества... в первую очередь крупные буржуа и помещики, чиновники колониального аппарата — недавняя опора японских колонизаторов. В условиях разгрома японского милитаризма претендовать на власть без поддержки извне они не могут. Свое будущее видят в союзе с новым империалистическим боссом... злобный и очень активный отряд контрреволюции — перебежчики с Севера, преимущественно крупные предприниматели и торговцы, помещики, чиновники...»². Ф. И. Шабшина также указывает, что американские власти целенаправленно делали ставку на те политические силы внутри страны, которые впоследствии открыто выступали за силовой сценарий объединения, таким образом, усиливая и без того нарастающий внутренний раскол.

В творчестве Ф. И. Шабшиной целый ряд работ посвящен этому непростому периоду истории Кореи, крайне важному с точки зрения понимания причин и формирования внутреннего национального разъединения, его дальнейшего углубления и перерастания в гражданскую войну. ледует также упомянуть ее работу «Очерки новейшей истории Кореи: (1945–1953 гг.)» изданную в 1958 г. и переизданную позднее с охватом более широкого исторического отрезка. Здесь уже автор рассматривает ситуацию в ее историческом контексте, а также показывает, как это отразилось на последующей истории уже разделенной страны после окончания Корейской войны.

Сегодня в исторической науке господствует точка зрения о том, что война на Корейском полуострове была развязана именно КНДР,

¹ Шабшина Ф. И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. Москва: Наука, 1974. С. 105.

² Там же. С. 103.

немногие пытаются оспаривать этот тезис. Не вдаваясь в дискуссию в рамках настоящей работы, следует тем не менее отметить, что гораздо более важное соображение состоит в том, что реалии эпохи свидетельствовали о неотвратимости перерастания внутреннего раскола страны в гражданскую войну. Оба корейских государства готовились к ней, о чем пишут серьезные историки и на что указывает большое количество свидетельств, в том числе и документальных¹. Для понимания причин Корейской войны, как и всего объективного исторического движения, важно не определить, кто совершил первый выстрел, тем более что в конце 1940-х гг. военные столкновения вдоль линии разграничения стали обычным явлением, — важно понимать, что война между Севером и Югом в определенный момент стала неизбежной.

Работы Ф. И. Шабшиной и сегодня крайне актуальны для понимания как внутренних, так и внешних причин формирования такого положения вещей. В условиях нарастающего глобального политико-идеологического противостояния и разворачивавшейся холодной войны между СССР и США каждая из сторон стремилась возложить друг на друга всю ответственность за провал дипломатического урегулирования корейского вопроса и развязывание войны. Эти важные соображения также нашли отражение в научных трудах как советских, так и зарубежных историков.

Сегодня отечественное корееведение не испытывает давления каких-либо «идеологических установок», ученые получили доступ к новым материалам, появилось много работ, представляющих иные точки зрения, что позволяет более взвешенно взглянуть на труды советских историков прошлых лет.

Однако и теперь нельзя не отметить, что целый ряд выводов, сделанных советскими корееведами тогда, во многом оказались верными, объективно отражали характер общественно-исторических процессов. В частности, это касается той роли, которую сыграли в судьбе Кореи действия СССР и США непосредственно на подконтрольных им частях полуострова. Один из таких выводов заключается в том, что действия советских войск на временно оккупированной территории севера Кореи в большей степени соответствовали интересам подавляющего большин-

---

¹ См. например работы крупнейшего американского историка Корейской войны Брюса Камингса: *Cumings B. The Korean War: A History*. New York: Modern Library, 2011; а также отечественных корееведов: *Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. Москва: РОССПЭН, 2000; *Ванин Ю. В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. Москва: ИВ РАН; Наука, 2006, и др.

ства населения, отражали их устремления в государственном и общественном строительстве, в отличие от политики американской военной администрации, насаждавшей иные порядки, порой применяя силу. Нельзя не отметить, что подобные действия лишь усиливали внутренний раскол корейского общества, не способствовали формированию внутреннего политического консенсуса, что неизбежно вело к будущей конфронтации, подпитывая ее изнутри. К слову, забегая немного вперед, скажем, что и в новейших трудах отечественных корееведов, в том числе и основанных на новых архивных материалах, ряд заключений советских ученых находит подтверждение. В их числе труды Ф. И. Шабшиной в этом отношении не теряют своей актуальности и научной ценности по сей день.

Помимо указанных работ, Ф. И. Шабшина является автором большого количества статей на тему, связанную с постколониальным отрезком истории Кореи, представляющих большой интерес для изучения этого периода истории страны. Конечно же, нельзя не упомянуть вклад Ф. И. Шабшиной в создание фундаментального труда отечественных корееведов 1974 года — двухтомника «История Кореи: (С древнейших времен до наших дней)», в котором она выступила автором ряда глав по новейшей (на тот момент) истории Кореи, а также написала предисловие к т. 2, для которого выступила автором нескольких глав по периоду истории Кореи с 1917 по 1945 г.

Важнейшей работой советского корееведения, в которой также затрагивались различные аспекты формирования внутрикорейского раскола и в особенности его искусственного нагнетания извне, является большой труд еще одного видного отечественного корееведа Виктора Михайловича Мазурова «Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950 гг.)» (М.: Восточная литература, 1963). Эта работа продолжает начатое автором ранее исследование внутривнутриполитической ситуации в южной части Кореи в период после освобождения и опубликованное накануне Апрельской революции в Южной Корее. В. М. Мазуров также рассматривает подстегиваемый действиями американской военной администрации фактор внутреннего раскола корейского общества как ключевой в формировании базиса буржуазного государства, во главе которого находились бы силы, незаинтересованные в интеграции с Севером с его просоветской политикой социального устройства новой Кореи и не отражавшие интересы широких народных масс на юге страны. Он пишет, что «...в конкретной исторической ситуации,

сложившейся в Южной Корее после второй мировой войны, часть национальной буржуазии... вступила в союз с империализмом против народа. Сделанный этими слоями выбор стал одной из немаловажных причин создания на юге страны реакционного государства...»¹.

В 1959 г. была издана коллективная монография «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)», девятая глава которой — «Освободительное демократическое движение в Южной Корее», написанная В. М. Мазуровым в соавторстве с Ф. И. Шабшиной, во многом предвосхитила развитие событий в Южной Корее, приведшее к свержению власти Ли Сын Мана (первого президента Республики Корея), что говорит о высоком научном уровне работы². В. М. Мазуров занимался проблемами экономического развития Южной Кореи в течение нескольких лет и его работы по этому периоду также имеют большое значение для понимания характера социально-экономических и политических процессов, происходивших южнее 38-й параллели. Несмотря на очевидное направление критики существовавшего на Юге режима (что читается уже в названиях работ), труды В. М. Мазурова содержат большое количество фактологического материала, а также серьезный научный анализ, многие выводы нашли свое подтверждение в последующих событиях в южной части полуострова.

Характеризуя политику американской военной администрации в освобожденной Корее в контексте изучения проблемы формирования и углубления внутреннего раскола, следует отметить и работу советского и российского корееведа и дипломата Валерия Иосифовича Денисова «Корейская проблема: пути урегулирования. 70–80-е годы» (М.: Международные отношения, 1988), в которой автор также касается периода 1946–1948 гг. В целом его выводы о роли политики США в Корее в указанный период соответствуют представленным выше, автор пишет о целенаправленной политике на усиление конфронтации на полуострове и прямо указывает, что «...американская армия высадилась в Корее не для того, чтобы содействовать становлению независимого демократического корейского государства, а с целью устано-

---

¹ Мазуров В. М. Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950 гг.). Москва: Восточная литература, 1963. С. 58.

² Мазуров В. М., Шабшина Ф. И. Освободительное демократическое движение в Южной Корее // Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). Москва: Восточная литература, 1959. С. 206–252.

вить здесь свое политическое и экономическое господство, превратить страну в военный плацдарм США на Дальнем Востоке для борьбы против “мирового коммунизма”»¹.

Освещение раскола Кореи в трудах современных российских ученых

В подтверждение тезиса советских корееведов об империалистическом характере действий США в Корее, работы современных российских историков также показывают целенаправленное изменение политики Вашингтона в корейском вопросе уже во время проведения Потсдамской конференции (июль 1945 г.) в сторону будущей конфронтации. Так, например, в статье Д. А. Садакова, посвященной специфике советско-американского взаимодействия в тот период, прямо говорится, что «...специфика советского подхода давала американцам простор для политических махинаций после того, как пост президента США занял Г. Трумэн... В ходе подготовки к Потсдамской конференции американцы утвердились в желании организовать административное управление полуостровом, которое позволило бы избежать возникновения здесь вакуума силы... Более того, Вашингтон стремился добиться того, чтобы в деле строительства нового корейского государства “Советский союз обладал лишь номинальным голосом”»².

С приходом к власти новой администрации, и в особенности после провозглашения «Доктрины Трумэна» и «политики сдерживания», отношение к СССР и политика в отношении стран социалистического лагеря резко изменилась³. Это моментально отразилось на решении корейского вопроса и вопросе об опеке Кореи (подробнее см. ниже), предварительно согласованном американской, британской и советской сторонами во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г.

---

¹ Денисов В. И. Корейская проблема: пути урегулирования. 70–80е годы. Москва: Международные отношения, 1988. С. 5.

² Садаков Д. А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования в 1943–1947 гг. // Известия Уральского федерального университета (Сер. 2: Гуманитарные науки). 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 26–37

³ Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2008. Учебное пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2010. С. 35–37.

Такая характеристика политики США в Корее подразумевает еще один важный тезис, в той или иной форме находящий отражение в упомянутых выше работах. В отличие от Северной Кореи, где модель общественного устройства, созданная при помощи СССР и по его образцу, в значительной степени соответствовала устремлениям широких народных масс, — существующая поныне на Юге система государственного, общественного и экономического устройства была скорее *навязана* народу Кореи, нежели явилась свободным выбором самих корейцев. Эта мысль находит свое подтверждение и в работах историков уже постсоветского периода. Так, например А. Н. Ланьков в своей книге «КНДР: вчера и сегодня» писал: «В целом, однако, новый режим (вопреки утверждениям южнокорейских пропагандистов) не встретился с серьезным сопротивлением... В акциях протеста на Юге участвовали сотни тысяч, если не миллионы корейцев, а многие тысячи уходили в горы и вступали в партизанские отряды коммунистов. Ничего подобного на Севере не происходило... Скорее всего, популярность северокорейского режима была реальной. Он казался (а на том этапе и действительно был) гораздо более эффективным и гораздо менее коррумпированным, чем его соперник в Сеуле»¹.

Сегодня практически невозможно однозначно сказать, сумел бы народ Кореи в той непростой ситуации самостоятельно преодолеть свои внутренние политические противоречия и создать новое государство без вмешательства извне, однако не вызывает сомнения, что раскол Кореи, являясь побочным продуктом мировой борьбы двух систем социального устройства, имел и собственные внутренние корни.

О возникновении 38-й параллели

В советской историографии немного работ, посвященных решению союзников установить разграничительную линию между зонами принятия капитуляции японских войск и последующей оккупации, тем не менее 38-я параллель на карте Кореи оказалась первым шагом к грядущему расколу единого государства. Вряд ли кто-то в то время мог предположить, что проведение этой формальной линии определит судьбу целого народа.

---

¹ Ланьков А. Н. КНДР: вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. Москва: Восточная литература, 1995. С. 35.

В научной литературе в целом достаточно хорошо освещены вопросы взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции, в частности в том, что касается переустройства мира после окончания Второй мировой войны. После двух крупных поражений гитлеровских войск на Восточном фронте (под Сталинградом и на Курской дуге, 1942–1943 гг.), в Великой Отечественной войне наступил коренной перелом, и стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии, стало очевидным, что поражение Германии — вопрос времени.

Для координации совместных действий по разгрому нацистской Германии и обсуждения послевоенного устройства мира руководители СССР, США и Великобритании провели две встречи в ходе войны (Тегеранская конференция, ноябрь–декабрь 1943 г. и Ялтинская конференция, февраль 1945 г.) и одну после ее окончания (Потсдамская конференция, июль–август 1945 г.). На Ялтинской конференции Советский союз подтвердил обязательство вступить в войну против Японии спустя три месяца после разгрома гитлеровской Германии¹. В соответствии с этими обязательствами, 8 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией.

Несмотря на то, что на встречах с союзниками затрагивался и вопрос о Корее, в частности, в Потсдаме была достигнута договоренность о совместной ее оккупации войсками союзников, в итоговых документах стороны не зафиксировали никаких обязательств относительно будущего Кореи. Были согласованы вопросы, связанные с разграничением театра военных действий после вступления СССР в войну с Японией на уровне соответствующих военных ведомств и предполагаемые зоны ответственности. Напомним, что к середине 1945 г. американские войска осуществляли операции на значительном расстоянии от Корейского полуострова и их высадка там представлялась маловероятной. Очевидным было то, что Красная армия гораздо быстрее сумеет выйти к рубежам Кореи и, несмотря на то что основные боевые действия по разгрому японской Квантунской армии предполагалось вести в Маньчжурии, военная операция также предполагала высадку десанта советских войск в корейских портах для уничтожения важных японских опорных пунктов и пресечения снабжения и т. п.

По мнению ряда историков, примерно в это время в американских правящих кругах появились опасения, что Советских Союз может

---

¹ Санаков Ш. П., Цибулевский Б. Л. Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов, Москва: Международные отношения, 1970. С. 19.

иметь далеко идущие планы относительно региона в целом и Кореи, в частности¹. Эти опасения многократно усилились после вступления СССР в войну с Японией, а также быстрого поражения и капитуляции последней. Когда советские войска уже вели боевые действия вблизи территории Кореи, США в спешном порядке разработали и представили советскому руководству план совместной оккупации Кореи с разграничительной линией вдоль 38-й параллели.

США планировали завершить войну лишь к концу 1945 г., и столь быстрое развитие событий привело к необходимости оперативной выработки целого ряда совместных решений, в том числе и относительно будущего Кореи. Основываясь на предварительных договоренностях И. Сталина и президента Ф. Рузвельта, американское военное командование подготовило план совместной оккупации Кореи для принятия капитуляции японских войск («Общий приказ № 1»). Этот документ был направлен руководству Советского союза и Китая (правительству Чан Кайши), не выразивших по его поводу никаких возражений². 16 августа 1945 г. И. Сталин одобрил «Общий приказ № 1» Г. Трумэна по вопросу о деталях капитуляции японских вооруженных сил, в котором официально теперь уже упоминалось о разграничении по 38-й параллели зон ответственности США и Советского Союза при приеме капитуляции японских войск³.

Так как Москва согласилась с «Общим приказом № 1», советским войскам был отдан приказ остановиться и не пересекать 38-й параллели, несмотря на то что отдельные части уже продвинулись дальше. Автору настоящей работы посчастливилось в личной беседе услышать рассказ о тех событиях от непосредственного участника операции советских войск — тоже сотрудника Института востоковедения РАН, ветерана Великой Отечественной войны, выдающегося советского и российского востоковеда, филолога, арабиста Владимира Эдуардовича Шагаля (1925–2015). Его подразделение вышло к 38-й параллели, когда из пролетающих самолетов посыпались листовки с приказом командования прекратить продвижение и остановиться. Впоследствии эти вос-

---

¹ Садаков Д. А. Указ. соч. С. 26.

² Korean unification. Source materials with an introduction. Vol. 1 / Ed. by Se-Jin Kim. Seoul: Research Center for Peace and Unification, 1976. P. 25–26.

³ Минкова К. В. Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944–1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 4. С. 845.

поминания В. Э. Шагала были опубликованы Институтом востоковедения РАН в работе «Война и память» (М., 2019), включавшей интервью, фотографии, рассказы сотрудников института, ветеранов Великой Отечественной войны¹.

У историков нет объективного ответа на вопрос, почему было принято решение оставить южную половину полуострова американцам, учитывая то обстоятельство, что последние еще даже не вступили на землю Кореи, а японцы продолжали боевые действия против советских войск². Вероятнее всего, руководство СССР не придавало особого значения разграничению зон расположения войск союзников для совместного с ними принятия капитуляции, считая это необходимой на текущий момент и лишь временной мерой³. Таким образом, было положено начало раздела Корейского полуострова.

Совместная оккупация и опека Кореи

События 1945–1948 гг. прошлого столетия крайне важны для понимания начала формирования раскола на Корейском полуострове, причем как его доминирующего внешнеполитического аспекта, так и внутренних противоречий корейского общества, освобожденного от многолетнего японского колониального ига.

Важнейшим фактором усугубления внутреннего корейского раскола явилось решение стран-союзников об установлении в Корее режима опеки, принятое на проведенном в декабре 1945 г. совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Вопрос о послевоенном будущем Кореи впервые обсуждался во время проведения Каирской конференции в 1943 г. с участием США, Великобритании и Китая. Примечательно, что стороны не предполагали предоставить Корее независимость сразу же после освобождения, а Великобритания, являвшаяся на тот момент одной из крупнейших метрополий, вообще выступала против этого, опасаясь роста

---

¹ Война и память / Автор-составитель Н. Г. Романова, Москва: ИВ РАН, 2019. С. 113.

² Ванин Ю. В. Окончание Второй мировой войны и Корея // История Кореи. Избранные статьи. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 300.

³ Ким Н. Н. Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история, Москва: Восточная литература, 2015. С. 32.

антиколониальных настроений в других азиатских странах¹. Однако внешнеполитические курсы СССР и США совпадали в стремлении к разрушению старых колониальных империй и предоставлению бывшим колониям, а также зависимым территориям полной независимости.

Советская историография в целом не акцентирует внимание на том, что «...в результате советско-американского союзничества военных лет и приязненных отношений между И. В. Сталиным и президентом Ф. Рузвельтом вплоть до смерти последнего весной 1945 г. образ Советского Союза в США имел положительную окраску...», тем не менее в ней отмечался определенный дух партнерства, стремление к достижению компромисса в решении непростых задач, несмотря на частое несовпадение интересов². Однако пришедший к власти после смерти президента Ф. Рузвельта Гарри Трумэн еще до своего президентства достаточно негативно относился к СССР, именно при нем окончательно сложился внешнеполитический курс США в отношении Москвы именуемый сегодня холодной войной.

Идею временной опеки для Кореи предложил президент США Ф. Рузвельт, исходявший из необходимости содействия в строительстве нового независимого государства корейцами после десятилетий колониального господства японцев. В течение многих лет народ Кореи был лишен права участия в самоуправлении, не имел или утратил опыт общественной самоорганизации, отсутствовали необходимые для строительства государства социально-политические структуры, политические партии, правительство, конституция, законодательные органы, органы правопорядка и т. п. Исходя из этого, предполагалось в течение определенного подготовительного периода ввести опеку или, «попечительство», нескольких государств (США, СССР, Великобритании и Китая) для помощи в создании нового независимого корейского государства.

Во время проведения Ялтинской встречи в феврале 1945 г. эту идею Ф. Рузвельт озвучил И. Сталину, давшему свое согласие при условии, что опека не будет являться формой протектората. Рузвельт заявил, что «корейцам необходима помощь в управлении страной в течение 20–30 лет, на

---

¹ *Cumings B.* The Origins of the Korean War. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 127–129.

² *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995 гг.). Москва: Конверт — МОНФ, 1997. С. 71.

что советский руководитель предложил сократить продолжительность опеки до минимума»¹. Впоследствии, ввиду послевоенных проблем экономического характера в Великобритании и политического кризиса в Китае, эти государства фактически не принимали участия в решении проблем Кореи. На конференции в Потсдаме в июле 1945 г. И. Сталин подтвердил новому американскому президенту Г. Трумэну свою приверженность устным договоренностям с Ф. Рузвельтом относительно опеки, однако тогда ее детали не были согласованы.

Позиция Советского Союза касательно вопроса о будущем Кореи была предварительно изложена на Лондонской конференции министров иностранных дел США, СССР, Великобритании (11 сентября — 2 октября 1945 г.). Москва вновь подтверждала приверженность идее совместной оккупации Кореи с разграничительной линией по 38-й параллели на срок до двух лет с одновременным выводом советских и американских войск по его истечении. Также Советский Союз подтверждал предыдущие договоренности относительно опеки Кореи под эгидой четырех держав. «Целью опеки над Кореей, — говорилось в документе, — должно быть содействие политическому, экономическому и социальному возрождению корейского народа и способствование его прогрессивному развитию в направлении к независимости, в соответствии со ст. 77 пункт “б”, Устава Объединенных Наций»².

16–26 декабря 1945 г. в Москве проходило совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором, среди прочего, обсуждался и корейский вопрос, в том числе были сформулированы и конкретные условия предполагаемой опеки.

Резолюция совещания состояла из четырех пунктов:

1. В целях восстановления Кореи как независимого государства, основанного на принципах демократии, создается Временное корейское демократическое правительство (ВКДП);
2. Для оказания содействия образованию Временного правительства и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать совместную комиссию из представителей командования

---

¹ Садаков Д. А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования в 1943–1947 гг. // Известия Уральского федерального университета (Сер. 2: Гуманитарные науки). 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 26

² Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948. Москва: ИВ РАН, 2006. С. 41.

американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Комиссия должна при выработке своих предложений консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями;

3. Совместной комиссии поручается с участием ВКДП и с привлечением корейских демократических организаций разработать меры помощи и содействия (опеки) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа;
4. Для рассмотрения срочных вопросов... созвать в двухнедельный срок совещание из представителей американского и советского командования в Корее¹.

Фактически суть сводилась к формированию советско-американской военной комиссии, которая должна была, «...консультируясь с корейскими демократическими партиями и общественными организациями»², содействовать образованию Временного корейского правительства, вместе с которым впоследствии должны были быть выработаны конкретные мероприятия в рамках опеки.

Неуклонно нараставшие противоречия и разногласия в позициях СССР и США не позволили комиссии сформулировать даже общие принципы формирования единого корейского правительства. Работа комиссии фактически оказалась безрезультатной, что позволило американской стороне выступить с предложением о переносе решения вопроса в Генеральную Ассамблею ООН. Советская же позиция заключалась в том, что решение Корейского вопроса является частью договоренностей стран-победительниц о послевоенном устройстве мира и не относится к компетенции ООН. Москва при этом ссылалась на ст. 107 Устава ООН, в которой как раз утверждалось, что организация не может лишить юридической силы договоренности стран-участниц ООН, достигнутые в ходе Второй мировой войны в отношении своих противников³.

Охлаждением советско-американских отношений и постепенным нарастанием холодной войны сразу же воспользовались правые партии и силы на Юге, в особенности Ли Сын Ман, который, будучи убежденным

---

¹ История Кореи: (Новое прочтение) / Ред. А. В. Торкунов, М. В. Ильин, Ю. М. Колосов и др. Москва: РОССПЭН, 2003. С. 335.

² Ванин Ю. В. Окончание Второй Мировой войны и Корея. С. 301.

³ Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953 гг.) и ООН. С. 24.

антикоммунистом, прямо выступал за создание сепаратного правительства на Юге, о чем он открыто заявил летом 1946 г.¹

Аналогичные процессы происходили и на Севере, где число сторонников коммунистических идей неуклонно росло ввиду авторитета СССР и одобрения его действий в Корее, а управление делами в стране фактически сосредоточилось в руках молодого Ким Ир Сена, незадолго до этого официально представленного северокорейской общественности советским военным командованием.

Начиная с 1947 г. раскол на полуострове проявился со всей очевидностью, и ситуация стремительно развивалась в направлении дальнейшей дезинтеграции, установления «двоевластия» на фоне усиливающегося советско-американского противостояния и накала внутривластной борьбы.

Вопрос об установлении опеки над Кореей достаточно широко освещен в работах советских корееведов, однако — в силу именно идеологических установок — очень односторонне, что впоследствии признавали сами авторы некоторых работ по этой теме. По выражению выдающегося советского и российского корееведа — Ю. В. Ванина, целый ряд «...тем вообще был “закрыт” для советских ученых...»².

В то время как в реалиях только что освобожденной от десятилетий японского колониального господства Кореи конца 1945 г. новость об установлении «опеки» (в некоторых случаях этот термин некорректно переводился на корейский язык и звучал как «протекторат», как и японский протекторат, предваивший аннексию Кореи в 1905 г.) иностранных государств была воспринята большинством населения страны крайне настороженно, а по большому счету негативно, — советская историография освещала эти события в соответствии с установками политического руководства страны. Классический труд советского корееведения по истории Кореи — двухтомное издание 1974 г. так описывает известие об установлении опеки: «Корейский народ с одобрением и надеждой встретил решения Московского совещания о Корее. В городах и деревнях состоялись многотысячные митинги в поддержку этих решений; демократические

¹ Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 443.

² Ванин Ю. В. Изучение истории Кореи в СССР и России. Предварительные замечания // Корея: История и современность. К 90летию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Воронцов, Чжон Хён Су. Москва — Сеул: ИВ РАН, 2008. С. 67.

партии и общественные организации Северной и Южной Кореи выступили с заявлениями о поддержке Московского соглашения»¹. Изданное несколькими годами ранее справочное издание по Корее дает читателю ту же картину всеобщего понимания неоднозначного решения по Корее: «Принятое в соответствии с советским проектом решение Московского совещания открывало реальные пути к созданию независимого демократического государства и с большим удовлетворением было встречено корейским народом»².

В своих воспоминаниях о событиях тех дней Ф. И. Шабшина так описывала картину происходящего: «28 декабря 1945 г. все основные корейские газеты опубликовали Московские решения. Сейчас я пытаюсь точнее воспроизвести в памяти картину — как принял это известие Сеул? Вначале — массовым ликованием. Затем неожиданно стали сгущаться тучи. Из подворотен и закоулков поползли зловещие слухи о “новом закабалении страны”. В передачах по радио слово “опека” стало переводиться “синтхак чедо”, т. е. “протекторат”. В действие были приведены многочисленные рычаги идеологической машины правых. 29 декабря создан так называемый комитет по мобилизации нации против опеки. Он сразу же развил бурную деятельность в различных организациях, чтобы объединить их для борьбы против Московских решений. Одновременно стали инспирироваться “массовые выступления” — демонстрации, митинги»³.

В действительности решение Московского совещания декабря 1945 г. по установлению опеки над Кореей вызвало крайне противоречивую реакцию в корейском обществе, а полярное отношение к ней основных политических сил страны привело к тяжелейшему внутривнутриполитическому кризису и еще большему внутреннему разладу. И левые, и правые в обеих частях Кореи поначалу выступили против опеки, однако впоследствии северокорейские коммунисты обнародовали заявление в поддержку решений Московского совещания, к которому присоединились и левые на Юге. Несмотря на изначальную стратегию советских военных

---

¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2 т. Т. 2 / Ф. И. Шабшина, Г. Ф. Ким, В. И. Иванова [и др.]; ред. тома В. Д. Тихомиров. Москва: Наука, 1974. С. 170.

² Современная Корея (справочное издание) / Под ред. Б. Л. Модель. Москва: Наука, 1971. С. 123.

³ Шабшина Ф. И. Южная Корея. 1945–1946 гг. Записки очевидца. Москва: Наука, 1974. С. 171.

на Севере создать буржуазно-демократическую систему и сотрудничать со всеми политическими силами, в том числе и с националистическим крылом, возглавляемым Чо Ман Сиком, — решение об опеке окончательно поставило крест на взаимодействии с правыми и привело к выдвижению на первый план коммунистов во главе с Ким Ир Сенем. Коммунисты на Севере и советское военное руководство, таким образом, выступали единым фронтом, поддерживая опеку. На Юге Ли Сын Ман, воспользовавшись настороженным отношением рядовых корейцев к идее опеки, подверг резкой критике левых за поддержку этой идеи, призывая СССР и США немедленно предоставить независимость Корее. Попытка местных центристов (Ё Ун Хён, Ким Гю Сик) примирить левых и правых провалилась, вызвав нападки на них обеих сторон¹. Сыграла свою негативную роль и политика СССР, активно продвигавшего идею опеки и подавлявшего попытки сопротивления ее реализации, в то время как США, собственно инициатор опеки, заняли более гибкую позицию к противникам решения Московского совещания. Таким образом, идея установления опеки определенным образом поделила Корею на два лагеря, разделенных 38-й параллелью.

Примечательно, что один из авторов двухтомной Истории Кореи — Ю. В. Ванин впоследствии иначе оценивал решения Московского совещания, называя их «серьезной ошибкой» и прямо утверждая, что они явились одним из факторов, расколовших корейское общество в тот непростой момент истории страны: «Вряд ли субъективно СССР и США после освобождения Кореи хотели зла корейскому народу, но своими необдуманными действиями причинили его, расколов надвое когда-то единую страну»².

В ситуации постепенного нарастания холодной войны и стремительно ухудшавшихся отношений Москвы и Вашингтона идея содействия формированию единого Корейского правительства со стороны двух антагонистических государств с диаметрально противоположными векторами общественно политического и социально-экономического развития вряд ли могла дать позитивный результат. Идея установления опеки над Кореей лишь усугубила и без того серьезный раскол в общественно-политических силах внутри страны. На этапе, когда необходимо было определить будущее единой страны, и внешние игроки, и внутренние политические

¹ Ванин Ю. В. Окончание Второй мировой войны и Корея. С. 302.

² Ванин Ю. В. Внутренние истоки раскола Кореи. С. 376; Ванин Ю. В. Окончание Второй мировой войны и Корея. С. 301.

силы находились в состоянии все более усугубляющихся противоречий, были недоговороспособны, что неминуемо должно было сказаться на дальнейшем развитии положения в сторону раскола.

Южнее 38-й параллели

В целом позиция отечественной историографии относительно причин раскола Кореи — как внутренних, так и внешних — на протяжении всего советского периода не претерпевала серьезных изменений, за исключением упомянутых выше «закрытых» трудов, в которых содержалась в том числе критика северокорейской политики по объединению страны и которые не следовали «...строгой установке, что они (некоторые вопросы истории. — *Р. К.*) входят в исключительную компетенцию Трудовой партии Кореи, вмешательство в которую недопустимо»¹.

В этом отношении крайне интересны новейшие работы отечественных историков по периоду 1945–1948 гг., во многом проливающие свет на ранее неизвестные или мало акцентированные аспекты внешне- и внутривнутриполитических событий вокруг и на Корейском полуострове в этот период.

В 2015 и 2016 гг. в Институте востоковедения РАН были подготовлены и опубликованы две работы, посвященные событиям в обеих частях полуострова предшествовавшим появлению двух корейских государств. Эти исследования дополняют существующие труды по теме и позволяют взглянуть на проблему возникновения раскола на Корейском полуострове изнутри, с учетом новых материалов, в том числе архивных, недоступных ранее.

Первая работа — «Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история» (М., 2015), в которой рассматривается политическая история Южной Кореи в указанный период, была подготовлена и опубликована сотрудником Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН — Н. Н. Ким. Несмотря на то, что книга посвящена внутривнутриполитической истории южной части Кореи, она содержит большое количество фактологического материала и наглядных примеров того, как развивались процессы внутреннего раскола в Корею и — в то же время — поиска путей

---

¹ Ванин Ю. В. Изучение истории Кореи в СССР и России. Предварительные замечания // Корея: История и современность. К 90-летию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Воронцов, Чжон Хён Су. Москва — Сеул: ИВ РАН, 2008. С. 67.

к объединению. Помимо внутривластной истории Южной Кореи, в работе также затронуты некоторые аспекты предварительной проработки будущего устройства освобожденной Кореи странами «большой тройки» (СССР, США, Великобритания), проблема опеки Кореи, вопросы взаимодействия советской и американской сторон по восстановлению корейской государственности, возникновения разграничительной линии на полуострове и появления первых трудностей, связанных с разрывом традиционных экономических связей северной и южной частей полуострова и т. д.

Книга Н. Н. Ким представляет огромный интерес с точки зрения истории формирования экономической модели и соответствующей ей общественно-политической системы на Юге, а также роли, которую сыграли действия американской военной администрации в их формировании. Работа Н. Н. Ким важна еще и тем, что в представленном в ней анализе событий на Юге во второй половине 1940-х гг. находит подтверждение тезис о различиях в подходах советского и американского внутривластных курсов в двух частях полуострова, что отмечалось и советской историографией.

Автор также приходит к заключению, что в неизбежном расколе единой Кореи, помимо внешнего влияния, далеко не последнюю роль сыграл и собственно корейский фактор, о чем уже говорилось выше. Рассматривая историю южной части полуострова во второй половине 1940-х гг., автор приводит многочисленные примеры того, как в борьбе за власть и влияние различные политические группировки на юге Кореи прибегали к самым разнообразным, нечистоплотным, зачастую откровенно насильственным приемам. С первых же строк книги Н. Н. Ким указывает, что «...признавая значительность влияния США на Юге Кореи, мы вместе с тем не склонны считать, что оно было целиком определяющим в решении политического будущего независимой Кореи...»¹. Собственно корейские общественные противоречия в значительной степени были усилены противостоянием двух антагонистических моделей развития, направлявших две части Корейского полуострова в диаметрально противоположных направлениях.

Такой вывод представляется особенно важным в виду многочисленных утверждений, будто раскол Кореи явился исключительно результатом противоборства внешних игроков — СССР и США.

К моменту освобождения Кореи внутри страны уже существовали сторонники различных общественно-политических течений и правового,

---

¹ Ким Н. Н. Указ. соч. С. 3.

и левого толка, коммунисты и националисты, многочисленные последователи различных религиозных конфессий и течений. Безусловно, большинство из них были привержены общей цели — свержения японского господства и обретения независимости. Совершенно естественным было и то, что после освобождения эти полярные общественно-политические силы концентрировались соответствующим образом вокруг советских или американских военных властей, которым, в свою очередь, также значительно проще было наладить взаимодействие в самых разнообразных вопросах с близкими им по духу левыми или правыми. Уже только одно это обстоятельство в значительной степени предопределило дальнейший ход событий по обе стороны от 38-й параллели. И уже к началу 1946 г. на первый план на Севере и Юге выходили совершенно разные политические силы с диаметрально противоположными идеологическими установками и соответствующими им стратегиями государственного и экономического строительства.

Выше уже отмечалось, что сразу после высадки своих войск на юге Кореи американское командование приступило к осуществлению политики, в корне отличающейся от проводимой советскими войсками на севере страны. Вся бывшая собственность японцев переходила в ведение американского военного командования до дальнейших распоряжений, для поддержания порядка в стране вплоть до передачи всей полноты власти американской военной администрации фактически сохранялся весь японский колониальный аппарат, включая многих японцев и корейских коллаборационистов, а любые местные корейские органы самоуправления объявлялись вне закона и распускались, сопротивление оккупационным силам или любые действия, которые могли нарушить общественный порядок и безопасность, строго наказывались¹.

Неудивительно, что многими корейцами такая политика воспринималась как новая колониальная экспансия, особенно по мере того как постепенно на юг проникала информация о действиях советских войск на севере, о чем довольно много сведений в литературе по данному периоду, в частности, в рассмотренной выше работе Ф. И. Шабшиной.

Н. Н. Ким отмечает, что для американцев опыт налаживания системы хозяйствования в оккупированной и малоизученной стране поначалу был менее удачным, а успехи советского военного командо-

---

¹ Proclamation to the People of Korea Issued by General Douglas MacArthur, September 7, 1945 // Se-Jin Kim (ed.) Korean Unification: Source materials with an introduction. Vol. 1. Research Center for Peace and Unification, 1976. P. 86–87.

вания на Севере служили своего рода ориентиром. «Американцы, разрабатывая или корректируя свою политику на Юге Кореи в области управления, непрерывно оглядывались на Север. Советский Союз хотя и не вмешивался прямо в политику США на Юге Кореи, но опосредованно часто влиял на определение каких-то конкретных шагов внутренней политики американской военной администрации. Американцы не могли не учесть в своей политике то огромное значение в создании будущего Временного Корейского демократического правительства, которое имела организация Временного Народного Комитета (ВНК) на Севере Кореи в феврале 1946 г. Поэтому они поспешили с созданием Демократической палаты. Но опыт оказался неудачным, так как палата была совершенно не представительным с политической точки зрения органом власти и никак не могла сравниться по своему значению с ВНК Северной Кореи. Остро чувствуя необходимость в такой же кореизации системы внутреннего управления, как это сделали русские на Севере, в Госдепартаменте поддержали идею о создании законосовещательного собрания»¹.

Тем не менее вскоре были осуществлены аналогичные мероприятия для налаживания хозяйственной деятельности в южной части полуострова. Однако экономика, являющаяся базисом любой общественно-политической системы, в значительной степени, если не целиком, определяет и надстройку. В работе Н. Н. Ким также рассматривается вопрос и о социальной базе, внутренней опоре политических партий и общественных организаций, приближенных и поддерживаемых американским военным командованием.

Долгое время американская военная администрация не могла определиться с тем, как поступить с бывшей собственностью японцев и — самое главное — с основными средствами производства, что имеет решающее значение для формирования государственной системы и дальнейшего функционирования экономики. По мнению Н. Н. Ким, нерешительность американцев объяснялась намерением впоследствии передать права собственности единому корейскому правительству. Однако время шло и, особенно на фоне относительно быстрой национализации всей японской собственности на Севере, откладывать решение этого вопроса на Юге становилось сложнее. Тем более, что неопределенность ситуации с бывшей японской собственностью, в особенности с той ее

---

¹ Ким Н. Н. Указ. соч. С. 137.

частью, которая была приобретена корейцами еще при японцах, вызывала серьезное недовольство местного населения.

Еще больше времени ушло на решение проблемы земельной реформы, которая в итоге была осуществлена в форме распродажи, что привело к формированию небольшого числа крупных земельных собственников. По очевидным политическим соображениям руководство американской военной администрации, как и курирующий данный вопрос Государственный департамент США, не могли пойти на реализацию земельной реформы по образцу Северной Кореи, где земля была передана в собственность крестьянам.

Затягивание очевидно насущных и жизненно важных вопросов формирования экономики страны вызывало недовольство населения Юга Кореи и усиливало позиции местных коммунистов, указывавших на позитивный опыт на Севере. В 1947 и 1948 гг. это недовольство вылилось в целый ряд довольно крупных народных выступлений на юге Кореи и острове Чечжудо¹.

Таким образом, закладывая основы иной модели социально-экономических отношений в южной части страны, американская военная администрация фактически создавала соответствующую им форму государственного и политического устройства, иную классовую структуру общества, что затрудняло объединение обеих частей полуострова в единое хозяйственное пространство.

Как мы убедимся ниже, советское военное командование гораздо быстрее и эффективнее реализовывало решения вопросов организации экономики и налаживания новой системы хозяйствования, в очевидно большей степени отвечавшие чаяниям местного населения. Однако имплементация совершенно разных моделей экономики в двух частях полуострова в итоге привела к формированию разных политических систем и будущих государственных образований.

Работа Н. Н. Ким посвящена, как следует из названия, политической истории в Южной Кореи, и, пожалуй, самым главным ее достоинством является современное отражение реалий формирования политической системы и общественных отношений в южной части полуострова, внутриполитической борьбы различных сил. В работе наглядно и скрупулезно прослеживается, как происходил процесс внутрикорейского

---

¹ Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. Санкт-Петербург: Изд-во СПб.У, 2018. С. 443, 458–459.

размежевания и, в то же время, отчаянный поиск путей достижения внутреннего единения в период с 1945 по 1948 г. В то же время, работа интересна и с точки зрения истории формирования экономической модели, отличной от северокорейской, и соответствующей ей общественно-политической системы. Начало этим процессам было положено действиями американской военной администрации, однако в дальнейшем инициатива постепенно переходила к самим корейцам. «Признавая значительность влияния США на Юге Кореи, — пишет автор, — мы вместе с тем не склонны считать, что оно было целиком определяющим в решении политического будущего независимой Кореи»¹.

В работе Н. Н. Ким показано, что действия американской военной администрации не вызывали массового энтузиазма у корейцев и все чаще встречали молчаливое неодобрение или даже открытое противодействие. Политика США в Корее на начальном этапе характеризовалась неопределенностью, что, скорее всего, объяснялось надеждой на налаживание конструктивного взаимодействия с советским военным командованием. Однако по мере быстрой «советизации» Севера в условиях усугубления советско-американских противоречий и нарастания холодной войны, действия американцев в Корее приобрели иной характер и направленность. В своей книге Н. Н. Ким приводит большое количество примеров того, как действия американской военной администрации шли в разрез с интересами широких слоев населения. Так, она пишет: «Не осознав особенностей внутринационального противостояния, имевшего не столько политическое, сколько социально-экономическое измерение, американские власти не могли проводить на Юге такую политику, которая бы адекватно отвечала национальным требованиям и уменьшила бы социальное сопротивление народных масс»². Очевидно, что США преследовали иные интересы, нежели содействие становлению независимого демократического корейского государства. Совершенно иной была ситуация на Севере, где советское командование осуществляло точно такие же первоочередные задачи при значительной поддержке самих корейцев (подробнее об этом см. ниже).

Характеризуя роль, которую сыграли действия великих держав в формировании раскола на Корейском полуострове во второй половине 1940-х гг., Н. Н. Ким в заключении к своей работе пишет о том, что

¹ Ким Н. Н. Указ. соч. С. 3.

² Там же. С. 266–267.

и Советский Союз, и США в равной степени повлияли на формирование на Севере и Юге соответствующих моделей государственного устройства. Представлявшие диаметрально противоположные, антагонистические модели общественного развития СССР и США «...посредством своей оккупационной политики... так или иначе напрямую воздействовали на развитие борьбы между различными политическими группами...»¹.

Этот довод, безусловно, верен в том смысле, что каждое из государств, в той или иной степени внесших весомый вклад в дело освобождения Кореи от японского колониального ига, имело огромный авторитет среди рядовых корейцев, оба они в их глазах являли пример сильных, развитых и независимых государств. Дискутировать с заключением автора представляется возможным в части соответствия действий советской и американской военных администраций непосредственно интересам самих корейцев, а также в том, что касается стратегических задач Москвы и Вашингтона в ходе краткосрочного их взаимодействия на Корейском полуострове после освобождения страны.

Севернее 38-й параллели

Еще одной важной работой, представляющей несомненный интерес для настоящего исследования, также подготовленной и изданной в Институте востоковедения РАН, является книга Ю. В. Ванина «Советский Союз и Северная Корея, 1945–1948». Фактически впервые на основе новых, недоступных ранее архивных материалов предметно была изложена история развития событий в северной части полуострова, подконтрольной советским войскам непосредственно с момента освобождения страны вплоть до провозглашения КНДР.

Следует отметить, что в последние годы жизни Ю. В. Ванин активно изучал и даже приступил к работе по переосмыслению сложнейшей темы истоков, возникновения и углубления раскола в Корее. По его мнению, «...в основе раскола Кореи лежали обострившиеся советско-американские противоречия. Но неверно сводить все только к ним... и уводить от исторической ответственности за раскол страны корейские политические силы»².

В одной из своих статей, посвященных анализу внутренних истоков корейского раскола, он пишет: «Для лучшего понимания того, что происходило в Корее после 1945 г., полезно вспомнить некоторые характерные

---

¹ Ким Н. Н. Указ. соч. С. 375.

² Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948 гг. С. 213.

черты ее традиционной политической культуры. Одна из них — неумение и нежелание лидеров, и их окружения подняться выше личные, клановых, групповых, местных и прочих интересов ради общенациональных целей, что порождало дробление политических сил и непрерывную борьбу между ними с самыми тяжелыми последствиями. Так было и далеко в прошлом, так происходило и после 1945 г.»¹.

Ю. В. Ванин проводил параллели с другими историческими сюжетами из истории Кореи, где фракционизм и неспособность элит преодолеть внутренний разлад не способствовали общественной мобилизации перед внешними угрозами и становились препятствием для необходимой консолидации, что в итоге приводило к печальным последствиям. Так, по мнению Ю. В. Ванина, было во второй половине XIX в., когда быстро меняющаяся внешняя обстановка требовала решительных действий для внутренней трансформации общества и государства, а неспособность власти адекватно воспринять угрозы и выработать единый подход для ответа на эти вызовы в итоге привели к колониальному закабалению страны. Во многом это произошло и в результате раскола общества, когда одна его часть требовала реформ в соответствии с веяниями времени, а другая стояла на традиционно консервативных позициях и призывала «закрыться» от внешнего мира.

В личных беседах автора настоящего исследования с самим Ю. В. Ваниным последний не раз утверждал, что и в ситуации середины 1940-х гг. внешние обстоятельства лишь обострили давние противоречия внутри самого корейского общества, наполнили его новым содержанием в духе нового времени.

Книга Ю. В. Ванина фокусируется на проблеме взаимоотношений Советского Союза с той частью Кореи, которая оказалась в зоне влияния советских оккупационных войск вплоть до провозглашения там северокорейского государства. Этот период в отечественном корееведении довольно мало освещен, в основном советско-северокорейское сотрудничество рассматривалось в период после провозглашения КНДР, поэтому ценность работы Ю. В. Ванина состоит, прежде всего, в том, что она затрагивает самые различные аспекты внутривнутриполитической и экономической жизни страны переходного периода, формирования органов власти, участия населения страны в процессах самоорганизации, появление первых народных комитетов и т. д.

¹ Ванин Ю. В. Внутренние истоки раскола Кореи. С. 365.

В книге подробно рассмотрены вопросы, ранее не затрагивавшиеся или мало освещенные отечественным корееведением, такие как система советских органов управления на севере Кореи, их взаимодействие со стихийно появлявшимися органами народной власти, различные проблемы, связанные с пребыванием Советской армии на территории страны, использование СССР трофейной японской собственности и некоторые другие¹. Работа основана на обширных архивных материалах, недоступных ранее, и значительно пополняет копилку исторических знаний о роли Советского Союза в пост-колониальном восстановлении экономики Северной Кореи, образовании местных органов государственной власти и даже в вопросах развитии культуры и искусства.

Выше уже отмечалось, что советская политика в корне отличалась от той, что проводила американская военная администрация на юге, а также и то, что по мнению советских исследователей, Советский Союз в гораздо большей мере содействовал процессу самостоятельного формирования корейцами собственной государственности. Довольно часто в самой различной, а иногда и в научной литературе, можно встретить тезис о якобы насильственной «советизации» или насаждении советской системы в освобожденных странах войсками Красной Армии.

В этом отношении весьма показательным является опубликованный в работе Ю. В. Ванина документ — директива Ставки Верховного Главнокомандующего Красной Армии от 20 сентября 1945 г., определивший советскую политику на территории Северной Кореи, в первых же пунктах которого предписывается «не создавать органов советской власти и не вводить советских порядков» на освобожденной территории. Более того, в документе дается прямое указание «...содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока антияпонских демократических партий и организаций»².

Далее на основе уже имеющихся источников и архивных материалов автор книги показывает, как на практике реализовывалась эта директива и как советский войска (по сути, единственная власть на момент освобождения) содействовали становлению и работе возникавших повсеместно в Северной Корее органов местного самоуправления после ликвидации японских колониальных структур.

---

¹ Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948. С. 5.

² Там же. С. 42–43.

Вкратце, меры, предпринятые советской военной администрацией, сводились к следующему. Поскольку после изгнания японских колониальных властей вся бывшая японская собственность оказалась в ведении советского военного командования, которое провозгласило, что не собирается оставаться в Корее, необходимо было, прежде всего, создать корейские государственные структуры для передачи им всего имущества. С самого начала пребывания советских войск на территории Северной Кореи, при командующем 25-й армией были созданы департаменты промышленности, путей сообщения, земли и леса, финансов, связи, торговли и т. д. Примечательно, что во главе каждого такого департамента стояли корейцы, при которых были советские советники. Впоследствии, уже в начале 1946 г., при участии представителей местных народных комитетов был создан Временный народный комитет Северной Кореи (ВНКСК), а уже к осени того же года советское командование передало в ведение этого комитета все промышленные предприятия, банки, гидроэлектростанции и прочие объекты, ранее принадлежавшие японцам. В дальнейшем все законодательные инициативы исходили уже от Временного комитета, то есть от самих корейцев, что не исключало, разумеется, предварительных консультаций и согласования с советской стороной. В марте 1946 г. ВНКСК принял Закон о земельной реформе, в соответствии с которым крестьянам безвозмездно передавалась вся земля, не только принадлежавшая ранее японцам, но и та, что была во владении местных помещиков. Далее последовали законы о труде, о равноправии женщин и закон о национализации промышленности, транспорта, банковской системы¹.

Несмотря на то, что большинство последующих решений в области государственного и социально-экономического характера вырабатывалось и принималось уже самими северокорейцами, Ю. В. Ванин также отмечает, что «...на протяжении 3-х лет пребывания (советских войск. — Р.К.) в Северной Корее все основные решения местных органов власти обязательно согласовывались с соответствующими органами советского военного командования»².

Тем не менее следует заметить, что такой подход в гораздо большей степени отвечал задаче содействия в организации самостоятельных корейских органов власти и государственных структур, нежели действия

¹ Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948. С. 106–114.

² Там же. С. 46.

американцев в южной части полуострова. Немаловажным выводом Ю. В. Ванина является и то, что, в отличие от политики Американской военной администрации на юге Кореи, процесс перехода полномочий во всех сферах жизнедеятельности Северной Кореи от советских органов к корейским разворачивался довольно быстро и завершился к 1948 г.

Как видно из этих первых законодательных актов, формируемая модель хозяйствования на севере Кореи постепенно приобретала черты не буржуазно-демократического, как предполагалось изначально, а скорее социалистического устройства, чему во многом содействовали инициативы самих корейцев.

О том, насколько такое направление государственного строительства соответствовало интересам широких народных масс всей Кореи того времени, свидетельствует тот факт, что в одной из первых деклараций Корейской Народной Республики, созданной на базе сформированных самими корейцами многочисленных народных комитетов при активном содействии видного общественного деятеля Ё Ун Хёна в Сеуле еще до прибытия на полуостров американских войск, объявлялись такие первоочередные мероприятия, как конфискация всех японских и помещичьих земель, безвозмездная передача их крестьянам, а также национализация крупной промышленности и банков.

Эти мероприятия в большей степени соотносятся с социалистической моделью государственного устройства, нежели с буржуазно-демократической, поскольку ликвидируется частная собственность на основные средства производства, в сельском хозяйстве появляется большая прослойка мелких частных собственников и т. д. Важно отметить и то, что все эти меры были категорически отвергнуты американскими военными, а Корейская Народная Республика не была признана.

В то же время на Севере все указанные реформы осуществлялись на практике уже не советскими военными властями, а собственно корейскими, что резко контрастировало с тем, как аналогичные вопросы решались на Юге. Этому в большей степени посвящена работа Н. Н. Ким, но для целей, поставленных в настоящем исследовании, отметим одно важное обстоятельство, которое также затронуто в труде Ю. В. Ванина и имеющее самое прямое отношение к формированию будущего раскола Кореи. Помимо того, что работа совместной советско-американской комиссии по созданию общего правительства единой Кореи провалилась, нужно сказать, что одним из факторов, оказавших прямое влияние на то, что в зонах пребывания войск союзников совершенно по-разному

складывались отношения между военными администрациями и местным населением, или временными органами власти, было то, что, согласовав границы зон оккупации, СССР и США не имели единого плана действий по взаимодействию при формировании корейских органов управления в начальный или переходный период. Каждая из союзнических сторон действовала самостоятельно и по-разному. Таким образом, к моменту проведения Московской конференции министров иностранных дел в декабре 1945 г., на которой и было принято решение о создании советско-американской комиссии для решения указанных вопросов, — в обеих частях полуострова *уже* начали складываться разные общественно-политические и социально-экономические отношения, что в итоге сформировало соответствующие векторы развития будущих государственных образований.

Уже на самом первом заседании советско-американской комиссии в начале 1946 г. стороны не сумели решить проблему наметившегося экономического разрыва между Севером и Югом — один из самых ключевых вопросов для создания единого социально-экономического механизма государства. Ю. В. Ванин пишет: «...Удалось согласовать несколько второстепенных вопросов, но не удалось главное — сохранить и упрочить единое экономическое пространство Кореи. Военно-политическое расчленение Кореи дополнилось экономическим, тяжко сказавшимся на положении обеих частей страны. Не оправдались надежды корейцев на то, что будет упразднено разграничение по 38-й параллели. Напротив, пограничную зону тогда закрепили, поставив расставить вдоль нее советские и американские контрольные посты. Передвижение корейского населения и товаров через 38-ю параллель ограничивалось, а затем и вовсе прекратилось»¹. Это обстоятельство в немалой степени поспособствовало укреплению раскола страны как в экономико-географическом отношении, так и в обыденном сознании жителей полуострова.

Как отмечалось выше, дальнейшие заседания комиссии в течение 1946 и 1947 гг. были по сути безрезультатными с точки зрения задач, которые были поставлены перед ней, в то время как в обеих частях полуострова по-своему налаживались вопросы организации экономики, политического устройства, формировались органы власти и местного самоуправления. Современные исследования этого важнейшего для последующей

---

¹ Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948. С. 126–127.

судьбы Кореи отрезка истории затрагивают еще один немаловажный аспект взаимодействия советской и американской сторон в выработке практических решений в рамках совместной комиссии. Этот аспект также являлся отражением неотвратимо нараставшей общей конфронтации между СССР и США, однако в решении насущных хозяйственных проблем формально единого полуострова излишняя принципиальность играла деструктивную роль, не позволяя достичь единства мнений по самым элементарным вопросам. Так, Ю. В. Ванин отмечал, что позиция советской делегации на состоявшемся в январе–феврале 1946 г. в Сеуле совещании представителей командования войск США и СССР «...вероятно, также заслуживает критического подхода... на совещании имелся достаточный простор для поисков взаимоприемлемых решений, если бы обе стороны искренне стремились к компромиссу. Но возобладал зарождавшийся в ту пору конфронтационный дух»¹. Такого же мнения придерживается и другой исследователь — В. В. Лебедев. Так, в своей работе, посвященной начальному этапу установления советской и американской военных администраций в Корее, он прямо обвиняет советскую сторону в излишней бюрократизации процесса выработки важных решений: «...Советский бюрократизм сыграл в этом процессе крайне отрицательную роль, превратив начальника советской гражданской администрации Северной Кореи в фигуру чисто номинальную»². Таким образом, даже на уровне принятия решений чисто практического характера, необходимых для осуществления хозяйственной деятельности двух частей полуострова, союзники не могли достичь понимания, что также усиливало дезинтеграционные процессы в Корее.

Работы Ю. В. Ванина «Советский Союз и Северная Корея, 1945–1948» и Н. Н. Ким «Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история», в значительной степени дополняют друг друга и представляют собой новый, современный взгляд отечественного корееведения на историю внутривнутриполитической жизни в двух частях Корейского полуострова

¹ Ванин Ю. В. Некоторые аспекты корректировки исследований по истории Кореи (1945–1955) // История Кореи. Избранные статьи. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 603.

² Лебедев В. В. Начальный этап установления советской и американской администраций на Корейском полуострове и вопрос о Корее в мировой политике в 1945 г. // Дипломатия на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. Материалы Всерос. науч. конф., Иркутск, 13 мая 2016 г. / Редкол. С. И. Кузнецов (гл. ред.) и др. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 139.

в период после освобождения страны вплоть до образования двух корейских государств.

Таким образом, мы видим, что фактический раскол единой страны начался уже с самых первых дней после освобождения, когда отсутствие согласованного плана действий для советских и американских оккупационных войск в переходный период, то есть до решения вопроса о создании корейского государства, привело к тому, что в северной и южной частях полуострова начали складываться две разные модели государственного устройства.

Более того, ограничение движения через 38-ю параллель и прерывание исторически сложившихся в единой стране экономических связей между северной и южной половинами усугубляли эти тенденции, вынуждая выстраивать собственные независимые друг от друга экономики на севере и юге.

По окончании Второй мировой войны в мир вновь вернулось ненадолго забытое противоборство двух систем общественного устройства, двух идеологий, одна из которых, отстаив свое право на существование и укрепив свой авторитет в глазах широкой мировой общественности, продолжила шествие по планете.

Вопросы послевоенного переустройства мира, помимо судеб проигравших государств, касались также стран, освобожденных от довоенного колониального гнета крупных держав, среди которых были и страны-победители. Проблема деколонизации бывших и существующих на тот момент зависимых народов была довольно болезненной, например, для Великобритании, которая не торопилась выносить его на обсуждение с участием других государств, в особенности Советского Союза, чья международная политика была направлена на освобождение народов мира от угнетения. Не обладавшие собственными колониальными владениями Соединенные Штаты были заинтересованы в расширении своего международного присутствия и влияния, в том числе и за счет ослабления метрополий, лишения их колоний, но в еще большей степени — в недопущении распространения коммунистической идеологии. Эти приоритетные задачи не предполагали серьезной проработки решений насущных проблем освобожденных территорий с их исторической и культурной спецификой, каковой являлась Корея.

Как уже отмечалось выше, изучение периода с 1945 по 1948 г. имеет большое значение для понимания внутренних процессов на полуострове и формирования раскола. В отмеченных работах Ю. В. Ванина

и Н. Н. Ким авторы, основываясь на уже имеющемся богатом историческом материале, рассмотрели историю внутреннего положения в северной и южных частях с привлечением солидного количества новых материалов, ввели в исторический оборот новые документы и источники, пролили свет на ряд ранее малоизученных или уже известных сюжетов, во многом подтвердили ряд важных выводов историков советского периода.

Искусственный разрыв единого социально-экономического пространства Кореи по 38-й параллели неизбежно вел к разделению самой страны. Этот тезис, несомненно, имеет огромное значение как для понимания дальнейшего углубления раскола Кореи, так и для поиска путей реинтеграции в будущем. Не случайно до сегодняшнего дня самым реалистичным и результативным путем примирения и межкорейского сближения на рубеже XX и XXI вв. оказалась «солнечная политика» президента Южной Кореи Ким Дэ Джунa (годы президентства 1998–2003), в основе которой лежала идея приоритета восстановления совместного хозяйствования.

Работы Ю. В. Ванина и Н. Н. Ким ярко демонстрируют, что во второй половине 1940-х гг. на Корейском полуострове, в обеих его частях, углублялись процессы разграничения и размежевания во всех сферах. Тем не менее, несмотря на затянувшуюся работу советско-американской комиссии, отдельные представители корейских политических сил пытались остановить сепаратистские тенденции в отношениях между Югом и Севером. В работе Н. Н. Ким немало внимания уделено попыткам формирования центристского крыла южнокорейского политического спектра. Однако маховик внутреннего размежевания был запущен, особенно острый характер эта борьба приобрела в виде противостояния коммунистов и националистов. Вполне закономерно и то, что провал работы советско-американской комиссии был фактически повторен и на межкорейском уровне. Политические силы Севера и Юга не смогли и не хотели договариваться, поставив свое стремление к обретению политической власти выше дела объединения раскалывающейся страны.

Представляется важным, что — преднамеренно или нет — уже самые первые шаги советской и американской военных администраций способствовали формированию и углублению раскола на полуострове. В обеих его частях стали складываться совершенно разные формы хозяйство-

вания и управления страной, начали формироваться принципиально различные социально-экономические базисы, соответствующие им экономические уклады, формирующие соответствующую им надстройку и всю общественно-политическую систему¹.

Также следует подчеркнуть, что и в трудах советских корееведов, и в современных работах находит подтверждение тезис, что действия советского военного командования в большей степени отражали интересы собственно корейцев, поскольку американская военная администрация не имела четкого представления или плана действий в южной части Кореи (по крайней мере, до формирования единого Корейского правительства), а впоследствии, по мере углубления уже советско-американских противоречий на фоне нарастающей холодной войны, Южная Корея стала превращаться в антикоммунистический плацдарм, с опорой на соответствующие политические силы.

С одной стороны, противоречия в послевоенной политике СССР и США были неизбежны и неуклонно вели к противостоянию, с другой — само корейское общество не было политически однородным. И эта неоднородность коренилась не только в политико-идеологическом противостоянии двух мировых систем, она коренилась и в истории Кореи.

Сыграло свою пагубную роль и наследие японского колониального периода, на что прямо указывали и советские, и современные российские историки: «Колониальное прошлое в немалой степени предопределило сложные, противоречивые процессы в освобожденной Корее, обусловило раскол страны и его драматические последствия»².

Японцы проводили методичную политику по ассимиляции и искоренению национального самосознания, языка, традиции и культуры корейцев, а тех, кто в той или иной форме сопротивлялся, уничтожали или демонстративно превращали в людей второго сорта. К моменту освобождения корейское общество оказалось чрезвычайно разрознено: были те, кто открыто боролся с японским колониализмом, ушел в партизанское движение или подполье, и те, кто вынужденно сотрудничал с японцами, кто-то делал это сознательно и стал коллаборационистом, а кто-то молча

---

¹ Лебедев В. В. Указ. соч. С. 138–139.

² Ванин Ю. В. Предисловие // Колониальная Корея из публикаций в СССР 1920-х — 1930-х гг. Сборник статей (Сер.: Российское корееведение в прошлом и настоящем). Москва: Гриф и Ко, 2007. С. 11.

смирился, но содействовал антияпонской борьбе, кто-то со временем отчаялся в перспективах борьбы и перешел на позиции национал-реформизма¹ и т. д.

В период японского колониального господства в Корее окончательно сформировались основные политические силы — националисты и коммунисты, при этом немало было и центристов. Помимо этих основных направлений общественно-политических концепций развития страны, существовало и правительство в изгнании во главе с Ким Гу, а также многочисленные религиозные группы.

В течение многих лет японцами осуществлялась сознательная политика подавления и искоренения из менталитета корейцев важного государствообразующего компонента — способности самостоятельного разрешения внутренних противоречий, стремления к поиску компромисса и взаимодействия общественных и политических сил в решении непростых задач.

На все это накладывался характерный для корейцев внутренний фракционизм, конфуцианская традиция подчинения старшему, желание примкнуть к сильной стороне, которая на первых порах олицетворялась и осуществлялась американскими и советскими войсками². При этом первые не спешили с наказанием национальных предателей и коллаборантов или с распределением японской собственности, в то время как вторые довольно быстро и четко провели целый ряд важных мероприятий по национализации бывшей японской собственности, провели земельную реформу в интересах большинства крестьян, сформировали народные комитеты и передавали власть в их руки.

На Севере и Юге складывались совершенно разные общественно-политические образования, в основе которых четко прослеживалась диаметрально противоположная классовая основа и суть.

* * *

Как известно, в 1948 г. на территории Корейского полуострова возникли два антагонистических по общественно-политическому и соци-

---

¹ Об идее формирования корейскими революционными и патриотическими силами блока с реакционными слоями, в частности — с прояпонской национальной буржуазией см.: *Ли-Канг*. О национал-реформизме в Корее, 1933 г. // Колониальная Корея. Москва: ИВ РАН, 2006. С. 169–170.

² *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва: Изд-во Ун-та Дм. Пожарского, 2017. С. 21–24.

ально-экономическому устройству государства, каждое из которых претендовало на право представлять весь народ Кореи. В конституциях Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики провозглашался суверенитет над всей территорией полуострова, что означало непризнание противоположной стороны.

Дальнейшее развитие событий было более чем стремительным. Ни ООН, ни СССР, ни США не смогли предотвратить неизбежного скатывания ситуации к вооруженному столкновению. Экономике двух государств становились все более автономными, внутренние политические силы по обе стороны 38-й параллели зеркально отображали советско-американские политико-идеологические противоречия и стали откровенно враждебны друг другу. Ни одно из корейских государств не собиралось мириться с ситуацией двоевластия на полуострове при том, что фактически никакого конструктивного диалога между сторонами не было.

Все чаще звучали призывы устранить незаконную власть «на той стороне» и объединить страну силой оружия. Ситуация внутри Кореи настолько обострилась, что генерал Д. Ходж в своем докладе в Вашингтон еще в феврале 1947 г. предупреждал о неизбежности гражданской войны, если правительства США и СССР не примут немедленных мер к объединению Кореи¹. Но позиции СССР и США по корейскому вопросу уже в значительной степени вошли в состояние неразрешимого противоречия, как и общее представление о будущем Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 1949 г. Советский союз провел успешное испытание собственной атомной бомбы, лишив США монополии на оружие массового уничтожения и установив ядерный паритет между двумя противоборствующими блоками. В том же году китайские коммунисты разгромили поддерживаемые США войска Чан Кайши и объявили о создании Китайской Народной Республики, расширив, таким образом, блок социалистических стран в Северо-Восточной Азии непосредственно до границ Кореи.

Борьба двух противоборствующих систем за господство в мире выходила на новый уровень, и Корейский полуостров оказался на самой границе этого противостояния. К этому моменту здесь уже не было ни советских, ни американских оккупационных войск.

---

¹ Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 1980-х годов). Москва: Восточная литература, 1998. С. 21.

В январе 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон выступил с заявлением, в котором изложил американскую внешнюю политику в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона. Он обрисовал так называемый периметр обороны США в Азии, фактически очертив границы недопущения дальнейшего распространения влияния Советского Союза и его идеологии¹. Южная Корея не была включена в этот периметр, что вызвало панические настроения среди южнокорейских правых, полагавших, что таким образом США исключили Юг из сферы своих стратегических интересов, развязывая руки Северу в предполагавшемся военном походе с целью объединения страны². Вне всякого сомнения, это заявление явилось отражением в американской внешней политике складывающейся мировой обстановки — укрепления и расширения блока стран социалистической ориентации, установления ядерного паритета и конфронтации между СССР и США. Безусловно и то, что исключение Кореи из американского «ядерного зонтика» сказалось на оценках общей ситуации на полуострове в обеих Кореях в преддверии войны.

По мере углубления противоречий между СССР и США, все более отчетливо принимавших очертания полноценной холодной войны, мировое сообщество также оказалось неспособным повлиять на ситуацию в Корее, примирить стороны и избежать будущего столкновения. Генеральная Ассамблея ООН, находившаяся под влиянием США, поддержала инициативу южнокорейской стороны в вопросе о формировании единого правительства путем выборов, проведенных только на территории Юга с большим количеством нарушений и не признанных Пхеньяном и Москвой³. Напомним, что Советский Союз считал, что решение корейского вопроса находится вне компетенции международного сообщества и ООН, поскольку является предметом договоренностей о послевоенном обустройстве мира стран «большой тройки» (СССР, США, Великобритания). Все это делало невозможным какой-либо конструктивный диалог между бывшими союзниками по урегулированию корейского вопроса.

---

¹ Сполной версией этого документа можно ознакомиться по ссылке: Acheson Speech on the Far East — 12 January 1950 // Электронный ресурс: URL: https://archive.org/stream/AchesonSpeechontheFarEast12January1950/Acheson+Speech+on+the+Far+East+-+12+January+1950_djvu.txt (Дата обращения: 01.10.2021).

² Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. Глава 1. С. 56–57.

³ Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. С. 31.

Спустя два года после провозглашения Республики Корея и КНДР между двумя государствами разразилась война, вскоре переросшая в крупный международный конфликт с участием почти двух десятков стран. В советской историографии краткий, но чрезвычайно важный период истории Кореи, между возникновением двух государств и началом Корейской войны, не получил должного всестороннего освещения, прежде всего — в силу соответствующих идеологических установок. В российской историографии этот период обрел уже более глубокое и всестороннее освещение, однако следует отметить, что советское корееведение в целом верно отражало те внешние и внутренние тенденции, которые неизбежно вели к расколу единой страны.

Глава 2

В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Корейский вопрос после войны

Корейская война 1950–1953 гг. окончательно закрепила раскол единой нации на два противоборствующих лагеря, на долгие годы превратив полуостров в арену противостояния двух корейских государств. Недоверие и враждебность, агрессивная идеологическая контрпропаганда и искусственное нагнетание нетерпимости к противоположной стороне, казалось бы, полностью должны были исключить даже возможность какого-либо диалога, не говоря уже о решении вопроса мирного объединения.

Однако уже после первых успехов в послевоенном восстановлении страны, к началу 1960-х гг., обе стороны начали «прощупывать почву» для начала диалога. Несмотря на довольно серьезные внутривнутриполитические проблемы в правящих кругах КНДР середины 1950-х гг. (подробнее см. ниже. — *Р. К.*), в целом Север значительно опережал Юг в темпах восстановления, экономического строительства и общего развития. Республика Корея, напротив, к началу 1960-х гг. находилась в довольно тяжелом положении, вследствие глубокого внутривнутриполитического кризиса.

Тем не менее и Север, и Юг двигались в сторону сближения, преследуя свои — порой отнюдь не мирные — задачи, однако и те, и другие осознавали неизбежность межкорейского диалога в будущем.

Однако же, как представляется, начало движения навстречу было продиктовано происходившими в КНДР и РК внутривнутриполитическими и соци-

ально-экономическими изменениями. По понятным причинам в советской историографии практически не было информации об этих контактах между Севером и Югом, тем более что осуществлялись таковые в режиме строжайшей секретности, в том числе и от своих могущественных союзников. Тем не менее в ряде работ советских корееведов конца 1980-х гг. стали появляться упоминания о ранних межкорейских контактах, что говорит о том, что такого рода информация в том или ином виде доходила до руководства СССР и даже до научного сообщества, но, конечно же, в «закрытой» форме.

Одной из таких работ является книга В. Д. Тихомирова «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов)», подготовленная в 1988, но увидевшая свет в лишь в 1998 г. Несмотря на то, что работа вышла уже в постсоветский период, она в значительной степени основана на предыдущих трудах В. Д. Тихомирова по корейской проблеме, ее внутренним и международным аспектам. В 1983 г. в Институте востоковедения тогда еще АН СССР В. Д. Тихомиров защитил докторскую диссертацию по теме «Корейская проблема и международные факторы. 1945–1982 гг.», а в дальнейшем был автором целого ряда книг и статей по данной проблематике. Он также принимал участие в качестве редактора и автора глав и статей во многих сборниках и коллективных монографиях, посвященных корейскому вопросу и проблеме объединения Кореи, таких как: «Корейская проблема в послевоенный период», «Проблема объединения Кореи в буржуазной историографии на рубеже 70-х годов», «Восстановление дипломатических отношений с Южной Кореей», «Корея: Диалог Севера и Юга» и т. д. В. Д. Тихомиров участвовал и в создании упомянутых выше специальных работ «для внутреннего пользования», так, например, его авторству принадлежит раздел «Проблемы национального объединения Кореи» в «Специальном бюллетене» ИВ АН СССР 1979 г.

В. Д. Тихомиров также принял участие в создании двухтомной «Истории Кореи. С древнейших времен до наших дней» (М., 1974), для которой написал главы «Корейский вопрос и международное совещание в Женеве» и «Проблема объединения Кореи в современных условиях».

Все эти труды легли в основу его уже упомянутой монографии «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов)» (М., 1998), весьма серьезной и основательной, в которой автор одним из первых предложил периодизацию истории корейского вопроса, которая, можно с уверенностью утверждать, наиболее

точно отражает ее основные периоды. Периодизация, предложенная В. Д. Тихомировым, позволяет также проследить все этапы межкорейского диалога по проблеме объединения.

Прежде чем перейти к рассмотрению собственно истории межкорейских контактов и начала диалога, следует упомянуть, что по окончании войны международным сообществом была предпринята еще одна попытка мирного решения корейского вопроса и проблемы воссоединения. Корейская война закончилась 27 июля 1953 г. заключением соглашения о перемирии (или соглашением о прекращении огня), в статье 4 (п. 60) которого предусматривался в течение трех месяцев после вступления в силу документа созыв «международной политической конференции высокого уровня с обеих сторон, в которой примут участие представители, назначенные обеими сторонами, для урегулирования путем переговоров вопросов... касающихся мирного урегулирования корейского вопроса...»¹.

Конференция была проведена в Женеве весной 1954 г. при участии министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции, однако обсуждение корейского вопроса ожидаемо окончилось безрезультатно. Характерно то, что еще до проведения конференции, буквально спустя месяц после окончания войны, руководство Южной Кореи в лице президента Ли Сын Мана, к слову, отказавшегося поставить свою подпись под соглашением о перемирии и настаивавшем на продолжении военных действий, — вело переговоры с государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом о заключении Договора об обороне, в соответствии с которым США обязывались оказывать военную поддержку Южной Корее, а также получали право размещать свои военные базы на ее территории². Договор был ратифицирован Национальным собранием Южной Кореи и сенатом США в начале 1954 г.

С тех пор и по сей день американские войска на постоянной основе находятся на территории Республики Кореи. Принимавшие непосредственное участие в боевых действиях на стороне Севера китайские войска были выведены с территории страны в 1958 г. В такой ситуации совершенно неудивительно, что никакие международные инициативы с участием идеологических противников не могли привести к какому-либо положительному результату в вопросах межкорейского урегулирования.

---

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 43.

² Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 44–45.

В. Д. Тихомиров в своей работе отмечает довольно любопытный факт, имевший отношение к возможному пути решения проблемы объединения Кореи, на который в то время не обратили внимания, в то время как сегодня эта идея в том или ином виде озвучивается с обеих сторон. Практически одновременно с работой Женевской конференции Джавахарлал Неру, выступая 18 мая 1954 г. в Совете штатов Индии, отметил, что корейская проблема в политическом и военном отношении зашла в тупик, и предложил в качестве выхода следующий вариант: признавая объединение Северной и Южной Кореи своей конечной целью, обе стороны могли бы функционировать независимо друг от друга, отдельно и демократически. При этом они должны были иметь некую общую временную структуру. Они могли вести переговоры по общим вопросам и достигать соглашения. Позднее они могли бы сплотиться теснее. Это предложение Дж. Неру не предназначал прямо для Женевской конференции, но оно прозвучало весьма реалистически и могло явиться хорошей основой в деле выработки подходов к корейской проблеме. Этого, однако, не случилось¹.

Представляется, что эта прогрессивная по меркам времени идея совершенно не могла быть воспринята обоими Корейскими государствами в силу целого ряда причин. Несмотря на прекращение боевых действий, Корейская война формально не окончилась, стороны в полной мере еще не отказались от идеи освобождения своего народа по ту сторону 38-й параллели, да и не были готовы к тому, чтобы преодолеть инерцию противоборства и восприятия противоположной стороны как врага, тем более что мировое идеологическое противостояние между капиталистическим и социалистическим лагерем было на пике.

Крайне негативно по отношению к Северной Корее и коммунистической идеологии вообще относился и лично Ли Сын Ман, неоднократно открыто высказывавшийся о необходимости освобождения народа Северной Кореи от ига коммунизма. Антикоммунизм был своего рода государственной идеологией южнокорейского режима. Идея «похода на Север» ради воссоединения на протяжении всего периода правления Ли Сын Мана оставалась практически неизменной официальной линией.

То же самое верно и в отношении Северной Кореи только в противоположном смысле. Южнокорейский режим провозглашался, марионеточным, антинародным, даже фашистским, а благородной задачей

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 47.

корейцев на Севере являлось освобождение всего народа единой страны от засилья классовых врагов и угнетателей.

В основном по причине таких исходных идеологических позиций первые контакты между Севером и Югом стали возможны только после свержения Ли Сын Мана в результате массовых протестов в Южной Корее в апреле 1960 г. Уже сам по себе этот факт говорит об отношении южных корейцев к политике властей и общей ситуации в стране, характеризовавшейся «...ущербностью правления первых послевоенных руководителей, состоянием невообразимой разрухи, господством авторитарных порядков...»¹. Революционный подъем южнокорейского общества в начале 1960-х гг. воодушевил северокорейское руководство, активизировавшее внешнеполитические усилия в попытках превратить народные выступления в полноценную революцию, которая должна была привести к объединению с Севером. Кроме того, не меньшую роль в этом сыграл фактор обострившейся международной обстановки, а также противоречия во взаимоотношениях основных союзников по социалистическому лагерю.

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. изменилась не только позиция Советского Союза по вопросу целесообразности продолжения Корейской войны, но и внешнеполитический курс Москвы в целом. После непродолжительного периода внутренней фракционной борьбы в верхушке коммунистической партии Советского Союза, на передний план вышла группа во главе с Н. С. Хрущевым. После 1956 г. в стране стартовала кампания по «развенчанию» культа личности И. В. Сталина, осуждению «...серьезных нарушений Сталиным ленинских заветов, злоупотреблений властью, массовых репрессии против честных советских людей и других действий в период культа личности...»².

После XXII съезда КПСС некоторые принципиальные постулаты коммунистической идеологии были подвержены критике (в частности, тезис о необходимости продолжения борьбы за установление «диктатуры пролетариата»), в экономике страны разворачивались реформы, в последствии расцененные многими как первые шаги в направлении постепенного отказа от социалистического способа хозяйствования и даже осторожного внедрения рыночных механизмов, пусть и в зачаточном виде.

---

¹ Мазуров В. М. Республика Корея на этапе перехода к демократии // Республика Корея: опыт модернизации. Москва: Восточная литература, 1996. С. 5.

² Постановление XXII Съезда КПСС, пункт 2 // Известия. № 258(13805), вторник 31 октября 1961 г.

Новости из Москвы поначалу вызвали настороженную реакцию в Пекине и Пхеньяне, усматривавших в этих событиях серьезную угрозу формату собственной власти, а также сталинской политэкономической модели, которая, по сути, и лежала в основе государственного устройства КНР и КНДР. Одной из причин внутривластного кризиса в КНДР в середине — второй половине 1950-х гг. явилось то, что целый ряд высокопоставленных чиновников в Трудовой партии Кореи выступили против усиления культа личности Ким Ир Сена¹. В результате внутренней партийной борьбы и несмотря на попытку повлиять на ситуацию со стороны советских высокопоставленных лиц, Ким Ир Сен сумел сохранить и даже укрепить свою власть в стране. Однако после этих событий отношения между Москвой и Пхеньяном стали более чем прохладными, несмотря на внешние заверения в дружбе и т. п.

Примерно в этот период северокорейское руководство начинает твердо осознавать необходимость устранения зависимости от своих больших союзников и проведения самостоятельного курса во внутренней и внешней политике. Можно предположить, что в это время было принято и принципиальное решение о создании собственного ядерного оружия, для чего требовалось сформировать самодостаточную экономическую базу для развития необходимых отраслей промышленности. Впоследствии, в рамках провозглашенной концепции идей «чучхе»² (опоры на собственные силы, как это часто переводилось), КНДР все больше дистанцировалась от подконтрольных Москве политико-экономических структур стран социалистического лагеря, разрабатывала собственные хозяйственные программы и подходы, начала развивать сотрудничество с третьими странами и т. п. Обратной стороной этой стратегии были очевидные ошибки в экономической политике, сокращение возможностей взаимопомощи в рамках соцлагеря и — как следствие — отсутствие необходимой консолидации стран социалистического блока в выработке и реализации единого курса по решению корейского вопроса на международной арене.

---

¹ Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. Москва: Восток–Запад, 2005. С. 121.

² Автор концепции — Ким Ир Сен — формулировал ее суть так: независимость в политике, самостоятельность в экономике и самооборона при защите страны от внешних врагов. Подр. см.: Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен / Отв. ред. М. В. Демченко. Москва: Русская панорама, 2006. С. 26.

В. Д. Тихомиров отмечает, что, помимо Женевской конференции 1954 г., следует отметить еще ряд инициатив, выдвинутых северокорейской стороной, но ввиду сложной ситуации в отношениях с Югом и, в особенности, с учетом односторонней и неконструктивной позиции южнокорейского руководства, все они остались без ответа. Надо сказать, что и отношение руководства Северной Кореи к режиму Ли Сын Мана было соответствующим, — в своих выступлениях Ким Ир Сен не раз говорил о необходимости свержения «антинародной клики» и марионеточного южнокорейского правительства.

Таким образом, в этот первый послевоенный период (1953–1960) попытки решения корейского вопроса на международном и межкорейском уровнях были практически нереализуемыми на фоне острых идеологических противоречий в позициях СССР и США, а также сложной ситуации на Корейском полуострове.

Создание американо-южнокорейского военного союза, размещение войск США на территории Южной Кореи на постоянной основе, антикоммунизм Ли Сын Мана и его линия на военное решение проблемы объединения, с одной стороны, серьезные разногласия в лагере ключевых союзников КНДР — СССР и Китая, внутрисполитическая борьба внутри самой Северной Кореи, начало ее «отдаления» Москвы, а с другой — сближение ее с Пекином создавали ситуацию, в которой содержательный и конструктивный диалог между сторонами был невозможен. Эти факторы предопределили дальнейшее развитие ситуации на Корейском полуострове, в том числе и в вопросах о возможном объединении.

Первые контакты Севера и Юга

Новый этап в истории межкорейских отношений и поиска путей налаживания диалога наступил с началом 1960-х гг., после свержения Ли Сын Мана и установления в Южной Корее Второй Республики (1960–1961). Еще в ходе апрельских массовых выступлений на Юге звучали призывы объединиться с Севером, что не могло остаться незамеченным в Пхеньяне.

Важным обстоятельством, также во многом определившим характер объединительной политики КНДР, стало подписание летом 1961 г. официальных двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве с КНР и СССР, предполагавших немедленную военную помощь в случае

нападения на КНДР третьей стороны. Несмотря на некоторое охлаждение отношений между Москвой и Пхеньяном, необходим был ответ на соответствующий военный союз Сеула и Вашингтона, а также на политику последнего по созданию антикоммунистического блока азиатских стран. В то же время эти договоры значительно укрепляли суверенитет и позиции КНДР в регионе, а также давали Пхеньяну важные гарантии безопасности в случае войны.

Важно отметить, что успехи в послевоенном восстановлении страны и экономическом строительстве в купе с новым военно-политическим союзом с СССР и Китаем серьезным образом укрепили позиции КНДР на полуострове по сравнению с отстававшей в экономическом развитии Южной Кореей, что давало Пхеньяну преимущество в возможном диалоге с Сеулом. И действительно, в глазах мирового сообщества Северная Корея демонстрировала значительно большие успехи в экономическом и социальном строительстве, повышая собственный престиж в глазах мирового сообщества.

Стремившийся реализовать такое положение Пхеньян осенью 1960 г. выступил с новыми мирными инициативами по объединению, в которых впервые прозвучала идея создания конфедерации на переходный период, предполагавшая сохранение на Севере и Юге существующих общественно-политических и социально-экономических систем и правительств. Эти инициативы вполне отражали реалии текущей ситуации на Юге и даже «...стали предметом обсуждения не только широких слоев населения, но и в Национальном собрании Республики Корея. КНДР выразила также готовность поставить Сеулу в порядке помощи необходимое оборудование для восстановления бездействующих предприятий и для строительства новых заводов и фабрик, направить нужное для этого сырье и предоставить кредиты, поставлять электроэнергию, уголь, цемент, листовое стекло, станки, химические продукты и т. п., столь необходимые Южной Корее для ее промышленного развития. Пхеньян предлагал также оказать содействие подъему сельскохозяйственного производства и материального положения крестьянства... предусматривались мероприятия по развитию торговли и культурного обмена, по восстановлению транспорта и связи, развитию здравоохранения»¹.

---

¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2 т. Т. 2 / Ф. И. Шабшина, Г. Ф. Ким, В. И. Иванова [и др.]; ред. тома В. Д. Тихомиров]. Москва: Наука, 1974. С. 301–312.

В отечественной историографии существует точка зрения, что идея конфедерации преследовала «иные цели», нежели те, которые декларировалось в целях пропаганды. Так, В. П. Ткаченко в своей работе по корейской проблеме (подробнее об этом см. ниже. — *Р. К.*) пишет, что «...Н. С. Хрущев предложил Ким Ир Сену позаимствовать опыт ГДР, которая выдвинула идею создания конфедерации германских государств» летом 1960 г., полагая, что такой шаг «...поможет привлечь на свою сторону определенные круги на Юге»¹.

В приведенном в работе В. П. Ткаченко фрагменте беседы Н. С. Хрущева и Ким Ир Сена отсутствуют какие-либо утверждения относительно иных замыслов северокорейского или советского руководства относительно предложений о создании конфедерации. Однако материалы личных архивов, изложенные В. П. Ткаченко, весьма интересны для понимания представлений северокорейского руководства о ситуации в Южной Корее в период после свержения Ли Сын Мана, а также вероятных планов организации «революции» на Юге и достижения воссоединения. В этой же беседе Ким Ир Сен фактически вкратце излагает свое видение положения на Юге и стратегию объединения, вытекающую из него: «...Население Южной Кореи непрерывно поднимается на борьбу, однако в настоящее время ТПК еще имеет небольшие силы на Юге. В условиях американской оккупации трудно рассчитывать на серьезные перемены в южнокорейском режиме... Наши партийные силы на Юге сумели занять важные посты, смогли проникнуть в руководство ряда партий, в том числе и в правящую либеральную, в южнокорейскую армию и в некоторые другие организации. Наши товарищи находятся главным образом среди верхушки, но среди рабочих и особенно среди крестьян наши силы незначительны... на Юге организуются массовые партии центристского направления. Они находятся под нашим влиянием. Будем стараться использовать их, выступая за демократизацию страны, сближение Севера с Югом...»². Во многом эти соображения северокорейского лидера проливают свет на причины резкой и агрессивной перемены риторики КНДР по объединению, после военного переворота на Юге, перечеркнувшего планы Ким Ир Сена по реализации сценария «мягкой революции».

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 79.

² Там же. С. 77.

Действительно, ситуация существенно изменилась с приходом к власти военных в Южной Корее в результате государственного переворота в мае 1961 г. Взяв всю полноту власти в стране, военные, прежде всего, ставили задачу поддержания порядка и стабильности, для чего были предприняты довольно жесткие меры (ущемление гражданских прав, запрет деятельности политических партий, профсоюзов, СМИ, церкви и т. п.)¹. В то же время, возглавивший переворот генерал Пак Чжон Хи (1917–1979) не мог полностью проигнорировать северокорейские инициативы по объединению страны, тем более что они были вполне миролюбивы и нашли отклик среди многих южнокорейских рядовых граждан.

Вероятно, именно поэтому спустя всего три месяца после прихода к власти военных, в августе 1961 г., южнокорейская сторона изыскала способ передать Пхеньяну сообщение с просьбой о проведении секретной встречи с целью обмена мнениями по вопросам объединения страны. Можно лишь предполагать, чем в реальности руководствовались военные в Южной Корее, решившись на такой шаг, однако важно отметить, что реакция со стороны Севера последовала довольно быстро и была положительной. Стороны хотели присмотреться друг к другу, прежде всего — Север. Пак Чжон Хи был новой фигурой на политическом небосклоне — кадровый военный, в прошлом даже коммунист, впоследствии, после поступления на службу к японцам, сменивший свои взгляды. Безусловно, северяне были заинтересованы в установлении контактов с военными на Юге и знакомстве с их планами. Вряд ли стороны ожидали каких-то серьезных подвижек в решении накопившихся двусторонних проблем, тем не менее вплоть до 1962 г. состоялось 15 таких встреч в обстановке полнейшей секретности².

Об этих первых послевоенных контактах Севера и Юга впервые в отечественной историографии написал В. П. Ткаченко в своей работе «Корейский полуостров и интересы России». Это очень значительный и во многом фундаментальный труд, посвященный истории, развитию и возможным путям решения Корейского вопроса в свете интересов России в XXI веке. Работа была издана в 2000 г., в нее автор вложил все свои обобщенные знания профессионала с богатейшим опытом научного и дипломатического работника, много лет проработавшего в посольстве

¹ Мазуров В. М. Республика Корея на этапе перехода к демократии. С. 26.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 46–47.

СССР в Пхеньяне, бывшего заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС, возглавлявшего Центр корейских исследований Института Дальнего Востока и т. д. Вне всякого сомнения, многие годы работы в Корее и в высших государственных органах, обширные знания и личные контакты помогли В. П. Ткаченко обрести колоссальный багаж всесторонних знаний по проблемам Корейского полуострова в свете российских интересов. Его труды представляют огромный научный интерес, оставаясь актуальными и по сей день.

Несмотря на то, что эти первые послевоенные контакты между Севером и Югом не принесли результатов, В. П. Ткаченко придает им большое значение. «Первый контакт Севера и Юга привлекает к себе внимание главным образом потому, что по форме его проведения и характеру обсуждавшихся вопросов он довольно точно отражает существовавшие в то время представления о путях решения корейских проблем»¹. В переговорах участвовали по два офицера и секретарь с каждой стороны. Южнокорейские военные действовали от имени и по поручению генерала Пак Чжон Хи и представили программу для обсуждения из 4 пунктов:

1 — учреждение постоянных военных представительств в Сеуле и Пхеньяне, 2 — организация межкорейской торговли, 3 — обеспечение свободного передвижения через границу для населения, 4 — восстановление почтового сообщения.

Очевидно, что такого рода мероприятия не могли входить в компетенцию военных офицеров и требовали участия в переговорах представителей более высокого уровня. Характерно, что даже в таком формате ни по одному из предложенных пунктов не удалось достичь каких-либо договоренностей, переговоры были прекращены.

В работе В. П. Ткаченко высказано резонное предположение, что в реальности южнокорейская сторона и не преследовала задачи непременно достичь каких-либо результатов: «Политическая обстановка на Юге после военного переворота оставалась нестабильной, и новым властям в Сеуле надо было выиграть время, чтобы укрепить свои позиции»². Также автор отмечает и возможное желание южан прощупать почву и выяснить намерения Севера после подписания советско-северокорейского договора.

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 46.

² Там же. С. 48.

Тем не менее встреча прошла в довольно дружественной обстановке, и стороны даже обменялись подарками для Ким Ир Сена и Пак Чжон Хи. В. П. Ткаченко отмечает любопытную деталь в рассказе об этой встрече, ссылаясь на материалы, опубликованные в южнокорейской печати в 1992 г.: одним из подарков северокорейской стороны для Пак Чжон Хи был документальный фильм о достижениях Северной Кореи, который произвел на генерала огромное впечатление; приведены слова, сказанные им после просмотра: «Мы сделаем то же самое без промедления и не хуже их»¹.

Сложно сказать, насколько эта история соответствует действительности, но по многочисленным свидетельствам, да и в соответствии с тогда еще публикуемыми данными, Северная Корея, как уже отмечено выше, действительно серьезно опережала Юг в восстановлении и дальнейшем экономическом развитии. Тем не менее сегодня мы знаем, что Пак Чжон Хи сдержал слово и сумел осуществить задуманное, по праву считаясь одним из инициаторов «Чуда на реке Ханган» — колоссального экономического рывка, предпринятого Южной Кореей начиная со второй половины 1960-х гг.² Можно лишь предполагать, какова была реакция северокорейской стороны на переговоры с южанами и какие выводы были сделаны относительно нового южнокорейского руководства, но известно, что вскоре после этой встречи объединительная политика и риторика КНДР приобрели несколько иной характер. На словах провозглашая мирные инициативы, Север фактически исключил прямые контакты с руководством Южной Кореи. Упор был сделан на форсирование внутренних народных волнений и создание на Юге базы для реализации «революции против фашистского режима южнокорейской военщины». «В речи Ким Ир Сена на сессии ВНС КНДР третьего созыва 23 октября 1962 г. явно отрицалась возможность какого-либо международного решения проблемы объединения, подчеркивалось, что “мир нужно не выпрашивать, а завоевывать”, и что именно так надо действовать для объединения Кореи»³.

---

¹ Чосон Ильбо 23.06.1992 (цит. по: Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 48).

² Аносова Л. А., Матвеева Г. С. Южная Корея. Взгляд из России. Москва: Наука, 1994. С. 21.

³ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 72.

Проблема объединения в 1960-е гг.

Изменения в обоих Корейских государствах и в международной обстановке в 1960-е гг. позволяют отнести этот отрезок к новому этапу урегулирования корейского вопроса и поиска пути к объединению. Начало этого этапа характеризовалось успехами Северной Кореи в социально-экономическом развитии на фоне внутренней нестабильности на Юге, что давало КНДР преимущество в инициативах по решению корейского вопроса, а также способствовало повышению престижа северокорейской модели. Одновременно с этим в те же годы противоречия между крупнейшими социалистическими державами — СССР и КНР — достигли своего пика, что не позволяло подходить к решению корейской проблемы единым фронтом на международной арене, а также в целом подрывало авторитет коммунистического проекта. Эти противоречия в лагере ведущих социалистических стран отразились на откровенно провокационном и контрпродуктивном характере северокорейской внешней политики и стратегии по объединению к концу 1960-х гг. Можно предположить, что этому поспособствовали и первые серьезные успехи нового южнокорейского президента в сфере экономики и государственного строительства. Южная Корея уверенно двигалась в направлении нормализации социально-экономического положения и несмотря на то, что в обществе все еще было сильно противодействие авторитарным методам нового военного руководства (забастовки, студенческие выступления и т. п.), — сказывались меры правительства по выходу из кризиса, укреплялся общественный консенсус, ширилась социальная база режима военных¹. На Севере явно чувствовали постепенный спад революционного накала на Юге, к тому же, приход военных к власти в стране при молчании США, мог означать и возврат к идее силового решения проблемы объединения страны. Это в своей работе отмечает и В. Д. Тихомиров, когда характеризует перемены во внешнем курсе Пхеньяна в 1960-х гг. «...Политика Пхеньяна по объединению заметно изменилась с приходом к власти на Юге в мае 1961 г. военной хунты во главе с Пак Чонхи (Пак Чжон Хи. — *Р. К.*). Оценив это как реакционный, фашистского толка переворот, руководители КНДР стали все более выдвигать на первый

---

¹ Грязнов Г., Казакевич М., Синицын Б. Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи // Специальный бюллетень. № 9. Москва: ИВ РАН; Наука, 1969. С. 7–8.

план в своей политике объединения организацию в Южной Корее всенародного сопротивления военному режиму, всеобщую борьбу за изгнание американских империалистов из Кореи»¹.

В советской историографии в силу известных причин это изменение северокорейской политики не акцентируется, наоборот — заостряется внимание на росте милитаристских устремлений со стороны Юга. Но несмотря на то, что подобная риторика действительно звучала из уст некоторых представителей военных властей Южной Кореи, вероятнее всего, на тот момент страна была не готова к каким-либо серьезным военным операциям в условиях все еще сохранявшейся внутренней нестабильности.

О переменах в настроениях северокорейского руководства в отношении Юга пишет и В. П. Ткаченко: «КНДР осуществляла курс на форсирование объединения страны. Оно рассматривалось в Пхеньяне как задача, которая не терпит ни малейшего отлагательства. Ситуация на Юге оценивалась как предреволюционная»². В начале 1965 г. Пак Чжон Хи, вынужденный проводить внутренние экономические реформы в условиях дефицита современных технологий и инвестиций, пошел на крайне непопулярный среди корейцев шаг — нормализацию отношений с Японией. Еще не прошло полных 20 лет с момента освобождения Кореи от японского колониального ига, и в памяти большинства корейцев были живы воспоминания о том трагическом и жестоком периоде. По стране прокатилась волна массовых народных выступлений при поддержке оппозиционных политических сил, недовольных авторитарными порядками военного руководства страны. Нужно сказать, что на протяжении всех 1960-х гг. массовые выступления южнокорейцев были регулярны, так как страна по-прежнему переживала довольно тяжелый период в своем экономическом восстановлении. Безработица, рост дороговизны, нехватка продовольствия, коррупция в высших сферах бюрократического аппарата — все это было преодолено не сразу и в большой степени дестабилизировало внутреннюю обстановку в стране.

Вместе с тем, в 1965 г. в обмен на солидную экономическую помощь со стороны США правительство Пак Чжон Хи приняло решение направить примерно 50-тысячный экспедиционный корпус южнокорейских солдат и офицеров во Вьетнам, что также было довольно однозначно

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 71.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 30.

расценено в Пхеньяне как растущая милитаризация и подготовка вооруженных сил к возможной войне на полуострове.

Пхеньян все определеннее стал выступать за более быстрое и решительное достижение национального единства. 22 июня 1965 г. 11 общественных организаций КНДР опубликовали заявление, в котором отмечалось, что «единственным путем... является изгнание агрессивных войск американских империалистов из Южной Кореи и воссоединение страны в самое ближайшее время...». В речах руководителей КНДР и в печати стал все чаще звучать мотив приближающегося «великого революционного события», т. е. объединения страны. С 1967 г. все настойчивее проводилась идея о том, что Северной Корее якобы угрожает немедленная война. Эта «опасность войны» стала привычным фоном всей жизни КНДР, заставляя население находиться в постоянной мобилизационной готовности¹. В это же время резко возрастает количество инцидентов, в том числе вооруженных, с убитыми и ранеными в демилитаризованной зоне на границе КНДР и РК, Пхеньян существенно наращивает расходы на вооружение и армию, готовит специальные диверсионные подразделения и т. д.².

В 1967 г. на сессии Верховного народного собрания КНДР была утверждена Политическая программа правительства из 10 пунктов, где среди прочего подчеркивалось, что «...население Северной Кореи должно быть готовым активно встретить великое революционное событие, а население Юга — подняться на борьбу против США и сеульского правительства»³.

Уже к концу 1960-х гг. северокорейское руководство пересматривает свою политику и оценку внутренней ситуации на Юге, однако со второй половины 1960-х гг. атмосфера на Корейском полуострове, по мнению большинства исследователей, была близка к критической. Она в известной мере отражала и ситуацию в мире, где в тот же период наблюдалась острейшая фаза холодной войны: Карибский кризис, война во Вьетнаме, Берлинский кризис, Шестидневная война на Ближнем востоке и т. д. Ряд инцидентов произошел и на Корейском полуострове. В самом начале 1968 г. на территорию Южной Кореи проник отряд из нескольких специально обученных бойцов с целью физического устранения Пак Чжон Хи. Их удалось обнаружить и уничтожить практически на подступах к резиденции президента, и лишь один был схвачен.

---

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 75.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 33.

³ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 77.

Буквально пару дней спустя в территориальных водах КНДР было захвачено американское военное разведывательное судно «Пуэбл» вместе со всей командой. Вооруженное столкновение тогда едва не привело к крупному конфликту и вовлечению в него государств, обладающих ракетно-ядерным оружием. Это привело к возникновению острейшего международного кризиса с участием США, КНДР и СССР. Причиной кризиса во многом стала жесткая позиция северокорейской стороны, требовавшей признания вины и извинений со стороны США.

В 2008 г. на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока» В. П. Ткаченко опубликовал большое исследование, в котором он детально рассмотрел кризис с «Пуэбл» и дал его всестороннюю оценку, в том числе и с точки зрения места и роли России в подобного рода международных инцидентах, к сожалению, далеко не единичных в регионе. Поначалу США также заняли довольно жесткую позицию, так как беспрецедентное задержание американского военного корабля с экипажем сильно ударило по престижу крупной державы. Помимо прочего, американское руководство рассматривало вопрос о нанесении ударов по северокорейским объектам, в связи с чем ситуация серьезно обострилась.

К концу 1960-х гг., в самый разгар холодной войны, положение во всем мире было довольно тревожным: отношения между СССР и США резко обострились из-за войны во Вьетнаме, советско-китайские противоречия неуклонно нарастали, совсем недавно завершился Карибский кризис, чуть было не приведший к ядерному конфликту. В разгар кризиса с захватом «Пуэбл» из показаний капитана захваченного северокорейцами американского разведывательного корабля стало известно, что «судно работало по планам Центрального разведывательного управления США. Там прорабатывались варианты распространения войны во Вьетнаме на другие регионы Азии, в связи с чем «Пуэбл» направлялся в прибрежные воды СССР, КНДР и Китая»¹. Сблизившись в эти годы, Пекин и Пхеньян активно разрабатывали и пропагандировали идею общемирового антиамериканского и антиимпериалистического фронта и, в частности, активно критиковали СССР, придерживающийся концепции мирного сосуществования двух мировых систем, за неприсоединение к этому движению. «Аналогичные мотивы отчетливо просматривались в политике Северной Кореи в отношении Юга. Объединение

¹ Ткаченко В. П. Уроки Корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 85.

Кореи рассматривалось в Пхеньяне как задача, которая “не терпит ни малейшего промедления”. Там считали, что в Южной Корее вскоре произойдет революция, в ходе которой произойдет объединение страны. В этом случае, по словам корейских лидеров, потребуется вооруженная помощь со стороны Севера, что приведет к войне, которая перерастет рамки локальной, распространится на СССР и КНР, с которыми у КНДР существуют союзные договоры»¹.

Однако в руководстве Советского Союза прекрасно помнили об уроках Корейской войны, хорошо видели и не разделяли курс на форсирование вооруженного пути воссоединения Кореи в северокорейской политике. Чрезвычайную опасность дальнейшей эскалации напряженности в регионе осознавали и в Вашингтоне. Поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, именно дипломатические усилия основных противников в холодной войне — СССР и США — привели в конце концов к мирному урегулированию проблемы.

Противоречия между СССР и Китаем в 1960-е гг. привели к китайско-северокорейскому сближению и отдалению Пхеньяна от Москвы, что дало стимул к появлению большей самостоятельности Северной Кореи в осуществлении политики, направленной на воссоединение. Однако к середине 1960-х гг. агрессивная внешнеполитическая риторика Пхеньяна, направленная на форсированное объединение, способствовала обратному эффекту. Целый ряд довольно серьезных инцидентов с участием КНДР, упомянутых ранее: неудачная попытка уничтожения южнокорейского президента Пак Чжон Хи северокорейским спецназом в январе 1968 г., захват американского разведывательного судна «Пуэбло» в том же году и еще ряд схожих сюжетов — демонстрировали совершенно немирный характер устремлений северокорейского руководства, компрометируя социалистическую концепцию в целом. В глазах мировой общественности позиция КНДР по вопросам объединения страны была серьезным образом дискредитирована на долгие годы. Более того, северокорейская политика серьезным образом подорвала собственный имидж в глазах южных корейцев, чем сразу же воспользовалась официальная пропаганда Пак Чжон Хи, изобличавшая агрессивные планы коммунистов.

В результате все это вкупе с неправильной оценкой внутренней обстановки в Южной Корее, а также на фоне советско-китайских противоречий не позволило странам социалистического лагеря выступить единым

---

¹ Ткаченко В. П. Уроки Корейского кризиса. С. 87.

фронтом с мирными инициативами по объединению Кореи, а Северной Корее — воспользоваться своим очевидным социально-экономическим преимуществом, которое в дальнейшем пошло на спад. Итогом этого кризиса явилось и то, что на фоне общей разрядки напряженности в мире в начале 1970-х гг. руководство КНДР вынуждено было постепенно отказаться от силовых методов объединения и согласилось с необходимостью совместной с Югом выработки путей решения проблемы.

Что касается южнокорейского подхода к проблеме объединения в период 1960-х гг., то в целом он, по сути, был не более конструктивен, а с учетом существенного отставания Республики Кореи в экономическом развитии от КНДР — и мало реалистичен. Основная его идея вновь сводилась к апелляции к ООН и ее содействию в проведении демократических выборов на всей территории корейского полуострова. В идеологическом плане Пак Чжон Хи продолжил антикоммунистическую линию Ли Сын Мана, что явно не способствовало конструктивному диалогу с противоположной стороной. С 1949 г. в стране действовал «Закон о национальной безопасности», исходивший из «определения КНДР как «антигосударственной организации» и объявлявший антикоммунизм в качестве официальной доктрины Южнокорейского государства»¹.

В. Д. Тихомиров приводит довольно характерную цитату самого Пак Чжон Хи того времени: «Компромисс с коммунистической партией означает начало конца. Необходимо помнить, что выступления в пользу территориального объединения на основе хаоса... это путь к национальной гибели. Теория объединения страны посредством нейтрализма, за что так шумно выступали студенты, создает возможность для кровавых злодеяний коммунистов»². Такого рода исходные позиции в большей степени работали как инструмент внутренней пропаганды, нежели способствовали установлению отношений с противоположной стороной.

Несмотря на то, что некоторые предложения северокорейской стороны содержали действительно конструктивные и прогрессивные идеи по реализации формата взаимодействия сторон для достижения объединения, целый ряд пропагандистских заявлений, общая риторика в отношении правящих кругов противоположной стороны, а также изначальные идеологические установки не предполагали компромисса и свидетельство-

---

¹ Толстокулаков И. А. Современная политическая система Республики Корея. законодательство в сфере национальной безопасности // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 94.

² Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 80–81.

вали о стремлении в итоге установить свою общественно-политическую и социально-экономическую модель для единой Кореи.

Южнокорейские предложения, очевидно, также носили пропагандистский характер и являлись скорее неизбежной ответной реакцией на северокорейские инициативы. Сказывалось то, что в условиях очевидного отставания Юг был не в состоянии содержательно вести диалог с неравным соперником.

В целом представляется, что в первый послевоенный период обе стороны не были готовы к содержательному равноправному диалогу, а возможно — и не предполагали таковой.

Проблема объединения в 1970-е гг.

Новый этап в межкорейских отношениях во многом определялся как негативными результатами предшествующей политики, так и в значительной степени изменившейся международной обстановкой — периодом разрядки мировой напряженности, а также переходом от жесткой политики идеологической конфронтации к нормализации отношений, расширению сотрудничества между странами Запада и социалистического лагеря. Южная Корея продолжала стремительно развиваться, поступательно возрастал ее экономический и военный потенциал. В КНДР, наоборот, постепенно начали проявляться стагнационные процессы, перегибы в хозяйствовании и реализации политики «чучхе» в экономике, продолжились тенденции дистанцирования от Москвы и стран социалистического блока, что усугубляло наметившееся отставание в экономическом соревновании с Югом. По разным оценкам, в этом отношении обе Кореи сравнивались примерно к середине 1970-х гг., и очевидно, что к этому моменту руководство КНДР уже пришло к пониманию бесперспективности ставки на «народную революцию на Юге», а значит необходимо было искать новые подходы к решению проблемы воссоединения.

Наконец на корректировку объединительной стратегии КНДР повлияло и решение нового президента США Ричарда Никсона (годы президентства 1969–1974) — вывести часть американского контингента с полуострова¹. Дело в том, что на протяжении всего послевоенного времени, одним из ключевых требований северокорейской стороны в вопросе об объединении являлся полный вывод американских оккупа-

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 50.

ционных войск с территории Южной Кореи. «Опасаясь, что фактически неприкрытый воинственный курс Северной Кореи может помешать выводу американских войск, руководство КНДР предприняло определенную корректировку своей политики по объединению»¹.

Несмотря на то, что еще свежи были в памяти многочисленные вооруженные инциденты на 38-й параллели и попытки устранения высшего руководства Южной Кореи, сохранялась атмосфера враждебности, продолжала звучать непримиримая риторика между двумя корейскими государствами, к началу 1970-х гг. обстановка в мире и на Корейском полуострове постепенно начала стабилизироваться.

Тем не менее для многих стало неожиданностью обнародование Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г., в котором стороны сформулировали общие принципы будущего объединения Кореи. Проходившие также в режиме полной секретности переговоры состоялись двумя месяцами ранее — весной 1972 г. в Пхеньяне, с южнокорейской стороны в них участвовал директор ЦРУ РК — Ли Ху Рак, КНДР представлял сам Ким Ир Сен.

Вне всякого сомнения, принципы объединения, впервые провозглашенные на этих переговорах, имеют большое историческое значение для решения проблемы объединения Кореи и корейского вопроса в целом. Их три — самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация. Первые два вполне понятны и означают недопущение вмешательства в межкорейские отношения внешних сил, а также отказ от каких бы то ни было насильственных сценариев объединения или военных действий с целью уничтожения противоположной стороны. Третий — участие в мерах по сближению Севера и Юга не только официальных властей, но и политических партий и общественных организаций, широких народных масс, независимо от различий в идеологии, идеалах и строе, то есть общенациональный характер межкорейского диалога по вопросам воссоединения страны². Третий принцип — «великая национальная консолидация» часто вызывает недопонимание или трактуется вольно, в то время как имеет большое значение, подразумевая действительно широкий общественный консенсус в вопросах межкорейского урегулирования вне зависимости от тех или иных политических взглядов всех его участников, выделение проблематики объединения из сиюми-

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч. С. 79–80.

² Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению // Корея на рубеже веков. Москва: ИВ РАН, 2002. С. 317.

нутной внутривнутриполитической повестки в разряд приоритетных стратегических долгосрочных задач для всей корейской нации. Представляется, что этот принцип адресован, прежде всего, всем силам, подрывающим непростой процесс национального примирения и сближения в угоду каких-либо политических или иных интересов.

Помимо этого, для проведения дальнейшей работы по согласованию позиций сторон и их осуществления были учреждены координационный и исполнительный комитеты, а также установлена прямая телефонная связь. Однако в процессе дальнейшей проработки этих договоренностей стало очевидно, что на данном этапе стороны по-прежнему не готовы к конкретизации достигнутого и продолжению диалога, а их позиции все еще довольно полярные.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что принципы объединения Кореи были сформулированы добровольно, без какого-то внешнего побуждения, самостоятельно, в обстановке, когда между странами все еще сильна была взаимная враждебность, недоверие, принципиальное неприятие идеологических установок и взглядов противоположной стороны. Безусловно, речь шла лишь о концепции будущего объединения, и в текущей внутренней и внешней обстановке все три принципа были неприменимы на практике. Совершенно очевидно, что на том историческом отрезке (а сегодня в еще большей степени) — первый принцип — внешнего невмешательства и самостоятельности — вряд ли мог быть осуществлен в полной мере уже потому, что Корейский вопрос является проблемой международных отношений и затрагивает не только интересы корейцев по обе стороны 38-й параллели. Но даже если предположить, что Совместное заявление имело прежде всего пропагандистское значение и каждая из сторон, делая такой серьезный шаг, преследовала собственные цели, — корейцы продемонстрировали мировой общественности, что хотят и могут самостоятельно договариваться, признают неприемлемость силовых или навязанных извне сценариев воссоединения. После двадцати лет непримиримого противостояния и напряженности между двумя корейскими государствами этот шаг имел большое историческое значение.

Как отмечалось выше, к сближению оба корейских государства в некотором смысле подтолкнула и изменившаяся обстановка в мире и в регионе, в частности. Контакты между Севером и Югом летом 1972 г. держались в строгой тайне от мировой общественности, но о них знали и внимательно наблюдали за их ходом в Москве, Вашингтоне и Пекине.

Несмотря на разрядку международной обстановки и нормализацию советско-американских отношений, острые противоречия Москвы и Пекина сохранялись. Пожалуй, низшей точкой отношений Москвы и Пекина в то время можно назвать события 1969 г. на острове Даманский на пограничной реке Уссури южнее Хабаровска, приведшие к прямому боестолкновению между войсками СССР и Китая, когда последние попытались вторгнуться на территорию Советского Союза, но были полностью разгромлены. Отношения между двумя государствами окончательно испортились, Советский Союз более не воспринимался Китаем как союзник, чем сразу же попытались воспользоваться в Вашингтоне, предприняв попытку нормализации отношений с Пекином.

Фактическое фиаско во Вьетнамской войне и провал прежней азиатской стратегии, стремление к разрядке напряженности, поиски путей выхода из наметившегося экономического кризиса, необходимость удешевления производства в условиях нарастающей конкуренции с развивающимися азиатскими странами вынуждали Вашингтон к выработке новых внешнеполитических подходов.

«Визит Никсона в Пекин и Шанхайское коммюнике в феврале 1972 г. символизировали не только сближение прежних врагов, но и создание новой геополитической структуры, которая приходила на смену прежней идеологической и была направлена против СССР. Отношения между Москвой и Пекином были крайне напряженными после военного конфликта на острове Даманском весной 1969 г. В ноябре 1971 г. Китай впервые испытал ядерное оружие, а в сентябре того же года нормализовал свои отношения с Японией. Позиции СССР в Азии резко ухудшились»¹.

Этот внезапный новый союз вызвал серьезные опасения как на Севере, так и на Юге Кореи, поскольку Вашингтон и Пекин вполне могли корректировать и согласовать свои позиции по корейскому вопросу без участия самих корейцев. Эти изменения в геополитическом раскладе с участием союзников подталкивали оба корейских государства к диалогу, в результате которого одним из принципов объединения была провозглашена самостоятельность.

КНДР очень беспокоила проблема собственной безопасности: кризис с «Пуэбло» ясно продемонстрировал, что Советский Союз не трактует Договор 1961 г. так, как его понимали в Пхеньяне, и в случае вооруженной провокации Москва не намерена оказывать прямую военную

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 50.

помощь, а китайско-американские соглашения свидетельствовали о том, что у Пекина есть интересы серьезнее, чем совместная «борьба с американским империализмом».

Сложившаяся ситуация в Южной Корее была неоднозначной — после почти десяти лет экстенсивного роста и осуществления реформ военными в обществе накопились определенные противоречия. К началу 1970-х гг. внутрисполитическая обстановка в стране вновь начала обостряться: оппозиция требовала смягчения политических ограничений и установления диалога с Севером, общественный протест вызвала и очевидная милитаризация страны. КНДР по-прежнему опережала Южную Корею в развитии и, хотя отрыв был уже не таким существенным, Сеулу необходимы были внутрисполитические меры для стабилизации обстановки или переключения внимания общественности с социально-экономических проблем.

Подводя итог этого первого по-настоящему важного этапа межкорейского диалога, нужно еще раз подчеркнуть ряд важных моментов. Прежде всего, Совместное заявление 4 июля 1972 г. явилось первым шагом к началу взаимного признания Севера и Юга. Без этого шага и понимания необходимости его продолжения никакие самостоятельные мирные инициативы просто не могли быть реализованы.

Несмотря на то, что в итоге переговоры потерпели неудачу и сторонам не удалось продвинуться далее в выработке дальнейших шагов, Север и Юг самостоятельно сформулировали действительно фундаментальные положения о принципах объединения. Даже принимая во внимание то, что осуществление этих принципов на практике во многом было мало реалистично в то время (и, надо заметить, в этом отношении ситуация остается таковой и поныне), корейцы продемонстрировали, что могут самостоятельно договариваться в довольно непростой обстановке, имеют вполне сопоставимые и во многом общие представления о воссоединении своей родины.

Безусловно, чрезвычайно важно и то, что стороны официально озвучили тезис о неприемлемости вооруженного или силового сценария объединения. Как мы могли убедиться, вплоть до конца 1960-х гг. и на Севере, и на Юге были вполне конкретные планы решить вопрос объединения Кореи силой. Конечно же, принятие Совместного заявления на практике вовсе не означало, что в дальнейшем вооруженные провокации, стычки или инциденты будут исключены. Однако провозглашение принципа мирного объединения страны привело к существенному ослаблению общего накала ситуации на Корейском полуострове. Признание

бесперспективности военного решения крейского вопроса на данном этапе свидетельствовало и о том, что стороны понимают неизбежность длительного сосуществования и политико-экономической конкуренции двух государств на полуострове.

Историческая значимость, приверженность принципам Совместного заявления 4 июля 1972 г. постоянно подчеркивалась сторонами, что говорит о том, что в большой перспективе стороны двигались в верном направлении.

Важно отметить, что любой серьезный шаг в отношении межкорейского сближения не мог не затрагивать и внешнего аспекта проблемы: корейский вопрос в широком понимании возник как международная проблема и продолжает оставаться значимым для всего мирового сообщества, и выводы многих специалистов о том, что договоренности 1972 г. в значительной степени были продиктованы изменившимися внешними обстоятельствами, — вполне резонны. Это говорит о значительном влиянии международного фактора в содействии решению вопроса об объединении Кореи. Как мы убедимся далее, этот фактор будет неизменно присутствовать во всех последующих этапах межкорейского диалога.

Первая программа объединения страны

Несмотря на то, что следующей важной вехой межкорейского диалога некоторые отечественные историки называют 1991 год, на взгляд автора, справедлива точка зрения, в соответствии с которой инициативы по объединению, выдвинутые Ким Ир Сеном в 1980 г., заслуживают особого внимания и являются во многом рубежными в дальнейшей политике по вопросам воссоединения Севера и Юга. В целом они не столь качественно прорывные, как совместные корейские заявления 1991 г., однако именно Ким Ир Сен впервые сформулировал не отдельные принципы, а комплексную программу объединения страны, выдвинул идею конфедерации при сохранении соответствующих политико-идеологических систем в каждой половине полуострова, и эта концепция впоследствии в той или иной форме будет присутствовать в аналогичных программах как Севера, так и Юга.

Действительно, в основе предшествующих предложений сторон содержались общие заявления и принципы объединения, на новом же этапе были сформулированы довольно детально проработанные

мероприятия, направленные на его поэтапное достижение. В октябре 1980 г. на VI съезде Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен лично представил свою программу, подтвердив приверженность принципам объединения, зафиксированным в Совместном заявлении 4 июля 1972 г. В основе программы лежала уже известная формула конфедеративного государства, которая была озвучена северокорейской стороной еще в 1960 г. Принципиальная разница заключалась в том, что теперь предполагалось установить конфедеративную форму государственного устройства с сохранением двух систем на длительный период совместного сосуществования и постепенной экономической, культурной и политической интеграции в то время, как в 1960 г. речь шла о конфедерации только на относительно небольшой период подготовки и проведения всеобщих выборов. Ким Ир Сен предполагал, что у такого государства (он предложил назвать его Демократическая Конфедеративная Республика Корё) будет республиканская форма правления, общее правительство с равным количеством представителей Севера и Юга, а также Верховное национальное конфедеративное собрание также с участием равного количества представителей обеих частей полуострова. При этом в каждой из частей страны сохранятся свои политико-идеологические и социально-экономические системы, партии, общественные организации и т. д.¹

Южная Корея постепенно, но уверенно обгонявшая Север в экономическом соревновании, стремилась закрепить это преимущество не торопясь с реакцией на программу Ким Ир Сена, вероятно в надежде, еще более укрепив свои экономические позиции, перехватить инициативу и в вопросах объединения. Однако же и односторонне игнорировать эти инициативы означало бы отказ от принципов Совместного заявления 1972 г. и диалога с КНДР. Поэтому в ответ на северокорейские предложения лидеры Республики Корея на протяжении 1980-х и 1990-х гг. также выдвигали собственные программы объединения страны, по сути, повторявшие концептуальный замысел Ким Ир Сена. Однако были и принципиальные отличия. Так, например, глава КНДР не акцентировал внимание на результате предполагаемой конфедеративной интеграции или ее конкретных формах, оставляя эту задачу будущим поколениям. В программах же южнокорейских лидеров суть сводилась к постепенной трансформации именно северокорейской модели и преобразовании ее

---

¹ Предложения КНДР по Объединению страны. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1982. С. 152–154.

в основанную на либеральных ценностях «рыночную демократию» по собственному образцу, что означало некую форму поглощения Севера Югом. Эта концепция получит свое дальнейшее развитие и будет утверждаться по мере роста отставания Севера и после распада мирового социалистического лагеря.

Концепции объединения на основе долгосрочного сосуществования с сохранением собственных форм государственности с целью поэтапного достижения объединения в значительной степени отражали существенно изменившуюся обстановку в самих корейских государствах: на Севере и Юге к тому моменту уже прочно сложились свои политические и социально-экономические модели и государственные системы, Республика Корея в своем развитии опередила КНДР и продолжала динамично развиваться, в то время как последняя уже довольно серьезно отставала, интегрировать сложившиеся системы в относительно краткосрочной перспективе не представлялось возможным, требовались время, хорошо проработанный план конкретных мероприятий для налаживания совместного хозяйствования в отдельных сферах, и т. д.

Ситуация в межкорейском диалоге изменилась, и теперь Юг, обладая экономическим преимуществом, был в большей степени заинтересован не в поиске форм интеграции с Севером, а в реализации превосходства и продвижении собственной социально-экономической и политической модели развития.

В силу известных причин об этом отставании северокорейской экономики, а также и других крайне неоднозначных проблемах внутреннего развития страны в официальной советской историографии не писалось. Примерно с 1960-х гг. КНДР за редкими исключениями перестала публиковать экономическую статистику, что крайне усложнило объективную оценку ситуации на Севере¹. Тем не менее для специалистов-корееведов общее положение дел в стране не было секретом. Позволю себе привести довольно большую цитату из книги «Жизнь и труд посвятившие Корею. Российские корееведы 2-й половины XX века», посвященной советским корееведам и их трудам, так как этот отрывок сам по себе достаточно точно характеризует положение вещей в то время:

«В условиях, когда высказывать критические замечания в адрес существующей в КНДР системы, отмечать недостатки или ошибки в хозяйствовании, не разрешалось под предлогом того, что это является

---

¹ Захарова Л. В. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2. С. 229.

“вмешательством во внутренние дела дружественной страны”, которое может нанести вред и без того непростым отношениям внутри ряда стран социалистического лагеря, — советские ученые тем не менее находили способы донесения объективного знания до читателя. В частности, это касается и проблемы поначалу все более заметной стагнации, а впоследствии и серьезного отставания в социально-экономическом развитии Севера от Юга. На фоне “победных” реляций официальной северокорейской пропаганды, а также ограничения поступления объективной информации и статистических данных о реальном положении дел в экономике страны, советскими корееведами в 1983 г. была подготовлена издана серьезная работа с привлечением широкой международной редакционной коллегией из представителей семи социалистических стран — “Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии”. В работе на примере некоторых стран восточной Азии, в том числе и КНДР, наглядным образом демонстрировался тезис о том, что успешное развитие социалистических государств определяется, прежде всего, тесным сотрудничеством и солидарностью. Именно отсутствие такового в случае с КНДР, а также чрезмерное увлечение самостоятельностью, дистанцирование и подобного рода перекосы в осуществлении экономической политики по мнению советских востоковедов привело к плачевным результатам»¹.

Безусловно, сказывались и изменения во внешней обстановке вокруг Корейского полуострова. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. ситуация в мире снова начала приобретать черты конфронтации, внешнеполитический курс США кренился к новому витку противостояния, планы по сокращению военного присутствия в странах Азии были скорректированы, стало очевидно, что Вашингтон не планирует выводить свои войска с территории Южной Кореи. Эпоха разрядки подходила к концу, мир был на пороге очередного обострения отношений между США и СССР. При этом экономики стран социалистического лагеря, и в первую очередь самого СССР, демонстрировали признаки замедления темпов роста и технологического отставания. Баланс сил между капиталистическим и социалистическим мироустройством менялся, как и условный паритет на Корейском полуострове. История показала, что эти тенденции уверенно набирали обороты и последовавшее крушение всей мировой социалистической системы стремительно приближалось.

---

¹ Жизнь и труд посвятившие Корею: российские корееведы 2й половины XX в. Сборник статей / Сост. Ю. В. Ванин. Москва: Первое Марта, 2004. С. 244–245.

Проблема объединения на рубеже 1980–1990-х гг.

Стремительные перемены в мире начались со второй половины 1980-х гг., после прихода на пост генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева в 1985 г. В условиях идейно-политического и экономического «застоя» провозглашенная им политика «нового мышления», с одной стороны, объективно отражала необходимость назревших структурных перемен в обществе и, прежде всего, государственном и партийном аппарате, но с другой, представляла собой довольно радикальные с точки зрения идеологической базы социалистической системы преобразования. Внешнеполитический курс Советского Союза также подвергся серьезному пересмотру: десятилетия политико-идеологической и военно-политической конфронтации со странами капиталистического блока сформировали существенный структурный перекося экономики в сторону развития военно-промышленного комплекса, что пагубно отражалось на других отраслях советской экономики в целом, особенно на легкой промышленности, в стране наблюдался дефицит целого ряда товаров массового потребления.

В то же время, в политике М. С. Горбачева усматривался своего рода «политический романтизм», граничащий с наивностью, выразившиеся в целом ряде плохо проработанных, часто сиюминутных решений, односторонних уступок и широких жестов, без учета интересов страны и союзников, зачастую в ущерб национальной безопасности. Продиктованные стремлением разрядить обстановку в мире, вызванную нарастающей гонкой вооружений и угрозой ядерной катастрофы, действия советского руководства часто встречали непонимание со стороны союзников по социалистическому лагерю, объективно расшатывая его изнутри.

Руководство страны не сумело сдержать стремительный поток внутриполитических преобразований и вызванных ими общественных трансформаций, ситуация окончательно вышла из-под контроля. В итоге попытки реформировать Советский Союз привели к его стремительной деградации и распаду, на рубеже 1980-х — 1990-х гг. социалистический лагерь практически полностью перестал существовать. Исключением стали несколько государств на карте мира, среди которых в первую очередь следует назвать КНДР и Китай.

Коллапс системы мирового социализма неминуемо сказался и на ситуации на Корейском полуострове, однако уже во второй половине 1980-х гг. и в Южной Корее назрели внутренние предпосылки для перемен.

В результате реформ, предпринятых южнокорейскими военными в начале 1960-х гг., страна сумела преодолеть глубокий всесторонний кризис и довольно скоро стала демонстрировать серьезные успехи в экономике. В дальнейшем, по мере роста благосостояния общества Южной Кореи, возрастал и общественный запрос на демократизацию, сказывалась усталость как от темпов стремительной модернизации, так и от авторитарных методов правления военных, подавления инакомыслия, тяжелой эксплуатации трудящихся, ширились оппозиционные сложившейся системе власти настроения. К весне 1987 г. эти тенденции приобрели массовый характер и выплеснулись в виде стихийных акций протеста после того, как возглавлявший страну Чон Ду Хван (годы президентства — 1980–1988) отказался пересмотреть существующую конституцию страны и ввести прямые президентские выборы. В результате массовых протестных акций в Сеуле летом 1987 г., а также переговоров властей с оппозицией было принято решение о проведении референдума по вопросу принятия новой конституции страны. Новый Основной закон Республики Корея вводил прямые президентские выборы и лимитировал срок президентских полномочий пятью годами. Значительно ограничивалась власть президента: из его ведения изымалось право объявления чрезвычайного положения и право роспуска Национального собрания, были расширены полномочия самого Национального собрания, по новой конституции также значительно расширялись права граждан и впервые в истории Республики Корея вводился конституционный суд¹.

В декабре того же года на президентских выборах победил кандидат от правящей партии — Ро Дэ У (Но Тхэ У). Несмотря на то, что он также был военным (в отставке), соратником Чон Ду Хвана, его политика в корне отличалась от политики предшественника. В частности, это касалось внешнеполитического курса, получившего название «Северная политика», который существенно изменил внешнеполитическое положение и имидж Южной Кореи, а также окончательно укрепил страну в статусе лидера на полуострове. Восприятие Южной Кореи на мировой арене значительно улучшилось благодаря безупречной организации и успешному проведению летних Олимпийских игр 1988 г., нормализации торговых и политических отношений с ведущими странами на тот момент еще социалистического лагеря, трансформации авторитарного режима и инициализации процессов демократизации внутри

---

¹ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 343.

страны. Параллельно с невероятными экономическими показателями и стремительным рывком страны в сторону ведущих держав капиталистического мира, общее положение и престиж Республики Корея заметно укрепились, положив начало длительному периоду доминирования Юга на полуострове. Установив дипломатические отношения с основными и крупнейшими союзниками КНДР — СССР и Китаем в рамках «Северной политики», Южная Корея не упускала из вида и северокорейское направление.

Новый этап в межкорейском диалоге, гораздо более значимый и содержательный, чем все ранние договоренности, — вне всякого сомнения был ответом на колоссальные структурные изменения в международном устройстве. Ситуация требовала от Пхеньяна решительных действий для выхода из намечающейся международной изоляции, а также глубокого экономического кризиса внутри страны. В КНДР прекрасно понимали свою уязвимость в текущем политико-экономическом состоянии, крайне необходимо было сохранить собственные суверенитет, субъектность и внутреннюю стабильность в условиях стремительно меняющегося миропорядка.

Поэтому первые изменения в позиции КНДР по межкорейскому урегулированию произошли уже во второй половине 1990 г., когда стало понятно, что СССР без какого-либо уведомления северокорейской стороны намеревался признать и установить дипломатические отношения с Южной Кореей¹.

Во многом под влиянием факта взаимного признания СССР и Южной Кореи, Пхеньян был вынужден активизировать самостоятельную внешнеполитическую линию, и в сентябре 1990 г. стартовали переговоры между КНДР и РК на уровне премьер-министров. Серьезные изменения в международной обстановке вынуждали Пхеньян также смягчать свои позиции по ряду принципиальных пунктов, одним из которых был вопрос о раздельном вступлении обоих корейских государств в ООН. Ранее позиция КНДР заключалась в том, что одновременное вступление в эту организацию и Севера, и Юга как разных ее членов будет являться юридическим закреплением факта раскола на полуострове, соответственно Пхеньян последовательно выступал против этого. Однако в ситуации общего ухудшения международных позиций КНДР ей пришлось

---

¹ Россия и страны Востока в постбиполярный период. Учеб. Пособие / Под ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2014. С. 324.

отказаться от своих возражений, и осенью 1991 г. оба корейских государства стали полноправными членами ООН.

В исторической перспективе вступление обоих государств Корейского полуострова в ООН представляется действительно позитивным исходом их многолетней изоляции от участия в решении международных вопросов, в том числе и прежде всего — собственно межкорейском урегулировании. В то же время это событие внесло известную юридическую путаницу в дискурс по разрешению самого корейского вопроса. Напомним, что официально участниками Корейской войны с одной стороны признается контингент войск ООН, а с другой — вооруженные силы КНДР, и состояние войны между двумя супостатами в соответствии с нормами международного права до сих пор не прекращено, лишь приостановлено подписанным соглашением о перемирии (или о прекращении огня). Однако, несмотря на некоторую парадоксальность ситуации, вступление обоих корейских государств в главную международную организацию являлось позитивным и важным практическим шагом, придававшим Республике Корея и КНДР официальный международный статус и признание на уровне других стран — членов ООН.

Далее последовали несколько раундов переговоров между Республикой Корея и КНДР, проходивших в Сеуле и Пхеньяне, и к концу 1991 г. стороны пришли к заключению ряда важнейших с момента раскола страны документов, ратифицированных ими в начале следующего — 1992 года. Были подписаны без преувеличения исторические документы, значение которых трудно переоценить: Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом, а также Совместная декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. Фактически это были первые с 1948 г. задокументированные свидетельства признания друг друга сторонами. Север и Юг обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не предпринимать каких-либо действий по свержению существующих режимов власти, прекратить пропагандистские выпады и конфронтацию, урегулировать спорные вопросы мирным, дипломатическим путем, а также наладить сотрудничество между странами. Важным достижением было и подписание сторонами декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова. Ниже в отдельной главе эта проблема будет рассмотрена отдельно, поскольку сегодня она остается одной из наиболее острых в вопросах безопасности, урегулирования ситуации в регионе в целом и в межкорейских отношениях в частности. Важно отметить, что, помимо декларации о безъядерном статусе,

стороны договорились учредить совместную комиссию по контролю за ядерными ресурсами. Также для осуществления достигнутых договоренностей Север и Юг договорились учредить еще ряд совместных комиссий (военную, по экономическим вопросам, по обмену и сотрудничеству и т. д.) В конце 1992 г. в продолжение достигнутых договоренностей стороны подписали также Протоколы о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве, в которых конкретизировали план совместных действий.

В отечественной историографии межкорейские договоренности начала 1990-х гг. получили самую высокую оценку, они достаточно хорошо изучены и освещены. Ученые и специалисты практически единогласно придают этим событиям огромное историческое значение для урегулирования корейского вопроса. Эти шаги, вне всякого сомнения, были необходимы для продолжения движения Севера и Юга в сторону воссоединения Кореи, заложили основу для дальнейших еще более важных мероприятий в целях углубления сотрудничества и постепенного налаживания экономических и политических контактов. Во многом эти договоренности открыли путь к еще большему углублению межкорейских связей, которым суждено было реализоваться только лишь спустя почти 10 лет.

Отдельно следует отметить «Программу великой национальной консолидации для объединения родины из десяти пунктов», выдвинутую Ким Ир Сенom незадолго до смерти и утвержденную Верховным народным собранием КНДР в 1993 г.¹. Этот документ не затрагивал вопрос о будущей политико-экономической модели объединенного государства, однако лидер КНДР конкретизировал ряд важных положений о будущем устройстве единой страны и ее положении в мире. Вот некоторые из них:

- единая Корея — независимое, мирное и нейтральное государство;
- сохранение двух систем и правительств;
- сплочение вокруг общих интересов (интересы нации выше региональных и классовых);
- отказ от взаимного нападения, антикоммунизма или коммунизации;
- отказ от преследования оппозиции, освобождение политзаключенных;

---

¹ *Ким Ир Сен. Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов, 6 апреля 1993 года.* Москва: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2008.

- признание государственной и частной собственности, защита капитала и имущества отдельных лиц и организаций...

Неясно, предполагал ли Ким Ир Сен в последний год своей жизни трансформацию в будущем такого конфедеративного образования в социалистическое или рыночное государство, однако известно его высказывание, в котором он оставляет решение этой задачу будущим поколениям: «Дело объединения разных систем на Севере и Юге можно передать и нашим потомкам, чтобы они в будущем решили эту проблему неспешно, без помех. А вопрос формирования одного объединенного государства в рамках одной нации независимо от различий в идеологии и системах уже не терпит дальнейшего отлагательства»¹. В ситуации практически полного крушения мировой социалистической системы и серьезного внутреннего кризиса в стране Пхеньяну во что бы то ни стало, необходимо было сохранить собственный суверенитет. Вероятно, в этом отношении лидер КНДР возлагал определенные надежды на конфедеративное государственное образование, в этом заключался предложенный им стратегический курс по выходу из сложной ситуации, в которой оказалась его страна в первой половине 1990-х гг.

В условиях стремительно меняющегося мироустройства эта программа Ким Ир Сена не получила должного внимания, несмотря на то что несла в себе ряд важных дополнений к представленным ранее КНДР предложениям, а также свидетельствовала о глубокой проработке северокорейским лидером вопроса о национальном воссоединении, который занимал его до самых последних дней.

Этот эпизод — лишнее подтверждение тезиса о влиянии внешней обстановки вокруг Корейского полуострова и ситуации в мире целом на процесс межкорейского урегулирования, причем влиянии как положительном, так и негативном. Однако нужно отметить и способность сторон проявлять дипломатическую гибкость, идти на уступки и развивать диалог самостоятельно. Этот двухуровневый (двусторонний и международный) подход к решению корейского вопроса и межкорейскому диалогу впоследствии будет демонстрировать свою эффективность и безальтернативность, следовательно именно такой подход к решению этой сложнейшей проблемы является ключевым в выработке дальнейших концепций воссоединения страны.

---

¹ *Ким Ир Сен. Новогодняя речь 1 января 1991 года // Корея сегодня. 1991. № 1. С. 6.*

Концепции объединения Севера и Юга

В отечественном корееведении не много специальных работ, непосредственно посвященных проблемам раскола или объединения Кореи, в основном эти темы затрагиваются как составные более острых и актуальных вопросов урегулирования ситуации на Корейском полуострове и вокруг него.

В этом отношении большой интерес представляет труд И. О. Горелого «Корея. Концепции объединения». Эта работа, основанная на защищенной в 1994 г. кандидатской диссертации и вышедшая в печати три года спустя, является значимым, серьезным исследованием представленных к тому моменту Севером и Югом концепций объединения страны. Автором была проделана большая работа по сбору и анализу материалов по этой теме, дана обширная историческая справка по вопросам межкорейских отношений, приведен глубокий систематизированный анализ программ Севера и Юга.

Данная работа — первый большой труд, рассматривающий развитие межкорейских отношений в контексте возможности воссоединения страны. В книге приводится авторская оценка характера политики обоих корейских государств, изменений, которые эти политики претерпевали под влиянием внешних и внутренних факторов.

В середине 1990-х гг. перемены в международной обстановке, и особенно в России, диктовали новые подходы и установки. Отсутствие необходимой привязки своих научных изысканий к определенной идеологической платформе или исторической концепции открывали широкие возможности для углубленного изучения и применения новых идей, пересмотра прежних догматических установок, всестороннего расширения представленных в исторической науке точек зрения и т. п. Эти тенденции довольно быстро отразились в научной среде, где целый ряд ученых пересмотрели свои взгляды на проблемы общественно-политического развития, по-новому стали освещать ранее поднимавшиеся темы. Если раньше официальное отечественное корееведение в целом было, образно говоря, односторонне про-северокорейским, зачастую вплоть до догматики, то с переменами в жизни страны после распада СССР крен в некоторых случаях сместился в диаметрально противоположную сторону, что нашло свое отражение как в непоследовательной политике в отношении КНДР, так и в характере некоторых научных трудов.

В работе И. О. Горелого ощущается влияние этих тенденций, выражающееся, в частности, в заведомо критической позиции в отношении северокорейской политики по объединению, особенно без учета кардинально изменившейся международной обстановки и непростого положения КНДР в тот момент.

Так, например, при рассмотрении поздних северокорейских инициатив по объединению страны автор усматривает в них неприменимый умысел свержения южнокорейского режима и установления собственной власти на всем полуострове, притом что такой вывод совершенно очевиден и не вытекает ни из доводов самого автора, ни даже из приводимых им первоисточников. Следует признать, что в целом ряде работ по этой проблеме, появившихся уже в постсоветской России, довольно аргументированно показано, что во второй половине 1960-х гг. северокорейские власти действительно делали ставку на революционный подъем в Южной Корее и насильственное свержение режима военных. Непоследовательные и провокационные внешнеполитические действия КНДР того периода более чем красноречивы, об этом речь шла выше. Однако сам И. О. Горелый пишет, что после наступления периода международной разрядки в начале 1970-х гг., а также после очевидного провала попыток северокорейской политики форсировать внутреннюю нестабильность в Республике Корея Пхеньян пересмотрел свое отношение к силовому решению проблемы объединения. «...Фактически Пхеньян обозначил свой отказ от радикализма и революционных амбиций в объединительной политике...»¹.

Автор приводит слова Ким Ир Сена, в которых лидер КНДР признает, что на полуострове были созданы и сложились две разные общественно-политические системы, объединить которые на текущем этапе просто невозможно и не следует. «...Ким Ир Сен в 1988–1989 гг. несколько раз сделал заявление о том, что Север и Юг действительно создали различные идеологии и системы. В этих условиях ни одна из сторон не должна пытаться повернуть другую вспять. Напротив, две идеологии и системы могут сосуществовать на Корейском полуострове...»². Именно исходя из этого положения, им была выдвинута новая программа по объединению страны, предполагавшая сохранение в каждой из частей полу-

---

¹ Горелый И. О. Корея. Концепции объединения. Москва: Восточная литература, 1997. С. 53.

² Там же.

острова своей политико-идеологической и социально-экономической систем (1980 г.).

Тем не менее, оценивая северокорейские предложения по формуле объединения в виде временного государственного образования Демократической конфедеративной Республики Корё, автор пишет, что появление таковой «...привело бы к появлению на Юге лояльных Северу властей, после чего необходимость в федеративном устройстве отпала бы и было бы декларировано образование унитарного корейского государства, где пхеньянское влияние преобладало...»¹. Выше при рассмотрении этого аспекта проблемы был сделан вывод, что, принимая во внимание существующие точки зрения относительно истинных намерений руководства КНДР, таковые могли скрываться за предложениями Пхеньяна 1960-х гг. Однако ввиду последующих существенных изменений внутривнутриполитической ситуации в Южной Корее и социально-экономических трансформаций южнокорейского общества, претворение этих идей в жизнь уже не имело под собой реальной почвы, что прекрасно понимали на Севере.

Вместе с тем автор обходит то обстоятельство, что суть южнокорейских предложений по объединению страны, сделанных в то же время, также сводилась к постепенному установлению на Севере господства общественно-политической и социально-экономической модели Юга. Как представляется, политика объединения Севера и Юга в период с 1953 по 1991 г. в значительной степени была продиктована собственными внутривнутриполитическими задачами и меняющейся международной обстановкой. Именно поэтому, несмотря на схожесть позиций сторон по целому ряду принципиальных вопросов, на практике фактически не был осуществлен ни один.

В этом отношении уместно процитировать В. П. Ткаченко, который, рассуждая об объединительной политике обоих корейских государств, прямо говорит о том, что собственно интересы корейцев по обе стороны 38-й параллели не являлись мотивацией в межкорейском диалоге, несмотря на сопутствующую им риторику. Каждый раз после подписания какого-либо заявления или соглашения процесс диалога вновь замораживался. «Обе стороны преследовали вполне определенные прагматические цели, связанные с политической ситуацией в своей стране или с достижением конкретных внешнеполитических задач»².

¹ Горелький И. О. Указ. соч. С. 95.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 53.

Несмотря на это, книга И. О. Горелого, бесспорно, содержит целый ряд действительно важных и в большинстве верных положений и тезисов, многие из которых актуальны и сегодня при рассмотрении проблемы объединения или сближения между корейскими государствами. Ниже будут рассмотрены те из положений автора, которые и сегодня значимы для понимания сути проблемы и ее возможного решения, а также для оценки современной ситуации на Корейском полуострове.

Так, например, автор уже в конце 90-х гг. прошлого века обращал внимание на проблему смены поколений и постепенного исчезновения трагедии национального раскола из «коллективного сознательного» корейцев по обе стороны 38-й параллели, несмотря на постоянную внутриполитическую риторику по данному вопросу. «Для перспектив национального урегулирования важно, какая из возрастных групп будет доминировать в социально-политическом смысле и обладать реальными рычагами власти в момент, когда будут сформированы объективные предпосылки объединения»¹.

И. О. Горелый совершенно справедливо пишет, что даже в случае обоюдного согласия сторон на некую промежуточную форму интеграции в переходный период с перспективой будущего объединения (а именно такие идеи и сегодня представляются наиболее адекватными и реалистичными, при условии движения к мирному пути воссоединения — без поглощения или коллапса одного из режимов), потребуется «новая политическая психология прежде всего у лидеров двух стран»². Об этом речь в настоящей работе пойдет ниже, но, забегая вперед, отмечу, что эта проблема сегодня является одним из самых серьезных препятствий на пути к установлению прочного и стабильного диалога между двумя корейскими государствами, не говоря уже о лидерах крупных держав. «Осознание исторической целостности нации вступает в конфликт со стремлением обеих сторон сохранить собственные достижения, суверенитет и составляет главное противоречие корейской действительности»³. И далее: «...Выдвижение на передний план проблем внутритерриториального развития Севера и Юга обуславливает отсутствие новых концептуальных разработок по проблеме объединения и сколь-нибудь существенных инициатив в сфере межкорейского сближения»⁴.

---

¹ Горелый И. О. Указ. соч. С. 112.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 114.

Отметим, что, делая это предположение, автор не мог знать того, что буквально через пару лет после написания этих строк на Корейском полуострове наступит самая настоящая оттепель, возникшая как раз в результате реализации новых концептуальных инициатив самих корейцев (об этом речь ниже).

Тем не менее дальнейшая история показала, что и таковые инициативы могут оказаться нежизнеспособными в силу определенных факторов, но в том числе и потому что, как верно указал И. О. Горелый, «новая политическая психология» еще не в полной мере овладела политическим истеблишментом, и консервативные силы способны повернуть прогрессивные устремления вспять, «великая национальная консолидация» в вопросе об объединении еще не достигнута корейским обществом. В итоге автор оказался прав, указывая на такое важное препятствие в деле продвижения по пути к объединению Кореи.

Чрезвычайно важным выводом автора работы является тезис, который среди прочего положен в основу и настоящего исследования. Речь о том, что начало пути к воссоединению Кореи следует искать там, где началось подлинное разъединение — то есть в системе общего хозяйствования и традиционных экономических связей. Представляется, что И. О. Горелый также указывает на этот тезис: «...Важно, чтобы в основе концептуальных разработок (сценариев объединения. — *Р. К.*) лежал не тезис о специфичности и уникальности процессов на полуострове, а адекватный анализ реалий раскола». Автор продолжает мысль: «...Необходимо отказаться от разработок переходных временных форм корейского национального единства и сосредоточить усилия на подготовке договорного оформления и изучении возможных направлений сотрудничества двух Корей»¹.

Именно последнее будет положено в основу новой политики южнокорейского президента Ким Дэ Чжуна в отношении Северной Кореи и, как мы увидим, приведет к колоссальному прорыву в межкорейских отношениях, общему развитию, нормализации и установлению стабильности на полуострове и в регионе в целом.

Подчеркнем, что именно разрыв веками устоявшихся социально-экономических связей, обеспечивающих сбалансированное развитие обеих частей Кореи, и необходимость выстраивания новой разделенной экономики по обе стороны 38-й параллели положили начало расколу

---

¹ Горелый И. О. Указ. соч. С. 117.

и формированию двух независимых друг от друга государственных образований.

Среди прочих выводов автора работы следует отметить и то, что для стабильного и поступательного сближения между двумя корейскими государствами необходимо активное содействие со стороны мирового сообщества и ключевых игроков региона: «Необходимо, чтобы мировое сообщество отказалось от избирательного подхода к корейским субъектам и признало Северную и Южную Корею полноправными и равными сторонами международных отношений»¹. Чрезвычайно, на наш взгляд, важный и актуальный вывод, который сохраняет свою остроту и сегодня в условиях, когда противоречия между ключевыми странами региона имеют ярко выраженную тенденцию к обострению. Это, вне всякого сомнения, сказывается как на межкорейском диалоге, так и на общей ситуации на Корейском полуострове. И именно сегодня мы можем еще раз убедиться в важности этого обстоятельства, так как для позитивного решения Корейского вопроса в целом крайне важно поддерживать долгосрочное и стабильное международной взаимодействие и поддержку.

В современной отечественной историографии не так много работ, посвященных анализу и сравнению программ объединения Севера и Юга. В целом, малый интерес к этой проблематике отчасти понятен: смысл и задача таких программ в гораздо большей степени состоит не в поиске и выработке практических путей воссоединения, а в декларировании своих позиции и намерений. По большому счету содержание этих программ носит пропагандистский характер, при этом, как правило, оно не является предметом широкой дискуссии, как это предполагает третий принцип воссоединения — великая национальная консолидация.

Тем не менее эти программы имеют довольно большое значение для выявления общих мест в позиции сторон, а также в плане практической возможности осуществления мирного сценария воссоединения Кореи. И здесь, прежде всего, стоит обратить внимание на потенциал осуществления экономического сотрудничества Севера и Юга, через которое, как и предполагают обе стороны, будет налажен и политический диалог.

В этом отношении хочется отметить работу Л. В. Захаровой «Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности», вышедшую в 2014 г. Монография начинается с краткой истории межкорейских отношений во второй половине XX в. и довольно

---

¹ Горелый И. О. Указ. соч. С. 117.

детально рассматривает северо- и южнокорейские программы объединения. Несмотря на то, что в целом автор книги в основном соглашается с выводами, сделанными И. О. Горелым, работа Л. В. Захаровой интересна большим объемом экономических и статистических данных, содержательно наполняющих ряд тезисов относительно характера программ объединения страны. Так, например, автор обосновывает вывод о том, что состояние экономики, прежде всего, ставило ту или иную стороны в приоритетное положение в межкорейском диалоге, успешное экономическое развитие естественным образом подталкивало стороны к его расширению в рамках Корейского полуострова в силу объективных причин. Исторически Корея была единым экономическим организмом, общим хозяйственным пространством с общими социокультурными традициями, языком и т. п., географическая близость двух Корей и расположение полуострова создают уникальные условия для успешного взаимовыгодного торгово-экономического партнерства. Работа автора наглядно демонстрирует главный тезис — экономика является драйвером межкорейского сближения, нормализации ситуации в регионе, ключом к решению корейского вопроса.

В целом работа Л. В. Захаровой крайне интересна, поскольку в значительной степени посвящена анализу экономических связей Северной и Южной Кореи с 1980-х до начала 2010-х гг., рассматривает вопросы появления, развития и анализа перспектив межкорейского и многостороннего форматов экономического сотрудничества. Работа была подготовлена и опубликована до введения жестких санкционных мер в отношении КНДР со стороны Совета безопасности ООН и ряда крупных держав в 2016–2017 гг., поэтому не рассматривает их воздействие на межкорейское экономическое сотрудничество. Однако автор дает очень наглядную картину потенциальных возможностей и реальных перспектив этого сотрудничества, в том числе и в качестве инструмента дальнейшего стимулирования внутрикорейского сближения. Много внимания в работе уделено и политике «солнечного тепла» президента Ким Дэ Чжуна, ее практических результатов, недостатков и положительных сторон, отмечено, что ее наработки сохраняют актуальность и по сей день, а также, что этот опыт безусловно должен изучаться для выработки дальнейших шагов по углублению экономического сотрудничества в будущем.

При рассмотрении вопроса об объединительной стратегии корейских государств и его отражении в отечественном корееведении, следует также обратить внимание на большую статью Ю. В. Ванина «Корея на трудном

пути к воссоединению», в которой автор также детально рассматривает программы Севера и Юга. Основной акцент сделан на наиболее проработанные концептуальные работы в этом направлении — программы Ким Ир Сена 1980 г. и Ким Дэ Чжуна 2000 г. В основе обеих лежит идея о сосуществовании двух корейских государств в рамках единой конфедерации с сохранением собственных политико-идеологических систем, общие правительство и парламент и в целом — поэтапный подход к реализации такого объединения.

Однако вопросы внешних сношений и обороны у Ким Дэ Чжуна на время остаются в ведении местных государственных структур, в то время как у Ким Ир Сена они сразу же передаются органам общего конфедеративного управления. Это довольно важный аспект, относящийся к осуществлению общей внешнеполитической линии конфедеративного государства, его положения в регионе, представления общенациональных интересов, самостоятельной позиции на международной арене, в том числе и по острым вопросам региональной безопасности.

Основной вывод Ю. В. Ванина заключается в том, что конфедеративная формула, сформулированная северокорейским лидером, по сути, является общей для всех последующих программ объединения страны, поскольку объективно отражает сложившуюся политико-экономическую ситуацию в обеих Кореях. Различия в новых предлагаемых программах есть, однако они не являются принципиальными, а значит могут быть обсуждены и скорректированы посредством переговоров, о чем говорил Ким Дэ Чжун¹. И в этом отношении, по мнению автора, «...многое зависит от выдержки и дальновидности корейских лидеров, их способности подняться выше личных амбиций и эгоистических расчетов, от их искренней заинтересованности в том, чтобы межкорейские отношения вели не к увековечению раскола, а к восстановлению национального единства страны»².

Ю. В. Ванин также высоко оценивал межкорейские инициативы и внешнеполитический курс политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна, его вклад в дело нормализации отношений между двумя Кореями, стремление найти подлинный компромисс и преодолеть многолетнюю атмосферу недоверия и вражды между Севером и Югом.

---

¹ Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению. С. 334.

² Там же. С. 392.

Глава 3

КОРЕЙСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»: ОТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ К КОНФРОНТАЦИИ

Политика «солнечного тепла»

Политика «солнечного тепла» президента Ким Дэ Чжуна заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно в рамках ее осуществления представилась возможность совершить прорыв в межкорейских отношениях, на практике показать значимость тезиса о необходимости урегулирования корейского вопроса, акцентируя внимание не на политико-идеологических противоречиях, а на экономических аспектах взаимодействия, продемонстрировать способность корейцев самостоятельно разрешать свои внутренние разногласия, действовать в духе единой «консолидированной» нации.

В то же время, «взлет и падение» этой политики стали свидетельством того, что корейское общество находится лишь в самом начале этого долгого и трудного пути. Работа по национальному воссоединению требует последовательности, непрерывности, для ее успеха необходимы твердая политическая воля и осознание собственно корейских интересов в масштабах всего общества. Тем не менее первый большой шаг в этом направлении был сделан и оказался успешным.

На рубеже XX и XXI вв. отношения КНДР и Республики Корея вышли на принципиально новый уровень: впервые в истории главы стран встретились лично и подписали «Совместную декларацию Севера и Юга», открывшую качественно новый этап в межкорейских отношениях. Этот без преувеличения исторический прорыв в истории отношений Севера

и Юга обычно связывают с личностью и политикой нового президента Южной Кореи — Ким Дэ Чжуна (годы президентства 1998–2003), ветерана южнокорейской оппозиции, опытного политика, за свою долгую политическую карьеру пережившего много взлетов и потрясений¹. Одним из главных достижений его администрации по праву считается нормализация отношений с КНДР, реализация широкомасштабной программы экономического сотрудничества между двумя странами, общая стабилизация ситуации на Корейском полуострове и в регионе, а также мероприятия по преодолению тяжелейшего в истории страны финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг.

В период президентства Ким Дэ Чжуна и его преемника — президента Но Му Хёна (годы президентства — 1998–2008) перспектива мирного и самостоятельного объединения Кореи превратилась из декларируемой цели отдаленной перспективы во вполне достигаемую в практическом смысле задачу. Постепенно и поступательно развивавшиеся торгово-экономические связи между Севером и Югом в этот период открывали широкие перспективы для дальнейшего взаимного роста, что позитивно отражалось на стратегии по преодолению последствий финансово-экономического кризиса 1997 г. и дальнейшей модернизации самой Южной Кореи, а это, в свою очередь, способствовало и преодолению кризисного положения в Северной Кореи. Будучи опытным политиком и понимая, насколько серьезно кризис 1997 г. ударил по престижу страны, пошатнул успехи модели южнокорейского экономического рывка, какой ущерб нанес национальной гордости южнокорейцев, Ким Дэ Чжун принял самые решительные и жесткие меры по противодействию его дальнейшему углублению, осуществил целый комплекс мер по реформированию южнокорейской экономики, предпринял попытку серьезной социокультурной трансформации самого южнокорейского общества. Будучи приверженцем либерально-демократических ценностей, Ким Дэ Чжун искал пути внедрения их в традиционную ментальность корейского общества, акцентируя элементы общности восточноазиатской и западной культур².

---

¹ *Ким Бен Кук*. Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. Правозащитник. Политик. Ученый [авториз. пер. с англ. Н. П. Гераскиной]. Москва: Республика, 1998. С. 5.

² *Толстокулаков И. А.* Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации // Известия Восточного Института Дальневосточного государственного университета. 2010. № 16. С. 67.

Во многих отношениях отраднo, что в один из самых острых моментов истории Южной Кореи, когда экономика страны была на грани коллапса, у руля оказался опытный политик — человек, имевший огромный опыт за плечами, а также видение и концепцию дальнейшего развития. Такое сочетание исторических обстоятельств способствовало формированию общественного консенсуса, необходимого для осуществления серьезных социально-экономических преобразований, в обычное время сталкивающихся с неоднозначной реакцией общества.

Немаловажно и то, что в условиях кризиса Ким Дэ Чжун сумел осуществить реструктуризацию крупного южнокорейского капитала и мобилизовать его на поддержку своей северокорейской стратегии, а также перераспределить существенные внутренние ресурсы для расширения экономических отношений с КНДР и оказания продовольственной помощи соседу.

Надо заметить, что некоторые южнокорейские компании и до этого проявляли немалый интерес к Северной Корее и разнообразным возможностям сотрудничества с ней. Однако без серьезной государственной поддержки, в том числе и в плане нормализации межкорейских отношений, многие проекты сталкивались с большим количеством сложностей.

Итак, в основе новой стратегии в отношениях с Севером была политика, получившая название политики «солнечного тепла» или «солнечного света» (кор. 햇볕정책, «Хэппёт Чончхэк»). Название Ким Дэ Чжун позаимствовал из древнегреческой басни знаменитого поэта Эзопа (прим. 600 г. до н. э.) «Солнце и Ветер». Отечественным читателям эта басня известна под названием «Борей и Солнце», а ее мудрость заключается в том, что часто убеждение бывает действеннее, чем сила:

«Борей и Солнце спорили, кто сильнее; и решили они, что тот из них победит в споре, кто заставит раздеться человека в дороге. Начал Борей и сильно подул, а человек запахнул на себе одежду. Стал Борей еще сильнее дуть, а человек, замерзая, все плотнее кутался в одежду. Наконец, устал Борей и уступил человека Солнцу. И Солнце сперва стало слегка пригревать, а человек понемногу принялся снимать с себя все лишнее. Тогда Солнце припекло посильнее: и кончилось тем, что человек не в силах был вынести жары, разделся и побежал купаться в ближайшую речку»¹.

Нетрудно догадаться, что иносказание подразумевает «кутающуюся в свои одежды», закрытую от всего внешнего Северную Корею, а также

¹ Басни Эзопа / Пер. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1968. С. 77.

подсказывает способ, с помощью которого можно преодолеть эту закрытость. Безусловно, на Севере прекрасно понимали замысел Ким Дэ Чжуна и смысл его аллегории, поскольку поначалу реакция на южнокорейские инициативы была довольно негативной. КНДР неоднократно давала понять, что не приемлет политику давления и устрашения, однако неизменно подтверждала свою приверженность равноправному мирному диалогу и сотрудничеству. Северяне отдавали себе отчет в том, что идея политики «солнечного тепла» по своей сути не отличалась от предыдущих южнокорейских инициатив объединения с позиции сильной стороны, конечной целью которых была трансформация северокорейской политической и социально-экономической модели по южнокорейскому образцу.

На восприятие новых южнокорейских инициатив повлиял и негативный опыт предыдущих лет, когда, после внезапной смерти Ким Ир Сена в июле 1994 г., Южная Корея привела войска в боевую готовность, а возглавлявший тогда страну президент Ким Ён Сам не выразил соболезнований по этому поводу несмотря на то, что в июле того же года планировалась встреча руководителей двух стран.

Сказывалось и определенное разочарование в новой демократической власти Южной Кореи — избранный в 1993 г. президент Ким Ён Сам, первый гражданский глава страны после десятилетий правления военных, фактически продолжал курс предшественника, не меняя враждебного (по мнению Севера) характера политики Юга в отношении КНДР (в 1993 г. возобновились прерванные в 1992 г. совместные с США крупномасштабные военные учения «Тим Спирит», непоследовательно решались вопросы оказания продовольственной помощи КНДР и т. п).

Раздражение северян вызывали и отдельные высказывания южнокорейских государственных чиновников относительно новой политики в отношении КНДР, в которых явно прослеживались иные мотивы, нежели декларируемые официально. Так, в апреле во время телевизионных дебатов, посвященных вопросам внешней политики, бывший в то время советник президента по вопросам национальной безопасности Лим Дон Вон определил политику «солнечного тепла» как «направленную на отделение народа Северной Кореи от правящей элиты», за что правительство Ким Дэ Джуна было подвергнуто мощной контрпропагандистской атаке со стороны КНДР¹. Ким Джон Пхиль, бывший премьер-министром

---

¹ *Moon Chung-in. The Sunshine policy. In Defense of Engagement as a path to peace in Korea. Seoul: Yonsei University press, 2012. С. 40.*

Республики Корея в начале президентства Ким Дэ Джунa, не скрывая, говорил: «Одна из задач политики Солнечного тепла состояла в том, чтобы превратить КНДР в нормальное государство»¹. Сам Ким Дэ Джун также в своих ранних выступлениях говорил о том, что политика, похожая на эзоповскую притчу о ветре и солнечном тепле, успешно осуществлялась против государств социалистического лагеря, что в итоге и привело к его крушению². Безусловно, такая постановка вопроса не устраивала северокорейскую сторону и лишь убеждала ее руководство в том, что за благостной и миролюбивой риторикой скрыто желание мягких, постепенных, но в то же время радикальных перемен внутри КНДР. Следует признать, что такие заявления официальных лиц южнокорейской стороны резко контрастировали с договоренностями, достигнутыми сторонами в 1991 г. и не способствовали укреплению двустороннего доверия.

Как и предыдущие ступени межкорейского сближения, новый этап также был во многом продиктован логикой развития внешних обстоятельств. В первой половине 1999 г. между США и КНДР прошло несколько раундов переговоров по северокорейской ядерной проблеме и вопросам исполнения Рамочного соглашения 1994 г. (подробнее об этом см. в главе 5). В целом переговорный процесс шел сложно, а уже 12 октября 1999 г. государственный департамент США опубликовал доклад своего представителя Уильяма Перри, в котором были высказаны рекомендации изменить конфронтационную политику в отношении КНДР. В докладе предлагался новый подход к переговорам с КНДР, который предполагал снижение изоляции Соединенными Штатами и их союзниками. «Для достижения поставленных в докладе целей предлагалось проводить с КНДР переговоры, установить между двумя странами дипломатические отношения, снизить порог политического и иного давления, проводить политику мирного сосуществования с ней, при полной поддержке союзников в лице РК и Японии»³. В ноябре того же

---

¹ Why Sunshine Policy was never going to succeed Kim Jong-pil Remembers // Электронный песчуп: URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3014250> (Дата обращения: 01.10.2021).

² The Korean Problem: Nuclear crisis, Democracy and Reunification. A collection of Essays, Speeches and Discussions by Kim Dae Jung. Seoul, Korea: KDJ Peace Foundation 1994. P. 48–49.

³ Нам С. Г. Первичность внутренних факторов в объединительном процессе Кореи на современном этапе // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Москва: ИДВ РАН, 2002. С. 35.

года в Берлине стартовали переговоры между США и КНДР по вопросу о двусторонних отношениях, где обсуждался вопрос о возможном визите высокопоставленного представителя КНДР в США. В итоге переговоры зашли в тупик, США требовали полного отказа КНДР от ядерной программы в обмен на нормализацию отношений, что для Пхеньяна было неприемлемо¹. Неудача в важных для Пхеньяна переговорах стала еще одним фактором, подтолкнувшим руководство КНДР к рассмотрению южнокорейских предложений. Крайне тяжелое экономическое положение Северной Кореи, усугубленное бедственными природными катаклизмами середины 1990-х гг., распадом СССР и социалистического лагеря, вынуждали Пхеньян перейти к более прагматичному курсу и искать дополнительные источники пополнения бюджета, в том числе и для осуществления крайне необходимых внутренних преобразований². Тем не менее неверно было бы сводить мотивацию северокаорейской стороны только лишь к необходимости изыскивать средства для преодоления внутреннего кризиса. Взаимодействие в вопросах межкорейских отношений и стремление искать пути объединения общей родины были неоднократно зафиксированы в подписанных ранее документах.

Предложенная Ким Дэ Чжуном политика в ее содержательной части соответствовала духу Совместного заявления Севера и Юга 1972 г., а также Соглашению о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах 1991 г. Новые инициативы южнокорейского президента содержали и такие положения, которые учитывали неудачный опыт его предшественников и представляли интерес для северокаорейской стороны. Так, например, в своей поздравительной речи в честь 50-летия образования Республики Корея Ким Дэ Чжун впервые заявил, что не ставит целью незамедлительное объединение страны, более того — отказывается от намерений в каком-либо форме поглотить Север и, что также немало важно, предлагает строить отношения с КНДР на принципах отделения политики от экономики³. Эти идеи представляли несомненный интерес для Пхеньяна, поскольку открывали возможности для налаживания экономического сотрудничества без политических обязательств.

¹ Дмитриевская Н. В. Северокаорейская политика Ким Дэчжуна // Вестник Центра каорейского языка и культуры. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 180–181.

² Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 52.

³ Kim Dae-jung. Address Delivered in the 50-th Anniversary of the Republic of Korea. // New Review. 1998, August 22. P. 7.

Основные тезисы политики «солнечного тепла» сводились к трем принципам:

1. Недопущение каких-либо вооруженных провокаций со стороны Северной Кореи;
2. Отсутствие намерений причинить ущерб Северной Корее или поглотить ее;
3. Активное развитие сотрудничества и обменов с Северной Кореей¹.

Ким Дэ Чжун обозначил ближайшие приоритеты в политике объединения, делая упор на то, что его основная задача — реформировать отношения с Северной Кореей, учитывая ошибки и недостатки предыдущих лет. Он подчеркнул, что первостепенной задачей является не достижение скорейшего объединения двух корейских государств, но прекращение конфронтации, сотрудничество, установление мира и стабильности на Корейском полуострове. Особое внимание уделялось культурным и экономическим контактам, воссоединению разделенных войной семей.

Ким Дэ Чжун открыто выступал за оказание всесторонней помощи КНДР ввиду ее сложного положения после ряда тяжелых природных катаклизмов без каких-либо предварительных условий, что было с пониманием воспринято северокорейской стороной, крайне нуждавшейся в экономической и продовольственной помощи. Практически сразу после вступления в должность Ким Дэ Чжун инициировал и осуществил ряд мер экономического характера, облегчающих возможности реализации сотрудничества с КНДР. Был отменен ряд ограничений на объемы инвестиций в экономику КНДР, облегчен режим двустороннего обмена товаров, упрощены административные процедуры, необходимые для визитов в КНДР представителей крупных южнокорейских компаний и т. д.²

Таким образом, южнокорейская сторона на практике демонстрировала искренность своих намерений и готовность к взаимодействию по-новому, с учетом неудач прошлых подходов, основываясь на объективной оценке реального положения двух стран в соответствии с духом ранних совместных с Севером принципов и договоренностей, невзирая на непростое внутреннее положение в самой Южной Корее.

---

¹ Ланцова И. С. Политика «Солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 6. Москва: МГУ, 2012. С. 93.

² Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. С. 52.

Межкорейский саммит 2000 года

Менее чем через два года после провозглашения президентом Ким Дэ Чжуном политики «солнечного тепла» сторонами была достигнута договоренность о проведении встречи на высшем уровне.

Трудно переоценить значение этого события в истории отношений между двумя Кореями. Как отмечалось выше, встреча на высшем уровне планировалась еще в 1994 г. между президентом Ким Ён Самом и лидером КНДР — Ким Ир Сеном, однако скоропостижная смерть последнего не позволила осуществить намеченное. К сожалению, контакты Севера и Юга в середине 1990-х гг. остались безрезультатными, но к саммиту 15 июня 2000 г. стороны подошли уже на новом уровне взаимного доверия. Этому во многом поспособствовали как инициативы Ким Дэ Чжуна, так и позиция северокорейского руководства, сумевшего в итоге преодолеть изначальное недоверие.

Важным обстоятельством, предшествовавшим встрече лидеров двух стран, стало выступление Ким Дэ Чжуна в Берлинском университете весной 2000 г., где он развернуто изложил свои идеи относительно возможности объединения страны. Символично было то, что именно в этой речи в Берлине Ким Дэ Чжун высказался относительно «неприменимости» германского сценария объединения для Кореи. Также нужно заметить, что тезисы этого выступления были заблаговременно направлены в Пхеньян, что было воспринято с одобрением северокорейской стороной и явно свидетельствовало о желании лидеров обсудить свои соображения совместно¹.

Встреча глав двух государств состоялась в Пхеньяне, где 15 июня 2000 г. была подписана Совместная декларация Севера и Юга. В ней стороны еще раз подчеркнули свою приверженность принципам объединения, сформулированным в Совместном заявлении 1972 г., наметили продолжение движения в сторону идеи объединения в форме содружества (в соответствии с концепцией Ким Дэ Чжуна) или конфедерации (Ким Ир Сен), расширения экономических, социальных и культурных связей, организации встреч разделенных войной семей и т. д.

Встреча на высшем уровне 2000 г. открыла новые перспективы для углубления контактов на всех уровнях и по самым разным направлениям. Среди договоренностей, достигнутых в июне 2000 г. в Пхеньяне, было про-

---

¹ Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению. С. 385.

ведение ряда встреч на уровне министерств для разработки необходимых норм и процедур, а также для совместного обеспечения гарантий при реализации проектов между Севером и Югом. Уже 29–31 июля 2000 г. в Сеуле прошел первый раунд межкорейских министерских переговоров, а всего за период реализации политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна и «мира и процветания» Но Му Хёна (годы президентства 2003–2008) состоялась 21 встреча представителей КНДР и РК на уровне министров, где обсуждались различные вопросы двустороннего сотрудничества.

Атмосфера общей разрядки напряженности на полуострове позволила КНДР совершить определенного рода прорыв и на международном уровне, улучшив свои внешнеполитические позиции и получив признание целого ряда государств. Так, в июне 2000 г., после примерно 50-ти лет, были частично сняты экономические санкции США в отношении КНДР. Северная Корея установила дипломатические отношения с целым рядом европейских государств, среди которых Швеция, Финляндия, Португалия, Дания, Австрия¹.

В рамках политики «солнечного тепла» можно выделить несколько направлений взаимодействия Юга и Севера, получивших реальное воплощение не «на бумаге» и приведших к серьезным позитивным изменениям в каждой из областей. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что, пожалуй, главное достижение политики Ким Дэ Чжуна заключается в возобновлении регулярного и содержательного диалога между двумя государствами. Этапы межкорейского сближения всегда сопровождались постепенным снижением интенсивности связей и в итоге сменялись периодами конфронтации. Почти 20 лет прошло между подписанием Совместного заявления 1972 г. и Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах 1991 г., еще почти 10 потребовалось, чтобы осуществить встречу на высшем уровне и подписать Совместную декларацию Севера и Юга. Даже с учетом того, что каждый раз качественно возрастал масштаб межкорейского взаимодействия, расширялись области сотрудничества, возникали новые направления, все же процесс межкорейского сближения требовал непрерывности.

Беспрецедентных успехов стороны достигли в области экономического сотрудничества и взаимодействия. Помимо упомянутых мер,

---

¹ Казарьян Р. Л. К вопросу об актуальности политики «солнечного тепла» // Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 24–25 марта 2011 г. Москва: ИДВ РАН, 2011. С. 83.

снимающих ряд ограничений на осуществление бизнеса, повышения инвестиционной привлекательности северокорейского направления и упрощения юридических процедур для южнокорейского капитала, руководство Республики Корея активно содействовало в реализации трех крупных совместных проектов: большой туристический комплекс в горах Кымгансан, создание мощного промышленного комплекса в городе Кэсон и проект соединения железнодорожных веток Сеул — Синийджу.

Еще одним важным направлением взаимодействия стало содействие воссоединению семей, разделенных Корейской войной. Эта крайне болезненная тема давно была в фокусе внимания обеих сторон, поскольку и на Юге, и на Севере еще были живы участники войны и простые корейцы, чьи родственники оказались на противоположной стороне без возможности связи друг с другом.

Следующим направлением было предоставление Северу чрезвычайной и продовольственной помощи как через международные организации, так и по прямым межправительственным каналам для ликвидации последствий наводнений, потрясших страну в течение нескольких лет подряд в середине 1990-х гг. Помимо этого, Сеул направлял удобрения, семена и пестициды для улучшения сельскохозяйственного производства, фармацевтические препараты для борьбы с потенциальными эпидемиями и другими инфекционными заболеваниями, вызванными дефицитом питания и медицинской помощи в Северной Корее. Руководство Южной Кореи активно поощряло частный сектор и другие гражданские организации участвовать в гуманитарных программах по отправке дополнительных продуктов питания, удобрений и гуманитарной помощи.

Наконец, результатом межкорейского взаимодействия в рамках политики «солнечного тепла» явилось расширение международного сотрудничества с участием обоих корейских государств, а также снижение общей напряженности на Корейском полуострове и в регионе.

Крупный южнокорейский капитал в процессе межкорейского сотрудничества

Принцип отделения политики от экономики формально означал предоставление частному сектору Южной Кореи большей свободы действий

в принятии собственных решений, касающихся торговли и инвестиций с Севером, и ослабление ограничений, препятствовавших межкорейскому бизнесу, при ограничении роли правительства в первую очередь вопросами гуманитарной и другой официальной помощи¹. Южнокорейский бизнес начал проявлять интерес к возможностям экономического сотрудничества с Северной Кореей задолго до описываемых событий.

Первый визит главы южнокорейской чеболь² «Хёндэ» Чон Чжу Ёна в КНДР состоялся еще в январе 1989 г., тогда ему удалось встретиться лично с Ким Ир Сеном и договориться о подписании соглашения для совместного развития туристской инфраструктуры в северокорейских горах Кымгансан. Необычайная красота пейзажей этих мест издавна славилась среди корейцев, привлекая туристов, в том числе и из других стран. Идея организации здесь многофункционального развлекательного комплекса как дополнительного источника привлечения валюты в страну воплотилась в создании северокорейцами в 1988 г. международной туристической компании Кымгансан. Однако в последующие годы развитие совместного туристического бизнеса оказалось малоуспешным, причиной чему отчасти были внутрисполитические амбиции главы «Хёндэ» Чон Чжу Ёна, организовавшего в 1992 г. собственную политическую партию и неудачно баллотировавшегося на пост президента Южной Кореи в 1992 г., в результате чего он лишился поддержки победившего на выборах Ким Ён Сама³. Однако после вступления в должность президента Ким Дэ Чжуна ситуация изменилась, и Чон Чжу Ён получил возможность активизироваться на северокорейском направлении.

Начиная с 1998 г. Чон Чжу Ён, уроженец северной части тогда еще единой страны, неоднократно посещал Северную Корею, добиваясь расположения ее руководства. Так, например, 16 июня он предпринял символическую акцию и направился вместе с колонной из 16 грузовиков

---

¹ Norman D. Levin and Yong-Sup Han, *Sunshine in Korea* // The South Korean Debate over Policies Toward North Korea, RAND's National Security Research Division by the Center for Asia Pacific Policy, 2002. P. 24.

² Чеболь (кор. 재벌, чэболь) — южнокорейская форма крупных финансово-промышленных групп. Чеболи представляют собой объединения формально самостоятельных компаний, находящихся в собственности определенных семейных кланов под единым административным и финансовым контролем.

³ Son Key-young. *South Korean Engagement Policies and North Korea. Identities, norms and the Sunshine Policy*. Routledge. 2006. P. 84.

с 500 коровами через пограничную деревушку Пханмунджом в КНДР. Грузовые автомобили и крупный рогатый скот были подарком Чона Северной Корее¹.

Он лично встретился с Ким Чен Иром и договорился о реализации ряда совместных проектов с КНДР, в частности, северокорейское руководство предоставило компании «Хёндэ» права на строительство и использование в течение 30 лет международного туристического комплекса в горах Кымгансан на территории КНДР. Этот проект получил старт уже в конце 1998 г., однако долгое время оставался нерентабельным. Тем не менее в течение многих лет стороны продолжали прилагать усилия для его реализации, что позволило многим корейцам с юга посетить эти живописные места Северной Кореи.

Нужно заметить, что по мере роста конкурентоспособности и выхода на внешние рынки южнокорейский бизнес все больше проявлял заинтересованность в сотрудничестве с Севером по целому ряду объективных причин. Л. В. Захарова в своей работе «Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности» выделяет следующие:

1. Снижение рисков и повышение кредитного и инвестиционного рейтинга южнокорейских компаний. Международные рейтинговые агентства обычно снижают кредитный рейтинг Республики Корея в связи с «северокорейскими рисками» (потенциальный военный конфликт или экономическая катастрофа и т. п.)
2. Сокращение издержек. Интеграция экономики РК в процессы глобализации требовали от нее значительного снижения издержек производства и повышения конкурентоспособности товаров.
3. Разработка северокорейских месторождений. Перспективным направлением сотрудничества для РК являлась разработка минеральных ресурсов на Севере — область, испытывавшая острый дефицит капитала и технологий для развития добывающей промышленности.
4. Создание «сухопутного коридора», связующего расположенную на оконечности полуострова Южную Корею с материком.

Начиная со второй половины 1990-х гг., несмотря на неоднократные обострения в отношениях Юга и Севера, предприниматели на юге продолжали интересоваться возможностями инвестирования или открытия совместных предприятий и даже осуществлять которые проекты на прак-

---

¹ *Son Key-young*. Op. cit. P. 84.

тике. На этом отрезке С. С. Суслина выделяет три этапа в подходах южно-корейского бизнеса к межкорейскому сотрудничеству:

1. Подготовительный или оценочно-оптимистический (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) Этот начальный этап характеризовался большим энтузиазмом и повышенным интересом южнокорейского капитала к возможности проникновения в северокорейскую экономику. Однако отсутствие нормальных механизмов, регулирующих такого рода деятельность, позволяла лишь приблизительно просчитать вероятную прибыльность такого рода проектов.
2. Прохладно-реалистический (вплоть до середины 1990-х гг.) Первый опыт совместных проектов дал возможность реально оценить перспективы и риски в условиях постепенно ухудшающейся внутриэкономической ситуации в Южной Корее в преддверии финансово-экономического кризиса 1997 г. На этом же этапе южнокорейский капитал столкнулся с множеством препятствий в осуществлении экономического сотрудничества, прежде всего в связи с отсутствием необходимой законодательной базы между двумя странами.
3. Осторожно оптимистический (2000-е гг.). В результате успешного саммита лидеров Республики Корея и КНДР, заявивших о всесторонней поддержке совместных экономических проектов, этот этап характеризовался серьезным интересом представителей крупного капитала в содействии не только исключительно экономическим проектам, но и в других сферах¹.

Следует добавить, что на протяжении 1980-х — 1990-х гг. экономические связи между КНДР и Республикой Корея постепенно развивались и через третьи страны. К середине 1990-х гг. общий объем межкорейской торговли составил 287,2 млн долл. США, а к 1997 г. вырос до 308,3 млн долл. Южнокорейские компании проявляли большой интерес к созданной на северо-востоке КНДР свободной торгово-экономической зоне Раджин — Сонбон². Ким Дэ Чжун подчеркивал, что торговый оборот между Севером и Югом в 1999 г. составил 340 млн долл. США, что вдвое превышало аналогичные показатели за 1998 год, а количество южнокорейских компаний, сотрудничающих с Северной Кореей, перевалило

¹ Суслина С. С. Межкорейский экономический диалог и южнокорейский крупный бизнес // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Москва: ИДВ, 2002. С. 94–95.

² Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению. С. 343.

за сотню. В целом Южная Корея выходила на третью позицию по объему продаж, что делало последнюю основным торговым партнером Северной Кореи после Китая и Японии.¹ К 2007 г. Южная Корея стала крупнейшим экспортным рынком для КНДР, вытеснив с этого места Китай. Объемы двусторонней торговли выросли с 425 млн долл. в 2000 г. до 1,797 млрд долл. в 2007 г.

Таким образом, в период осуществления политики «солнечного тепла» и «мира и процветания» южнокорейские компании, активизируя и расширяя экономические контакты с Северной Кореей, вносили существенный вклад в общее оздоровление обстановки на полуострове, содействовали модернизационным процессам в обеих частях полуострова, способствовали постепенному расширению единого экономического пространства.

Как уже отмечалось выше, для крупного южнокорейского капитала потребность выхода на рынок Северной Кореи заключала в себе огромный потенциал вследствие целого ряда факторов, таких как географическая близость, фактор единой нации и культурной традиции, дешевизна рабочей силы в условиях повышающейся конкуренции со стороны китайских предприятий и т. д. Такое сочетание факторов в средне- и долгосрочной перспективе могло способствовать обретению той самой общности сначала экономических, а потом и политических, общенациональных интересов, сформировать понимание необходимости поддерживать взаимную стабильность и безопасность в этих интересах, содействовать формированию и осознанию необходимости «великой национальной консолидации».

Общность экономических интересов в рамках единого экономико-географического пространства, пусть и с различными политическими системами, как представляется, является важнейшим необходимым условием дальнейшего налаживания взаимодействий двух стран с различными системами. В ходе осуществления совместных экономических проектов стороны естественным образом прокладывают путь и к будущему политическому объединению разделенной страны, постепенно устраняя несостыковки и различного рода юридические нюансы в своих законодательствах. Разрыв единого экономического пространства во второй половине 1940-х гг. дал старт фактическому расколу одной страны. Эта концептуальная составляющая политики Ким Дэ Чжуна, пожалуй, лучше всего

---

¹ Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению. С. 343.

раскрывает суть его видения будущего единой Кореи, заключающуюся в модернизации всего Корейского полуострова; она продемонстрировала серьезный потенциал в очень короткий по историческим меркам отрезок времени.

Уместно будет привести статистику, демонстрирующую достижения межкорейского экономического сотрудничества в период осуществления политики «солнечного тепла», а также «мира и процветания». За период с 2000 по 2007 г. общий объем межкорейской торговли увеличился более чем в 4 раза, с 425 млн долл. до 1,797 млрд долл. Среднегодовые темпы роста двустороннего товарооборота в 2000–2007 гг. составляли 23%. По итогам 2007 г. объемы экспорта из КНДР в РК достигли 765 млн долл.¹ В отечественном корееведении это взаимодействие государства и крупного бизнеса в осуществлении экономического сотрудничества с КНДР получило высокую оценку, в частности, отмечалось, что это была политика, имевшая «достаточно оснований стать результативной», «продуманная и взвешенная», способствовавшая нормализации межкорейских отношений и оздоровлению обстановки на Корейском полуострове².

В условиях преодоления кризисных последствий нормализация ситуации на Корейском полуострове способствовала эффективному взаимодействию южнокорейского бизнеса и государства, создавала благоприятные условия для накопления потенциала дальнейшего развития отношений между Севером и Югом во всех сферах.

Участие южнокорейского крупного капитала в межкорейском сотрудничестве подтверждает известный тезис о том, что государство, способно подчинить интересы национального капитала своим задачам и целям, что особенно проявляется в кризисных условиях — точно так же, как это было на этапе модернизации страны³. В данном случае государство выступало гарантом для крупных компаний в части безопасности их экономической деятельности на северокорейском направлении. Самостоятельные попытки южнокорейского капитала зайти в Северную

---

¹ Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. С. 74.

² Федоровский А. Н. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. Москва: ИМЭМО РАН; Изд. дом «Стратегия», 2008, С. 288.

³ Абдулов Р. А., Джаббаров Д. Б., Комолов О. О., Маслов Т. Д., Степанова Г. А. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. Научный доклад. Москва: Научная лаборатория современной политэкономи, 2021. С. 198–199.

Корею при молчаливом согласии, но без поддержки государства не увенчались успехом. В то же время, без финансовых возможностей крупного южнокорейского капитала руководству Южной Кореи вряд ли было бы под силу осуществить столь широкомасштабный прорыв в отношениях с северным соседом.

Для характеристики роли крупного капитала, а также отдельных его представителей в осуществлении государственной стратегии, направленной на вовлечение КНДР в диалог и коренной перелом в двусторонних отношениях Севера и Юга, наиболее уместным определением является известная формулировка — «проводник политики». Недаром после кончины почетного председателя компании «Хёндэ» Чон Чжу Ёна в 2002 г. власти КНДР, признавая его большие заслуги в межкорейском сотрудничестве и деле объединения, направили официальную делегацию для передачи послания Ким Чен Ира¹. Это был первый и пока единственный случай, когда южнокорейский бизнесмен удостоился такой чести от высшего руководства КНДР.

Консервативный поворот

Но Му Хён (годы президентства 2003–2008), сменивший Ким Дэ Чжуна на посту президента, в целом продолжал политику своего предшественника. Надо сказать, еще в течение президентского срока Ким Дэ Чжуна политика «солнечного тепла» подверглась серьезной критике консервативного крыла южнокорейского внутриполитического спектра.

Несмотря на серьезный прорыв в отношениях между Севером и Югом, сложнее оказалось удержать планку и продуктивно двигаться дальше. Так, например, один из ключевых проектов, проводимых под эгидой политики «солнечного тепла», — Кымгансанский туристический проект — долгое время оставался убыточным и требовал постоянной государственной поддержки. Сотрудничество с Северной Кореей требовало существенных финансовых затрат, что в условиях трудного преодоления южнокорейской экономикой последствий финансового кризиса 1997 г. было довольно тяжело. Наконец, проведение политики «солнечного тепла» не во всех странах находило поддержку. Стремительное сближение Севера и Юга было совсем не на руку США, и власти Республики

---

¹ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 527.

Корея находилась под постоянным внешнеполитическим давлением своего союзника.

Внутриполитическая оппозиция постоянно подвергала острой критике политику Ким Дэ Чжуна, считая ее политическим «пиаром», осуждая беспрепятственное перекачивание денег из бюджета страны на Север и необоснованную позицию Республики Корея в ООН по вопросам, касавшихся осуждения каких-либо действий Северной Кореи. В 2003 г. в Южной Корее разгорелся серьезный скандал, связанный с проведением саммита в 2000 г. и последующим присуждением Ким Дэ Чжуну Нобелевской премии мира. Тогда выяснилось, что за несколько дней до встречи на высшем уровне администрация Ким Дэ Чжуна и компания «Хёндэ» при содействии «Korea Exchange Bank» осуществили секретный перевод суммы в размере 500 млн долл. США на счета руководства КНДР якобы для проведения саммита¹. Это дало повод оппозиции заявить, что Ким Дэ Чжун «купил» Нобелевскую премию. Безусловно, подобные дарения гигантских сумм КНДР негативно сказывались на восприятии общественностью государственной политики в отношении северного соседа. Но настоящим ударом по политике «солнечного тепла» стал выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, последовавшее вскоре заявление Пхеньяна об обладании ядерной бомбой и, наконец, ее испытания в 2006 г. Все это окончательно подорвало мнение широкой общественности относительно целесообразности и успеха дальнейшего проведения политики «солнечного тепла» / «мира и процветания».

В последний год своего президентского срока Но Му Хён посетил Пхеньян с официальным визитом и встретился с Ким Чен Иром, однако в условиях шаткого внутриполитического положения правящей партии Южной Кореи и самого президента к реализации возможных договоренностей двух лидеров отношение было довольно скептическим.

4 октября 2007 г. стороны подписали «Декларацию во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания», которая предполагала целый ряд мероприятий по расширению текущих направлений сотрудничества, а также новые потенциально перспективные договоренности: ускорение строительства комплекса встреч членов разделенных семей; решение с 2008 г. начать поездки к горе Пэктусан (разрешено прямое воздушное сообщение между Сеулом и Пэктусаном); приняты

¹ *Son Key-young*. Op. cit. P. 111–112.

решения о новых проектах экономического сотрудничества (строительство южнокорейскими компаниями двух судостроительных заводов — 200 млн долл.); решение о создании «особой зоны мира и сотрудничества в Желтом море» в районе города Хэчжу и прилегающей акватории¹.

В положительной оценке этой встречи на высшем уровне и новой межкорейской декларации, приводимой в коллективной монографии крупных российских корееведов, обращает на себя внимание использование сослагательного наклонения в отношении перспектив реализации принятых решений: «В целом вторая межкорейская встреча на высшем уровне имела позитивное значение для оздоровления двусторонних отношений. Реализация принятых на ней решений способствовала бы дальнейшему поступательному развитию взаимопонимания и сотрудничества между КНДР и РК и тем самым внесла бы существенный вклад в безопасность и стабильность на корейском полуострове»². В декабре того же года на президентских выборах в Южной Корее победил кандидат от консервативной партии, последовавшее десятилетие правления в стране консервативных сил перечеркнуло многое из достигнутого сторонами за этот небольшой по исторический меркам отрезок времени. Образно выражаясь, встреча на высшем уровне в июне 2000 г. открывала совершенно новую страницу межкорейских отношений, символизировала начало периода оттепели на Корейском полуострове и общей нормализации ситуации в регионе, в то время как саммит 2007 г. олицетворял закат этой эпохи.

Спустя 10 лет после избрания на пост президента Ким Дэ Чжуна, в 2008 г., к власти в Южной Корее пришел Ли Мён Бак (годы президентства 2008–2013) — консерватор и прагматик, в свое время бывший членом совета директоров, исполнительным директором, а потом и председателем совета директоров компании «Хёндэ Констракшн». В начале 1990-х гг. он покинул свой пост и решил заняться политикой, какое-то время был депутатом Национального собрания от правящей партии, но в конце 1990-х гг. после скандала с завышением предвыборных расходов и штрафа отправился в США, где занимался исследовательской работой в качестве приглашенного специалиста. После краткосрочного пребывания за океаном вернулся в южнокорейскую политику и в 2002 г.

---

¹ Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 63–64.

² Там же. С. 48.

успешно баллотировался на пост мэра Сеула, а в 2007 г. одержал победу уже на президентских выборах.

Еще в ходе предвыборной кампании Ли Мён Бак сформулировал новый подход к решению корейского вопроса как часть общей стратегии развития страны и полуострова. Его программа получила название политика «сосуществования и процветания» и в ее названии отражено основное отличие от политики предшественника («политика мира и процветания»). Ли Мён Бак построил свою концепцию, исходя из той критики, которая озвучивалась консерваторами в адрес северокорейской стратегии предшествующих президентов. Их не устраивала односторонность в помощи КНДР, а также отсутствие видимых результатов.

Раздражение общественности вызывала и северокорейская ядерная программа, реанимированная и получившая активное развитие именно в период осуществления политики «солнечного тепла». Ее критики постоянно акцентировали несоответствие заявленных целей результатам и, прежде всего, отмечали отсутствие какого-либо прогресса во внутреннем реформировании северокорейского режима. «Отставание КНДР от Республики Корея как по количественным показателям, так и по качеству жизни продолжало расти. Таким образом, помощь Южной Корее «проедается» и не оказывает никакого влияния на решение экономических проблем Северной Кореи. В межкорейских отношениях диалог развивался лишь в той мере, в тех сферах, в том объеме и в такой интенсивности, в какой хотела этого Северная Корея. Если в такой ситуации Республика Корея пыталась оказывать какое-то давление или проявлять излишнюю, по мнению КНДР, активность, последняя просто прекращала контакты по правительственной линии на неопределенное время и возобновляла их по своему усмотрению»¹.

Ли Мён Бак поставил перед собой задачу скорректировать или сбалансировать сотрудничество между Северной и Южной Кореей, поэтому в названии северокорейской политики новой администрации появились предлоги «со-», делающие акцент на том, что процветание и существование должны быть совместными и взаимовыгодными, иначе они бессмысленны.

Его подход воплотился в программе озаглавленной «Денуклеаризация, открытость, 3000». Ее смысл и само название расшифровывались

---

¹ Ким Ён Ун. Политика «сансэнь гонён»: цели и перспективы // Корейский полуостров. Время новых вызовов. Москва: ИДВ РАН, 2009. С. 102.

следующим образом: при условии отказа Северной Кореи от ядерной программы, то есть, если КНДР предоставит полный доступ к ней для постоянного контроля, мониторинга состояния и инспекции иностранными специалистами, свернет и ликвидирует программы разработки ядерного оружия и средств доставки, продемонстрировав таким образом свою «открытость» и готовность к диалогу не на словах а на практике, — Республика Корея готова привлечь внутренние и внешние инвестиции с тем, чтобы в течение 10 лет помочь КНДР выйти на уровень ВВП на душу населения до 3000 долл. США¹. Помимо этого, КНДР должна была немедленно приступить к осуществлению внутренних реформ для достижения большей открытости. Цифра в 3 тыс. долл. также была избрана не случайно — именно такой уровень ВВП на душу населения был зафиксирован в южнокорейской экономике к моменту проведения Олимпиады в Сеуле в 1988 г. — спустя год после начала демократических преобразований в стране и отказа от авторитарного правления военных. Именно этот показатель экономического развития страны, по мнению авторов программы, дал старт по-настоящему демократическому повороту в истории Республики Корея, следовательно, того же было необходимо достичь и в КНДР.

По мнению команды Ли Мён Бака, такой подход к отношениям с Пхеньяном был более рационален и конкретизирован, в отличие от безвозмездного «одаривания» режима КНДР предшествующими президентами Южной Кореи, а, поскольку основные тезисы программы «существования и процветания» были обнародованы еще до проведения президентских выборов, Ли Мён Бак справедливо полагал, что, голосуя за него, народ Южной Кореи выражает свою поддержку и такой политике по отношению к северному соседу. Нельзя не признать, что к моменту проведения 17-х по счету президентских выборов в Южной Корее такой прагматичный подход к ведению дел с Северной Кореей имел довольно большое количество сторонников.

Совершенно неудивительно, что в контексте всей непростой истории межкорейских отношений подобная концепция «с позиции силы» была изначально обречена на провал. Тем, кто серьезно занимался проблемой межкорейских отношений, было очевидно, что Пхеньян резко отрицательно отреагирует на инициативы Ли Мён Бака. Мало того, что в этой

¹ Захарова Л. В. Политика «Существования и процветания» Ли Мён Бака и межкорейские экономические отношения в первый год его президентства // Кореянский полуостров. Время новых вызовов. Москва: ИДВ, 2009. С. 114–115.

программе содержались заведомо неприемлемые для северокорейской стороны предварительные условия, без выполнения которых реализация программы была, по мнению Юга, невозможной. Для Севера крайне чувствительным и болезненным было то, что позиция Республики Корея теперь исключала принцип равноправия в отношениях между странами, которые не раз были озвучены в совместных двусторонних заявлениях. Южная Корея подчеркивала свое экономическое превосходство и отставание Северной Кореи, предлагая или навязывая собственное видение решения экономических проблем последней. Более того, вопросы, связанные с ракетно-ядерной программой КНДР Север всегда относил к области обеспечения своей национальной безопасности и обороны, всегда подчеркивал это и не рассматривал их как предмет двусторонних отношений с Югом. Неудивительно, что такие предложения в подчеркнуто высокомерном, менторском ключе в диалоге с Севером не встретили понимания в Пхеньяне и предопределили его позицию во взаимодействии с новой южнокорейской администрацией по всему спектру проблем межкорейских отношений.

Южная Корея постепенно прекратила поставки продовольствия и минеральных удобрений, вновь подняла вопрос о ситуации с правами человека в КНДР, предприняла еще целый ряд вполне конкретных шагов, недвусмысленно свидетельствовавших о том, что политика Сеула в отношении своего северного соседа совершила разворот на 180 градусов¹.

Вряд ли у кого-то вызовет сомнение тот факт, что власти Республики Корея не имели отношения или не содействовали деятельности различных неправительственных организаций, которые возобновили практику пропагандистских выпадов в сторону КНДР, как, например, запуски воздушных шаров с листовками и пропагандистскими материалами на территорию КНДР и т. п.

Официальная реакция Пхеньяна на новый курс Сеула последовала уже в марте 2008 г.: после ряда резких заявлений официальных лиц в КНДР приняли одностороннее решение выслать нескольких чиновников из совместного консультативного совета по экономическому сотрудничеству в Кэсоне. Далее последовало заявление о приостановке межкорейского диалога и запрете пересечения границы официальными южнокорейскими лицами. Власти КНДР прекратили все контакты по

¹ Ким Ён Ун. Политические перемены в Северо-Восточной Азии и перспективы объединения Кореи // Корейский полуостров: накануне перемен. Москва: ИДВ РАН, 2012. С. 78.

правительственной линии, отключили «горячую» телефонную линию между штабами военно-морских сил Севера и Юга.

В то время как целый ряд совместных проектов продолжал функционировать, торговый оборот между странами набирал обороты, хотя и меньшими темпами, президент Ли Мён Бак заявлял о намерении выполнять соглашения и договоренности, достигнутые его предшественниками, какого-либо отклика от северокорейской стороны не последовало. В Сеуле это быстро поняли и предприняли попытку сгладить углы. «11 июля 2008 года выступая перед Национальным собранием Республики Корея, президент Ли Мён Бак подкорректировал свою позицию в отношении Севера, заявив о необходимости возобновить полномасштабный диалог между двумя корейскими государствами и своей готовности серьезно сотрудничать с Пхеньяном. По иронии судьбы, в тот же самый день 11 июля 2008 года в туристической зоне Кымгансан северокорейский военный застрелил туристку из Южной Кореи»¹. Инцидент получил широкий резонанс, однако последовавшее разбирательство показало, что действия погибшей женщины были неоднозначны, что и привело к трагедии². После этого туристический комплекс был закрыт.

До конца 2008 г. Пхеньян в одностороннем порядке продолжил вводить различного рода ограничения для представителей официального Сеула: были ужесточены требования по пребыванию южан на терри-

---

¹ Захарова Л. В. Политика «Сосуществования и сопроцветания» Ли Мён Бака... С. 116.

² Рано утром 11 июля 2008 г. в туристическом комплексе «Кымгансан» была убита 53-летняя туристка из Южной Кореи Пак Вон Чжа. Впоследствии выяснилось, что туристка была застрелена северокорейским военным, находившимся на посту у военного объекта, непосредственно прилегающего к туристической зоне. Туристка углубилась в охраняемую зону на расстояние около 1 км, несмотря на соответствующие запрещающие указатели. На приказ остановиться она отреагировала бегством, северокорейский солдат сделал один предупредительный выстрел, но туристка продолжила бежать, после чего был открыт огонь на поражение. Расследование инцидента было осложнено тем, что в это время, ввиду напряженности в межкорейских отношениях, все контакты были в одностороннем порядке приостановлены северокорейской стороной, а группа специалистов, направленная из Южной Кореи для расследования обстоятельств гибели Пак Вон Чжа, попросту была не допущена на территорию комплекса. По утверждению северокорейской стороны, часовой не мог четко разглядеть в кого именно он стреляет. В результате туры в туристическую зону «Кымгансан» были приостановлены на один год. — Сеульский вестник, 17.07.2008.

тории КНДР и пересечению ими военно-демаркационной линии, были приостановлены туристические поездки в Кэсон и железнодорожное сообщение с Югом, была закрыта совместная комиссия по экономическому сотрудничеству, ограничено сухопутное сообщение через демилитаризованную зону в районе 38-й параллели в Кэсонский промышленный комплекс, уменьшено количество южных корейцев, которым одновременно разрешено находиться в зоне комплекса и т. д.

В течение 2009 г. ухудшение двусторонних отношений продолжилось. В январе Ли Мён Бак назначил новым министром по делам объединения одного из авторов и разработчиков программы «Денуклеаризация, открытость, 3000» — Хён Ин Тхэка, что было крайне негативно воспринято на Севере. В ответ Северная Корея заявила о готовности к широкомасштабной конфронтации с Республикой Корея и аннулировала «Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве между Севером и Югом» от 13 декабря 1991 г., а также ряда других соглашений между сторонами¹.

Пик напряженности в межкорейских отношениях, связанный и с резко негативной реакцией Пхеньяна на новые инициативы Южной Кореи в области построения двусторонних отношений и фактическим отказом Сеула выстраивать свою северокорейскую политику в русле предыдущих взаимных договоренностей, пришелся на 2010 год.

26 марта 2010 г. в Желтом море, недалеко от берега, в результате взрыва затонул корвет южнокорейских ВМС «Чхонан», из 104 членов экипажа 46 погибли. Поначалу реакция властей Республики Корея на инцидент была сдержанной, но после оглашения результатов работы международной комиссии, расследовавшей трагедию, официальный Сеул объявил, что корвет затонул в результате торпедной атаки северокорейской подводной лодки. Справедливости ради следует заметить, что даже среди некоторых южнокорейских специалистов высказывались сомнения в версии комиссии, не говоря о том, что ряд стран не согласились с ее выводами². КНДР отрицала свое отношение к случившемуся, но Сеул продолжал настаивать на виновности Пхеньяна. Отношения между странами ухудшились самым радикальным образом. Взаимная резко негативная риторика и угрозы вошли в обиход, что быстро было

¹ Ким Ён Ун. Политика «сансэнь гонен»: цели и перспективы. С. 107.

² Gowans S. The sinking of the Cheonan: Another Gulf of Tonkin incident // Электронный ресурс: URL: <https://gowans.blog/2010/05/20/the-sinking-of-the-cheonan-another-gulf-of-tonkin-incident/> (Дата обращения: 01.10.2021).

подхвачено и растиражировано мировыми СМИ и привело к дальнейшему укреплению негативного имиджа Северной Кореи на международной арене.

В контексте вернувшейся на полуостров конфронтации изменились и представления руководства Южной Кореи о собственном дальнейшем развитии. Концепция мирного объединения при сохранении соответствующей риторики сменилась на идею поглощения Севера Югом или на ожидание и всемерное содействие «скорому» крушению северокорейского режима. Убежденность новой администрации Южной Кореи в неминуемом падении северокорейского режима диктовала совершенно отличную от прежней внешнеполитическую линию, в основе которой было откровенное военно-политическое давление на режим и расширение экономических санкций против КНДР.

15 августа 2010 г. выступая по случаю 65-й годовщины освобождения Кореи от японского колониального господства, президент Ли Мён Бак озвучил новый план по объединению страны, который предполагал три этапа: первый — отказ от ядерного оружия на всем полуострове и установление мира и стабильности, второй — экономическая интеграция экономик Севера и Юга и, наконец, третий этап — политическое объединение двух государств. В своей речи президент предложил открыть широкую общественную дискуссию по вопросу о введении «налога на объединение» для финансирования неизбежных расходов на случай воссоединения: «Воссоединение произойдет. Поэтому наш долг — начать думать о реальных и существенных способах подготовки к воссоединению, таких как принятие объединительного налога. Я прошу, чтобы эти и другие вопросы, связанные с этим, были широко и тщательно обсуждены всеми членами нашего общества»¹.

Цена идеи поглощения КНДР

В 2011 г. власти Южной Кореи предложили идею создания специальных государственных структур для разработки планов и определения возможных расходов в целях обеспечения «объединения по-южнокорей-

---

¹ Address by President Lee Myung-bak on the 65th Anniversary of Liberation. August 15, 2010. Полный текст см.: Электронный ресурс: URL: <https://vostokmedia.com/news/2010-08-16/lee-myung-bak-seeks-reunification-with-north-korea-607433> (Дата обращения: 01.10.2021).

ски»¹. Огромное количество специалистов, представителей экспертного сообщества, государственные организации, ученые, военные, экономисты и т. д. принимали участие в расчетах. По разным оценкам, сумма, необходимая Республике Корея для осуществления процесса интеграции Севера разнилась от 2 до 5 трлн долл. при условии протекания процесса в течение 30 лет². В 2013 г. Министерство финансов Южной Кореи сообщило, что Южная Корея будет выплачивать до 7% своего годового валового внутреннего продукта (ВВП) в течение 10 лет, или примерно 1 трлн долл., если она воссоединится с Северной Кореей в течение следующих восьми лет³.

Однако в условиях нового, теперь уже общемирового экономического кризиса гигантские финансовые средства, требуемые для осуществления всего комплекса мер в случае неблагоприятного развития событий, у Южной Кореи в момент рассмотрения идеи создания фонда или введения налога на объединение отсутствовали в необходимом объеме. Первоначально заявленный срок накопления необходимой денежной массы в 5 лет предполагал средне- и долгосрочную перспективу и, вне всякого сомнения, это повлияло бы на реализацию планов модернизации страны. Начиная с 2008 г. бюджет Южной Кореи находился в дефиците, а правительство лишь планировало баланс к 2013 г. Ситуация в мировой экономике оставалась нестабильной.

Чуть более поздние подсчеты также были весьма далеки от оптимистичных. Так, по оценкам бюджетной комиссии Национального собрания на 2015 г., общие предполагаемые затраты на объединение за 45 лет — с 2016 по 2060 г. — составили бы 10 428 трлн вон в текущих ценах (около 9,2 трлн долл. США), притом что в 2015 г. ВВП страны, по данным МВФ и ОЭСР, составил 1,4 трлн долл. США⁴. Даже автор статьи с довольно

¹ *Воронцов А. В.* Объединение Кореи: ускользающие возможности // Фонд стратегической культуры. Электронное издание. — Электронный ресурс: URL: <http://www.fondsk.ru/news/2014/11/09/obedinenie-korei-uskolzajuschie-vozmozhnosti-30329.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

² *Kang Shinhye.* South Korea Calls for Unity Tax as North Slams Drills. — Электронный ресурс: URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2010-08-15/lee-says-south-korea-may-need-extra-tax-to-pay-for-eventual-reunification> (Дата обращения: 01.10.2021).

³ *Tara O.* The Collapse of North Korea Challenges, Planning and Geopolitics of Unification. London: Macmillan Publishers Ltd, 2016. P. 20.

⁴ *Frank R.* The Costs of Korean Unification: Realistic Lessons from the German Case // *Korea's Economy*. Vol. 30. Washington DC: Korea Economic Institute of America, 2015. P. 95.

оптимистичным прогнозом поглощения Северной Кореи Югом, Рудигер Франк, размышляющий о возможности применения германского пути воссоединения, говорит о том, что сложность будет представлять проблемы общественного обустройства и безопасности¹. Постепенно реализация этой идеи сошла на нет, Сеул вынужден был отказаться от подобных планов, и ничего из намеченного не было осуществлено.

Однако подобного рода инициативы и, самое главное, условия их предполагаемого осуществления без какого-либо участия со стороны КНДР очевидно носили пропагандистский характер, создавали видимость предприимчивого, «делового» подхода к решению проблемы объединения, служили некой формой давления на КНДР. Все эти идеи южнокорейской стороны противоречили букве и духу ранее подписанных совместных документов (1972, 1991), не подразумевали равноправного диалога и исходили из предпосылок, прямо противоречащих принципам объединения, не предполагавшим ни коллапса, ни поглощения любой из сторон, подразумевавшим уважение суверенитета противоположной стороны и, буквально выражаясь, — диалог, а не монолог.

Приход к власти в Южной Корее консервативных сил совпал по времени с рядом крупных международных событий, оказавших известное воздействие на внешнеполитический курс новой администрации, в том числе и на северокорейском направлении. Ситуация на Корейском полуострове и в межкорейских отношениях неразрывно связана с внешним фактором и с изменениями международной обстановки, оказывавшими воздействие и на урегулирование корейского вопроса. Война в Персидском заливе 1991 г и бомбардировки Югославии в 1999 г., вторжение США в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г., многие другие агрессивные действия, грубо нарушающие нормы международного права, посягающие на суверенитет независимых государств и напрямую разрушающие их, не оставались незамеченными в Пхеньяне, вынуждая руководство страны искать пути и возможности для укрепления собственной безопасности.

Военно-политическое и экономическое давление, прямое вмешательство во внутренние дела, расправы над «неудобными» «одиозными» режимами, «странами изгоями», становились все более «привычными» и действенными инструментами во внешней политике США

---

¹ *Frank R. Op. cit. P. 95–97.*

и ряда стран Запада. Наиболее радикально настроенные представители консервативных кругов Южной Кореи видели в этой тенденции возможности для окончательного решения проблемы раскола Кореи.

«Арабская весна» — череда антиправительственных восстаний, «цветных революций» и государственных переворотов, прокатившаяся по целому ряду стран Ближнего Востока и Северной Африки, дала повод для серии весьма смелых высказываний, посвященных грядущей судьбе авторитарных режимов в других регионах, в том числе в Северной Корее. К. В. Асмолов приводит весьма красноречивое высказывание профессора Сеульского университета Яна Му Чжина: «Учитывая продолжающуюся волну народных волнений на Ближнем Востоке, логичным будет предположить, что если Южная Корея продолжит психологическую войну против КНДР, то... режим может оказаться под угрозой»¹.

Во второй половине 2011 г., после многомесячной гражданской войны в Ливии при активной поддержке стран НАТО, правительство страны окончательно пало и мир стал свидетелем кровавой расправы восставших над лидером страны — М. Каддафи, а 17 декабря того же года скончался северокорейский лидер Ким Чен Ир. Эти события, скорее всего, подтолкнули правоконсервативные круги во властных структурах Южной Кореи к активизации политики, направленной на усиление военно-политического и экономического давления на КНДР с целью крушения режима в Пхеньяне, а также побудили изыскать поддержку своим действиям у недружественных КНДР иностранных государств. Тем не менее, как показали реальные события, эти усилия не принесли искомым результатов, лишь обострив ситуацию на полуострове — «за годы правления Ли Мен Бака ни одна из его инициатив в области межкорейских отношений не была реализована, а эти отношения были отброшены на 20 лет назад»².

Новое руководство Южной Кореи признавало бесперспективность курса предыдущей администрации в отношении Северной Кореи, однако и не могло принять ядерные амбиции Пхеньяна. Поэтому новая стратегия предполагала решать вопрос о денуклеаризации КНДР путем

---

¹ Асмолов К. В. К возможным сценариям будущего КНДР // Корейский полуостров: накануне перемен. Москва: ИДВ РАН, 2012. С. 65–66.

² Ким Ён Ун. Правый поворот в РК: состояние и перспективы межкорейских отношений // Корейский полуостров в эпоху перемен. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 38.

переговоров, для чего требовалось восстановить утраченное доверие и нормализовать двусторонние отношения¹. Весной 2013 г. президент Пак Кын Хе представила свою программу развития диалога и обменов между Республикой Корея и КНДР, которая получила название «Процесс укрепления доверия на Корейском полуострове» и предусматривала налаживание связей между обеими странами.

Несмотря на острый кризис на полуострове весной 2013 г., стороны продолжали проводить встречи разделенных войной семей, осуществлялись контакты на довольно высоком уровне в рамках проекта «Евразийская инициативы», подразумевающего соединение экономических, энергетических и транспортных комплексов стран Евразии, с перспективой формирования единого пространства, простирающегося от Западной Европы до Северо-Восточной Азии. Руководство Южной Кореи проявляло заинтересованность в участии в российско-северокорейском экономическом сотрудничестве.

Тем не менее при конкретизации программы выстраивания политики доверия с КНДР президента Пак Кын Хе обращали на себя внимание достаточно расплывчатые формулировки, декларативный ее характер с не до конца ясным содержательным наполнением. Так, например, на первом этапе предлагалось «построение доверия» путем «разумного сочетания диалога и давления» и «использования всего положительного из северокорейской политики предыдущих правительств», объединение должно было осуществляться «по согласованию и при поддержке народа, вместе с народом», должно было «принести счастье всем на Корейском полуострове», реализоваться «через сотрудничество, как составная часть мира на земле» и т. п. При этом Пак Кын Хе, в отличие от предшественника, для разработки своей северокорейской программы привлекла серьезных специалистов по КНДР: Цой Дэ Сока — директора Института проблем объединения Кореи университета Ихва, Министром по делам объединения был назначен заведующий кафедрой северокорейского университета, специализировавшегося на подготовке магистров по северокорейской проблематике — Рю Гиль Чжэ и т. д.²

---

¹ Ким Ён Ун. Раскол Кореи: уроки и перспективы // Корея: уроки истории и вызовы современности. Москва: ИДВ РАН, 2013. С. 46, 48.

² Ким Ён Ун. «Процесс доверия» президента Пак Кын Хе: цели, содержание и перспективы // Россия и Корея в меняющемся мире. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 56–57.

Неудивительно, что, несмотря на некое смягчение межкорейских отношений при новой администрации, практических результатов взаимодействия сторон или сдвигов в сторону улучшения доверия не наблюдалось. В таких условиях, на фоне постепенного падения рейтинга южнокорейского президента, в ее объединительной риторике стали прослеживаться нотки отчаяния, запомнились такие выражения как: «Объединение — это джекпот», «Объединение — это моя эпохальная задача», «Объединение — это дух эпохи», «2015 — это год надежды» и т. п.¹. Однако несмотря на эти заявления, на практике политика давления на Север фактически продолжилась, что в итоге грозило привести к коллапсу государственной системы КНДР².

7 февраля 2016 г. КНДР объявила об успешном запуске искусственного спутника «Кванмёнсон-4», что было расценено как испытание пуска баллистической ракеты, затем последовало третье ядерное испытание, в ответ на которое Южная Корея провела крупномасштабные военные учения с участием США и Австралии³. Все это спровоцировало очередное резкое обострение обстановки на Корейском полуострове, введение южнокорейских санкций и приостановку работы промышленного комплекса в Кэсоне по прямому указанию президента Пак Кын Хе.

В дальнейшем ситуация откатилась на прежний уровень недоверия и конфронтации, окончательно похоронив надежды на оживление межкорейского диалога и сотрудничества при нахождении у власти консерваторов. Печальный конец президентства Пак Кын Хе⁴ ознаменовал собой и начало нового витка острейшего кризиса вокруг Корейского полуострова (подробнее об этом см. в следующих главах). Таким образом, консервативный поворот в Южной Корее привел к полному разрушению достигнутых предыдущими президентами некоторых успехов в области нормализации межкорейских отношений, правые, пришедшие к власти

¹ Медведева Н. С. Объединение Кореи: взгляд из Сеула в год 70-летия освобождения // Россия и Корея в меняющемся мире. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 88.

² Воронцов А. В. Объединение Кореи: ускользающие возможности. (Дата обращения: 01.10.2021).

³ Ким Ён Ун. «Процесс доверия» президента Пак Кын Хе... С. 58.

⁴ 9 декабря 2016 г. в результате голосования в парламенте Южной Кореи президентские полномочия Пак Кын Хе были приостановлены, а в марте 2017 г. Конституционный суд страны утвердил импичмент, и полномочия Пак Кын Хе в качестве президента официально были прекращены. Пак Кын Хе была арестована по обвинению во взяточничестве, злоупотреблении властью, а также передаче секретной информации людям, не являвшимся госслужащими.

в РК, «взяли курс на удушение экономики КНДР и на свержение в результате этого существующего в ней режима»¹.

Социокультурные аспекты поглощения

Длющийся уже на протяжении многих десятилетий корейский раскол затрагивает многие сферы человеческой жизнедеятельности. Отсутствие постоянных совместных усилий по его преодолению на самых разных уровнях приводит к его укреплению и дальнейшему проникновению во все новые ниши. Период осуществления политики «солнечного тепла» лишь отчасти позволил притормозить дальнейшее углубление внутреннего раскола по ряду направлений, прежде всего экономическому, продемонстрировав достаточно высокий потенциал.

В последние годы специалисты, серьезно занимающиеся проблемами Кореи, обращают внимание на весьма важный аспект раскола единой корейской нации, прямо проистекающий из многолетнего опыта развития одной нации в разных социально-экономических и общественно-политических системах, — разность менталитетов.

В рамках настоящей работы сознательно делается акцент на изначальном формировании в двух частях Корейского полуострова разных моделей общественного развития, в той или иной форме сохраняющихся там и по сей день. В этом смысле пример Кореи уникален и представляет собой обширный материал для исследований самых разных аспектов проблемы. С. С. Суслина обращает внимание на спорный, «подрывающий, казалось бы, незыблемые каноны экономической мысли», результат многолетнего социально-экономического соревнования двух корейских государств: «Корейский полуостров сегодня представляет большой интерес для изучения экспертами разных стран самого продолжительного эксперимента, который должен был наглядно продемонстрировать на примере раздельно развивающейся нации преимущества капиталистического и социалистического путей развития»².

В строгом соответствии с известной мыслью, высказанной еще К. Марксом, о воздействии господствующего способа производства мате-

---

¹ Ким Ён Ун. Правый поворот в РК: состояние и перспективы межкорейских отношений. С. 42.

² Суслина С. С. 70 лет экономического соревнования КНДР и РК: некоторые итоги // КНДР и РК — 70 лет. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 152.

риальной жизни на формирование менталитета: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», — корейцы Севера и Юга демонстрируют признаки поведенческих различий, уходящих вглубь национального сознания и передающихся из поколения в поколение¹.

Еще в начале 2000-х гг. В. П. Ткаченко обращал внимание на то, что длительное спокойное и размеренное «изолированное» существование корейцев к северу от 38-й параллели, и интегрированная в мировые информационные потоки, интенсивная, вестернизированная культура жизни южных корейцев — приводят к формированию существенно отличающихся друг от друга идентичностей, определяющих разницу в характере и поведении их носителей. «Некоторые ученые полагают, — писал В. П. Ткаченко, — что на полуострове просматриваются тенденции формирования двух этнопсихологических ветвей корейской нации, отличающихся друг от друга особенностями языка и культуры, разной шкалой жизненных ценностей и интересов»².

Это значит, что идея трансформации Северной Кореи в аналог Южной путем поглощения или постепенных реформ, осуществления совместного поэтапного хозяйствования, развитие экономического сотрудничества с целью поднять уровень экономики КНДР до приемлемого и т. д. — столкнется с гораздо более глубинными проблемами или даже прямым отторжением в массовом сознании большинства жителей КНДР.

В начале 2021 г. авторитетная южнокорейская газета “The Korea Times” разместила на своих страницах обширную статью известного американского востоковеда, директора Института Азии в Сеуле Эммануила Пастрайка, в которой он размышляет об объединении Кореи³. Проблему Пастрайк также видит в гораздо более глубоких социально-экономических явлениях, берущих свои истоки в расколе некогда единой страны, а также в многолетнем движении обществ по обе стороны 38-й параллели

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2е изд. Т. 1. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7.

² Ткаченко В. П. Проблемы взаимопонимания в Корее // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы IV науч. конф., Москва, 15–16.03.2000 г. Ч. 2 / [Подгот. Р. В. Савельев (отв. ред.) и др.]. Москва: ИДВ РАН, 2001. С. 94–95.

³ Pastreich E. Meditations on the word ‘unification’ // The Korea Times. July, 7. 2021 // Электронный псцупс: URL: <http://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=260811> (Дата обращения: 01.10.2021).

в совершенно разных направлениях. Но самое главное заключается в том, что за почти 30 лет с момента крушения социалистической системы и торжества рыночных отношений система капиталистическая в отсутствии какой-либо конкуренции стремительно воспроизвела и обострила весь спектр собственных внутренних противоречий в практически полном соответствии с классическими произведениями классиков марксизма.

К концу первого десятилетия XXI в. общемировой кризис капиталистической системы поставил развитые страны перед серьезной дилеммой дальнейшего поступательного общественного развития в условиях экономической стагнации, сверхконцентрации капитала и его сращивания с политической властью, чудовищного неравенства и дисбаланса в распределении общественных благ, сверхэксплуатации новых рынков вполне в духе неоимпериализма, многочисленных внутренних социальных противоречий и т. д. Для понимания положения дел вполне достаточно взглянуть на любой из докладов Программы развития ООН за последние годы и пробежаться по содержанию¹.

Все это в той или иной степени коснулось и Южной Кореи. Несмотря на впечатляющие по современным меркам экономические показатели (доход на душу населения превысил 30 тыс. долл., экспорт превысил 600 млрд долл., экономика РК по целому ряду параметров — седьмая в мире, и т. д.), они все менее отражают реальную картину и динамику изменений внутри южнокорейского общества. Так, например, еще до пандемии ОЭСР пересмотрела в сторону снижения прогнозы роста экономики Южной Кореи в докладе, опубликованном в марте 2019 г., по сравнению с ноябрьскими оценками того же года².

В случае поглощения Севера сегодняшняя Южная Корея окажется просто не в состоянии предложить актуальную модель экономического развития для единой страны со всей ее спецификой, с ее огромным разрывом в экономике, уровне жизни, идеологии и концепции общественного развития. Даже автор статьи с довольно оптимистичным прогнозом поглощения Северной Кореи Югом, Рудигер Франк, размышляющий

---

¹ См. например: Программа развития Организации Объединенных Наций // Электронный ресурс: URL: <https://www.un.org/ru/ga/undp/> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Республика Корея: успехи и проблемы развития. Вып. № 43, апрель 2019 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 17. — Электронный ресурс: РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/world/20170830/1501431837.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

о возможности применения германского пути воссоединения, говорит о том, что сложность будет представлять проблемы общественного обустройства и безопасности¹.

Если затрагивать тему социокультурных особенностей корейцев Севера и Юга, то ситуация оказывается гораздо более сложной и в какой-то степени почти необратимой, в отличие от тех же немцев. Это можно проиллюстрировать на примере адаптации перебежчиков с Севера. Ф. К. Тертицкий в своей работе, посвященной северокорейским беженцам, говорит о серьезных различиях в психологии, культуре, мировоззрении и отношении к действительности у северян. «...Беженцы совершенно не привычны к жизни в капиталистическом мире, им сложно грамотно воспользоваться всеми этими благами, найти хорошую работу и вписаться в южнокорейское общество...», — пишет он. И далее: «Беженцам бывает сложно общаться с южанами. Это приводит к их изоляции в обществе и замыканию контактов внутри диаспоры...»². И это лишь «вершина айсберга».

В прессу время от времени попадают сообщения о попытках перебежчиков из КНДР вернуться обратно³. Конечно же, таковых абсолютное меньшинство, а государственные органы Южной Кореи всячески способствуют адаптации северян к новой реальности, где им предлагается прослушать курс лекций, который предполагает знакомство с демократическим устройством общества, рыночной экономикой, южнокорейской культурой, с особенностями существующих на Юге отношений в семье, с работой местного госаппарата и сферы услуг, обучение основам компьютерной грамотности, разъяснения, как получить образование, помощь в подборе места работы и при прохождении собеседования⁴. Государство бесплатно предоставляет беженцам жилье и первое время обеспечивает. В середине 1990-х гг. перебежчики получали деньги на покупку квартиры в Сеуле площадью от 22 до 33 кв. м, а также единовременную выплату от 30 до 100 южнокорейских МРОТ. Помимо вознаграждения

¹ Frank R. Op. cit. P. 94–95.

² Тертицкий Ф. К. Северокорейские беженцы в Южной Корее // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. Москва: Наука; ГРВЛ, 2011. С. 114.

³ Перебежчик из КНДР задержан при попытке вернуться в Северную Корею // Российская газета, 20.09.2020 // Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2020/09/20/perebezhchik-iz-kndr-zaderzhan-pri-popytke-vernutsia-v-severnuuiu-koreiu.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

⁴ Тертицкий Ф. К. Указ. соч. С. 113.

за предоставление ценной информации о КНДР и проч., перебежчикам с Севера предоставлялись самые разнообразные стимулирующие дополнительные выплаты¹.

Тем не менее многие из беженцев со временем выражают сожаление о своем переходе на Юг и заявляют о желании вернуться, так как оказываются неспособными воспринять новую и совершенно чуждую им реальность — конкуренции, индивидуализма, отчуждения, недостатка соучастия со стороны других членов общества. Причем речь идет о тех, кто в свое время осмелился на очень непростой для северокорейских реалий поступок, коим является побег в неизвестность. Так, например, только в период с 2012 по 2019 г. включительно было зафиксировано 29 случаев обратных побегов².

Самые последние данные подтверждают эту тенденцию, как и мотивацию северокорейцев вернуться на родину. Так, согласно данным Министерства объединения Республики Корея, за последние десять лет в КНДР возвратился в общей сложности 31 перебежчик (2012 и 2013 г. — по 7 чел., 2014 и 2015 гг. — по 3 чел., 2016 и 2017 гг. — по 4 чел., 2019, 2020 и 2022 гг. — по одному человеку). Также сообщается, что основными причинами их возвращения на родину стали «трудности в процессе переселения и адаптации в РК», а также «тоска по членам семьи, проживающим в Северной Корее»³. Безусловно, эти цифры весьма скромны, однако, если принять во внимание сложность и опасность побега из КНДР, а также последствия для решивших вернуться (возможные для них по возвращении на родину), — можно предположить, что статистика в данном случае показывает лишь вершину айсберга, не противореча факту неприятия большинством перебежчиков реалий Южной Кореи.

Модель поведения основной массы менее активных и законопослушных граждан Северной Кореи, скорее всего, также не позволит в полной мере воспринять новую реальность и адаптироваться к ней. Следует также отметить, что по взаимной договоренности между Севером и Югом, с начала 2010-х гг. власти начали возвращать перебежчиков.

Долгие годы Южная Корея фактически шла по пути вестернизации и построения «общества потребления» западного типа с акцентом на

---

¹ Тертицкий Ф. К. Указ. соч. С. 113.

² Ланьков А. Н. Как КНДР поступает с перебежчиками из Южной Кореи // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3076965.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

³ Donga-Ilbo. 27.09.2022 // Электронный песчупс: URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20220927/115680429/1> (Дата обращения: 01.10.2022).

личностные индивидуалистические мотивационные стимулы в противовес традиционному преобладанию централизованного и коллективного самосознания. Этика ведения частного бизнеса, предпринимательские навыки, совершенно новое восприятие социальных функций и обязательств государства по отношению к индивидууму, даже несмотря на традиционную восточную специфику, — все это постепенно входило в норму и повседневность корейцев на юге. Пример северокорейских перебежчиков наглядно демонстрирует данное обстоятельство.

В отношении формирования и воспитания общества в целом, индивидуальной внутренней культуры отдельных членов, общепринятой традиции и поведенческих моделей Северная Корея шла совершенно по иному пути. Это и естественное следствие авторитарной традиции восточных обществ с их глубоко иерархической структурой, основанной на конфуцианских канонах, это и существующая весьма тоталитарная в своей основе система организации северокорейского общества, но это также и сознательное построение определенных внутренних механизмов социального взаимодействия в условиях ограниченных экономических возможностей.

Даже при таком довольно общем срезе положения дел очевидны существенные сложности и потенциальные препятствия в осуществлении как германского сценария воссоединения, так и проектов постепенного превращения КНДР в РК в ее нынешнем виде. Собственно говоря, понимание этого обстоятельства отражено и в наиболее, на наш взгляд, реалистичных проектах мирного воссоединения, предложенных обеими сторонами еще в прошлом.

Проблема объединения и «великая национальная консолидация»

В этом отношении хотелось бы затронуть еще один, немаловажный, думается, аспект проблемы моделирования возможного объединения Кореи или решения корейского вопроса. Нужно сказать, что, учитывая непосредственную географическую связку двух корейских государств, близость границ, общую заинтересованность в вопросах стабильности и безопасности, в равной степени влияющих и на Север, и на Юг и крайне важных для собственного развития каждой страны, — в истории сближения Севера и Юга наблюдается интересная зависимость. Состояние

межкорейских отношений оказывает опосредованное, а порой и непосредственное влияние на внутреннее развитие КНДР и РК. От уровня их взаимодействия или, наоборот, состояния конфронтации зависят собственные долгосрочные планы по реализации проектов развития или модернизации конкретных сфер экономики и даже социально-политического устройства, не говоря уже о расходах на оборону и т. п. И наоборот — определенные сюжеты внутривнутриполитической жизни или особенности устройства экономики той или иной стороны воздействуют на отношения между двумя странами. Выше было показано, как изменения во внутривнутриполитическом раскладе сил Южной Кореи с приходом новых администраций могут привести к обострению ситуации не только в межкорейских отношениях, но и в регионе в целом. Внешняя политика является продолжением внутренней, и на примере стран Корейского полуострова этот тезис раз за разом находит свое подтверждение.

Стратегия дальнейшего развития и модернизации Южной Кореи, вероятно, затронет и проблему политического устройства страны, такие инициативы уже не раз звучали из уст политиков. Нынешняя конституция Южной Кореи предполагает лишь однократный президентский срок для кандидата. Пять лет — слишком малый срок для серьезных и глубоких преобразований, в то время как решение корейской проблемы требует долгосрочной стратегии, отклонения или разворота на 180 градусов в которой неприемлемы и контрпродуктивны. В рамках существующей в Южной Корее политической системы курс на постепенное мирное объединение страны в отдаленной перспективе фактически оказывается непоследовательным, что довольно наглядно демонстрируют последние 20 лет межкорейских взаимоотношений. Необходимо закрепить политические механизмы принятия и неукоснительного выполнения долгосрочных решений в рамках решения проблемы объединения.

Требуется также пересмотр ряда базовых законодательных актов, некоторые из которых, как это справедливо отмечает И. А. Толстокулаков, в условиях развития всесторонних контактов и сотрудничества между двумя странами выглядят явным анахронизмом. Так, например, он отмечает, что в соответствии с действующим по сей день в Южной Корее Законом о национальной безопасности «...преследованию за его нарушение должно подлежать нынешнее руководство в Сеуле (за измену интересам южнокорейского государства и откровенное содействие

враждебной силе, незаконные вооруженные формирования которой временно контролируют северные провинции РК)»¹.

В этом отношении КНДР проявляет большую последовательность, постепенно отражая в своем законодательстве изменения в ситуации на полуострове и межкорейских отношениях. Так, например, еще в 1992 г. в Конституцию страны были внесены определенные корректировки, отражавшие новые подходы к решению проблемы объединения и отношение к Южной Корее. В частности, из статьи 5 было исключено требование «изгнания внешних сил» из страны, т. е. обязательной увязки процесса объединения Корейского полуострова с выводом оттуда американских войск, что свидетельствовало о некоторых позитивных сдвигах в подходе КНДР к международному аспекту корейской проблемы².

Следует также отметить, что в свое время КНДР внесла изменения в текст Конституции, указав столицей государства Пхеньян (ранее был указан Сеул) в то время, как Южная Корея по-прежнему считает сферой своей юрисдикции весь полуостров, и с точки зрения Конституции и Закона о национальной безопасности КНДР является «антигосударственной организацией».

Стратегия внешней политики Республики Корея также будет претерпевать изменения в зависимости от избранного курса в отношении разрешения корейского вопроса. В нынешней ситуации, когда, с одной стороны, ключевые игроки на мировой арене имеют зачастую полярные интересы и взаимоотношения с обоими корейскими государствами, а с другой — они же в значительной степени заинтересованы в сохранении на полуострове статус-кво, для Южной Кореи будет нужна выработка такой внешнеполитической линии, которая бы позволила эффективно взаимодействовать с такими государствами, как США, Китай, Япония и Россия. К сожалению, ввиду активного развития северокорейской ракетно-ядерной программы, нынешняя политика Южной Кореи колеблется между необходимостью поддерживать диалог с Пхеньяном и участием в политико-дипломатическом, экономическом и даже военном давлении, поддерживая свой военно-политический союз с США, который, в свою очередь, и представляет главную угрозу для КНДР. Пхеньян, со своей стороны, демонстрирует готовность сотрудничать исключительно

¹ Толстокулаков И. А. Современная политическая система Республики Корея. законодательство в сфере национальной безопасности. С. 95.

² Ванин Ю. В. Изменения конституционного строя КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2. С. 47.

с демократическим крылом южнокорейского политического спектра, откровенно используя в качестве рычагов давления совместные экономические проекты, ломая принцип «отделения политики от экономики» и нанося тем самым ущерб взаимному доверию, кратно увеличивая таким образом степень рисков для крупного капитала Южной Кореи.

Модернизационные процессы в контексте проблемы объединения Кореи не могут не затрагивать и социальной сферы. Каждый последующий новоизбранный президент так или иначе акцентирует вопросы социальной трансформации общества. Стремительная урбанизация, постепенное старение корейской нации, проблема нехватки рабочей силы и профессиональных технических кадров, целый ряд других проблем современного южнокорейского общества — заставляют не просто обращать на себя внимание, но и принимать решительные меры. Одним из важнейших элементов программы любого кандидата в президенты является проблема объединения, общественное мнение по поводу Северной Кореи также играет существенную роль.

Новое поколение южнокорейцев не помнит войны, тяжелого разделения и восстановления, не пережило трудные годы индустриализации и экономического роста. Молодые южнокорейцы, воспитанные в совершенно иной экономической среде, нежели их отцы и деды, совершенно иначе воспринимают окружающий мир и стремительно теряют интерес к Северной Корее, а главное — понимание того, зачем вообще нужно объединяться. Каким бы ни был сценарий объединения страны, такого масштаба событие потребует участия и поддержки широчайших слоев общества. Поэтому южнокорейскому руководству необходима также и мотивационная социальная политика, направленная на консолидацию общества для осуществления целенаправленной стратегии по объединению страны.

События последних лет наглядно демонстрируют, что вопросы дальнейшего развития Республики Корея в значительной степени определяются обстановкой на полуострове, ситуацией в межкорейских отношениях и состоянием корейской проблемы в целом. Каждая последующая администрация Южной Кореи по-своему решает проблему выстраивания взаимоотношений с КНДР, однако все варианты сводятся к двум: мирному и конфликтному. Либо оба корейских государства последовательно и постепенно движутся к мирному сосуществованию, осмысленному и подчеркнуто равноправному взаимодействию, либо ситуация развивается по одному из сценариев эскалации. Представляется, что

иных путей не существует и не может быть. Текущее положение вещей вызывает серьезную озабоченность, поскольку в определенной перспективе высока вероятность развития неблагоприятного сценария: Северная Корея уже длительное время существует в условиях близких к международной изоляции, к ней применяются экономические санкции и оказывается непрекращающееся военно-политическое и дипломатическое давление, у ее границ регулярно проводятся крупномасштабные военные маневры с участием третьих стран, в то время как заявления высшего руководства страны о необходимости скорейшего объединения — просто политическая риторика¹. Генеральной линией консервативных сил Южной Кореи в отношении северного соседа остается давление на КНДР с целью приблизить крах существующего режима или добиться его трансформации. В итоге эти действия не только не приносят искомого результата, но периодически самым серьезным образом обостряют и без того сложные межкорейские отношения, доводя ситуацию до грани перерастания в горячую фазу противостояния.

Однако сегодня Северная Корея сильно отличается от себя десятилетней давности: успешно завершив разработку и испытания новейших видов ОМУ и средств доставки, она превратилась в полноценную ядерную державу. В силу обретения КНДР нового, пусть и непризнанного, статуса, а следовательно — и усиления ее субъектности во внешнеполитических вопросах, курс консерваторов все более терял свою актуальность. Также этому способствовал и отмечаемый многими экспертами рост северокорейской экономики и общего благосостояния граждан, по сравнению с концом прошлого века и первым десятилетием нынешнего. Так, по оценкам Центрального банка Южной Кореи, экономика КНДР продемонстрировала в 2016 г. самые высокие темпы роста с 1999 г., ВВП вырос на 3,9% по сравнению с 2015 годом. Драйверами роста стали основные секторы северокорейской экономики: горнодобывающая промышленность (+8,4%), электроэнергетика (+22,3%), тяжелая промышленность (+6,7%)². Таким образом, следует признать, что необходим пересмотр стратегии выстраивания межкорейских отношений: экономический перевес Южной Кореи, позволивший ей перехватить инициативу в вопросах воссоединения на рубеже 1080-х — 1990-х гг.

¹ Ким Ён Ун. «Процесс доверия» президента Пак Кын Хе... С. 61.

² В Сеуле заявили о рекордном за 17 лет росте экономики КНДР // Электронный ресурс: URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2017/5971fd7f9a794715f1a2b845> (Дата обращения: 01.10.2021).

перестал играть ключевую роль, поскольку постепенно складывавшийся новый статус КНДР вынуждает учитывать ее интересы.

Конфронтация или взаимодействие?

Сегодня, на фоне беспрецедентного ухудшения двусторонних отношений Севера и Юга, все что касается достижений политики «солнечного тепла» — кажется далеким и почти несбыточным. Тем не менее пока история не знает более эффективного способа сближения Севера и Юга и снятия напряженности на всем полуострове в строгом соответствии с принципами самостоятельности и невмешательства. В этом отношении практическое значение опыта претворения в жизнь политики «солнечного тепла» будет оставаться актуальным. Важным аспектом здесь является известный тезис о взаимозависимости политической и экономической составляющей. Политика «солнечного тепла» продемонстрировала возможности для решения политических задач путем экономического взаимодействия, для осуществления которого, в свою очередь, необходима политическая воля и политическая же основа. Анализ опыта претворения политики «солнечного тепла», включая ошибки и просчеты, позволит выявить не только возможные варианты путей выхода из кризиса сегодня, но и обеспечит стабильную основу для продвижения к мирному объединению.

Ким Дэ Чжун не раз в своих трудах писал о том, что Корея не существует отдельно от остального мира, и решение проблемы объединения в силу исторических причин так или иначе связано с участием ближайших соседей. «Взаимодействие между четырьмя сверхдержавами — это обязательное условие объединения, к которому стремится наш народ. Мы всегда должны помнить, что, хотим мы того или нет, самой судьбой нам предназначено быть неразрывно связанными с этими четырьмя сверхдержавами»¹.

С сожалением приходится констатировать и тот факт, что сворачиванию политики «солнечного тепла» и консервативному повороту в целом в известной степени способствовал и пресловутый внешний фактор. Корейский полуостров по сей день остается одной из основных точек напряженности на карте мира и общемировые геополитические процессы так или иначе сказываются на ситуации в Корее. Агрессивная

---

¹ Ким Бен Кук. Указ. соч. С. 134.

политика США на Ближнем и Среднем востоке, вторжение в Ирак и Афганистан под различными, зачастую не оправдавшими себя, предлогами, милитаристская риторика в адрес КНДР и т. д. — все это, безусловно, отразилось на ситуации на Корейском полуострове, и главным образом на внешнеполитической и военной доктрине самой Северной Кореи. Лишний раз подтверждается важность одного из провозглашенных и зафиксированных в совместных заявлениях Севера и Юга принципов мирного объединения — самостоятельность. Это действительно объективное и необходимое условие для стабилизации обстановки на полуострове.

Актуален ли возврат к политике «солнечного тепла» по отношению к Северной Корее? Представляется, что инициатива, похожая на модель такой политики, построенная на принципах, утвержденных в основополагающих совместных документах Севера и Юга 1972, 1991, 2000 и 2007 гг., предполагающая сдержанное политико-экономическое сотрудничество и сосуществование в рамках текущих систем и идеологий, — это единственная на данный момент практически реализуемая стратегия урегулирования корейского вопроса. Для выработки более совершенной и отвечающей современным тенденциям и реалиям политики нужно внимательно изучить положительный и негативный опыт «солнечного тепла». Необходим серьезный, детальный анализ и корректировка ряда ее элементов с учетом изменившейся внутренней и внешнеполитической обстановки. Безусловно, потребуется серьезная проработка конкретных механизмов взаимодействия различных политических, социальных и иных, в частности бизнес-структур, действующих в рамках политики, подобной «солнечному теплу», — то, что в Совместном заявлении Севера и Юга 4 июля 1972 г. было обозначено как «великая национальная консолидация».

Объединение Кореи — сложная и многогранная проблема. Это стратегическая задача, решение которой, учитывая социально-политические, экономические и идеологические различия, — процесс долгосрочный и многоэтапный. И политика «солнечного тепла» или аналогичная ей стратегическая концепция — всего лишь составная этого процесса. Успех здесь зависит напрямую от последовательности в проведении четко выработанного единого курса. Крайне важным представляется вынесение этой проблемы за рамки текущей политической борьбы в угоду сиюминутным интересам, как это уже не раз бывало в Южной Корее, с тем чтобы не прерывать поступательного сотрудничества между

Севером и Югом, а также их мирного сосуществования. Частые смены курса новых администраций, внешнеполитическое давление и санкции, периодически предпринимаемые против Северной Кореи, а также ответная реакция последней — основные факторы, дестабилизирующие процесс сближения разделенного народа Кореи.

Безусловно, необходимы и адекватные ответные шаги со стороны КНДР, ясно и четко демонстрирующие не только Южной Корее, но и мировому сообществу волю к мирному сотрудничеству и постепенной интеграции в общемировые экономические и политические процессы.

Столь же важным является и приверженность провозглашенному принципу самостоятельности в объединении Кореи. Очевидно, что и в ближайшей, и в долгосрочной перспективе невозможно избежать воздействия внешнеполитического фактора на процесс сближения Севера и Юга. И поэтому мировому сообществу необходимо также приложить определенные усилия для выработки решения, соответствующего принятым корейскими правительствами принципам объединения, чтобы не мешать, а содействовать мирному и самостоятельному диалогу Севера и Юга, а также возвращению долгожданной «оттепели» на Корейский полуостров. В завершение данной главы уместно привести цитату Ю. В. Ванина, адресованную политикам по обе стороны 38-й параллели:

«Пора усвоить, как дорого стоят и игра амбиций, политические дразги, забвение коренных национальных интересов. Нужны не хитроумные планы “поглощения” одной стороны другой, не опасные расчеты на кризисные потрясения в стане оппонента или ожидания какого-то чуда, а мудрость и прозорливость, способность к терпеливому поиску компромисса и смелым решениям во имя высшей цели корейской нации — достижения объединения Кореи»¹.

---

¹ Ванин Ю. В. Внутренние истоки раскола Кореи // История Кореи. Избранные статьи. Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 377.

Глава 4

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ В ПОЛИТИКЕ СССР И РОССИИ

Отношение к корейскому вопросу в эпоху СССР

Особое место в геополитической расстановке сил на Корейском полуострове принадлежит России, как ранее оно принадлежало Советскому Союзу.

Это обусловлено географической близостью, общей границей и историей, тесными экономическими, политическими и культурными связями, традиционно дружественными отношениями, существовавшими между Россией и Кореей, начиная с 1884 г., когда между ними были установлены дипломатические отношения, а также необходимостью совместного решения проблем безопасности.

Именно наша страна в 1945 г. принесла корейскому народу долгожданное освобождение от 40-летнего гнета японского колониализма, неоднократно помогала возрождать и восстанавливать корейское государство. В то же время СССР после победы над Японией во Второй мировой войне имел прямое отношение к возникновению раскола в Корее и появлению здесь двух государств, что обязывает нашу страну предпринимать усилия для возможного урегулирования корейской проблемы в интересах безопасности в регионе и в мире.

Советский Союз в течение почти всего времени своего существования признавал на Корейском полуострове только одно государство — Северную Корею и лишь в последние годы своего существования установил экономические, а потом и дипломатические отношения с Югом. Логика противостояния холодной войны диктовала сторонам

диаметрально противоположные стратегии в вопросе о воссоединении Кореи, и Советский Союз поддерживал КНДР в стремлении объединить страну на социалистических принципах. Несмотря на то, что фактически инициатива в вопросах межкорейских контактов исходила от северо-корейцев, официальная позиция Москве в вопросе объединения была идеологически однозначна: КНДР — единственное законное государство на полуострове.

Несмотря на то, что после распада социалистического лагеря Российская Федерация изменила вектор своего общественно-политического развития, за исключением короткого периода в 1990-х гг., она сохранила и поддерживает добрососедские отношения с обоими корейскими государствами. В этом состоит принципиальное отличие современной политики России от СССР на корейском направлении. Тем не менее сегодняшняя обстановка в мире свидетельствует о наличии глубоких противоречий в интересах ключевых государств региона, что постепенно ведет к формированию нового блокового противостояния на полуострове. Причем граница этого противостояния вновь проходит по 38-й параллели. Это означает, что решение корейского вопроса в целом или отдельные конкретные шаги по углублению межкорейского сотрудничества будут зависеть не столько от усилий самих корейцев, сколько от международной обстановки. То же верно и в случае обострения или эскалации напряженности вокруг Корейского полуострова, что также обуславливает необходимость вовлечения близлежащих государств в разрешение противоречий в этом регионе.

Важно отметить, что в нынешней непростой международной обстановке интересы России, Китая и КНДР во многом совпадают, и в этом уникальность ситуации, так как во время существования СССР, помимо политико-идеологических различий в стратегиях стран блокового противостояния, решение корейской проблемы осложнялось серьезными противоречиями между Москвой и Пекином в вопросах социалистического строительства.

Многое в решении корейского вопроса в ближайшей и среднесрочной перспективе будет зависеть от того, сумеют ли Россия, Китай и корейские государства в полной мере осознать общность своих интересов и сформировать единую внешнеполитическую линию.

Как отмечено выше, российское внешнеполитическое присутствие в Северо-Восточной Азии обусловлено территориальной принадлежностью нашей страны к данному субрегиону, соответствующими поли-

тико-экономическими интересами и необходимостью поддержания здесь стабильности как для развития российского Дальнего Востока, так и в целом для осуществления мирного сотрудничества всех близлежащих стран.

Нашей стране, как ранее Советскому Союзу, сегодня принадлежит особая роль и место в расстановке сил вокруг Корейского полуострова. Исторически мы имеем прямое отношение к формированию здесь именно такой конфигурации — Советский Союз принимал непосредственное участие в создании и укреплении КНДР, военно-политический союз Москвы и Пхеньяна, подкрепленный Договором о дружбе и сотрудничестве, в течение многих лет являлся одной из основ архитектуры региональной безопасности.

Учитывая нынешнюю, более взвешенную и сбалансированную, политику Москвы по отношению к двум корейским государствам, возрастает и потенциал России как участника процесса урегулирования, в рамках которого необходимо предпринимать усилия для разрешения проблемы не только восстановления единства Кореи, но и мира и стабильности в этом регионе Азии. Тем более, что в Статье 4 уже нового «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР» 2000 г. прямо указывается, что «...скорейшая ликвидация раскола Кореи, который является постоянным фактором международной напряженности, и ее объединение на основе принципов самостоятельности, мирного воссоединения и национальной консолидации всецело отвечают национальным интересам всего корейского народа и послужат вкладом в дело мира и безопасности в Азии и во всем мире...»¹.

Очень важно здесь подчеркнуть, что именно раскол единой Кореи признается фактором напряженности, а следовательно, и источником многих протекающих из такого положения проблем в регионе.

Хорошо известно, что единственная и неудачная до настоящего времени попытка вооруженного объединения страны была предпринята в том числе и с согласия советского руководства². В дальнейшем позиция Москвы в отношении решения корейского вопроса была кардинально

---

¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 года. Статья 4 // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 305.

² См.: Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. 2000.

пересмотрена. По прекращении боевых действий в Корее в 1953 г. проблема объединения понималась советским правительством как долгосрочная и комплексная задача и поэтому в практической политике имела в большей степени декларативный, не первостепенный характер. С этого времени, вплоть до своего распада, СССР полностью отказался от иных форм возможного воссоединения Кореи, кроме как «...на мирной, демократической основе...», что и было зафиксировано в Статье 5 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и КНДР 1961 г.¹

Очевидно, что после окончательно закрепившей раскол Корейской войны, два корейских государства продолжили строительство своих государств, принципиально различающихся с точки зрения социально-экономического базиса. Чем дольше продолжалось это строительство, тем сложнее представлялась возможность скорейшего воссоединения страны, тем более очевидным становился долгосрочный характер решения корейского вопроса. По мере становления каждого из государств Корейского полуострова, формирования собственных экономических, дипломатических и военно-политических связей, интересов в сфере безопасности и т. п. — возрастала и роль международного участия в решении корейского вопроса.

В контексте международных отношений объединение Кореи также виделось по-разному. В соответствии с логикой противостояния двух противоборствующих общественно-политических систем, мир также поделился в своем отношении к Южной и Северной Корее. Исходящая из Корейского полуострова угроза миру и стабильности в регионе, возможность перерастания этого противостояния в крупный международный конфликт с участием не только корейских государств переориентировали международное сообщество на скорейшую нормализацию ситуации и содействие диалогу между двумя сторонами. В то время, пока в самих корейских государствах правящие круги разрабатывали планы воссоединения с утверждением собственной модели развития («поход на Север», или же содействие «революции на Юге»), с точки зрения международных отношений приоритетнее представлялись шаги, направленные на скорейшую нормализацию межкорейских отношений и установление диалога между Севером и Югом, а также взаимодействие между ключевыми региональными державами для выработки приемлемого решения

---

¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР. Статья 4. — Цит. по: Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 172.

корейского вопроса в целом. В этом отношении Советский Союз играл своего рода сдерживающую роль, «охлаждая пыл» северокорейского руководства в их планах решительного объединения страны под своим началом.

Так, Л. В. Забровская, много занимавшаяся проблемами советско-северокорейских отношений, также указывает на то, что «...в Пхеньяне хорошо понимали главную задачу советской политики в отношении Корейского полуострова, заключающуюся в предотвращении новой войны»¹. Эта же мысль звучит и в работе В. П. Ткаченко, который приводит в числе прочего и собственные воспоминания о проходивших в то время встречах советского руководства и представителей КНДР. «Москва неоднократно рекомендовала северокорейскому руководству проявлять сдержанность, не провоцировать другую сторону, не давать повода, чтобы КНДР обвиняли в нагнетании военной напряженности... Л. И. Брежнев, человек в прошлом военный... не раз напоминал, что корейцам достаточно уже одной попытки объединить с помощью силы, которая ничего, кроме горя и разрушений, не принесла народу»². Действительно, для Советского Союза, пережившего тяжелейшую войну, недопущение новой было очевидным приоритетом, особенно после событий 1950–1953 гг. на Корейском полуострове.

Однако же необходимо было найти пути разрешения корейского вопроса мирным путем, без эскалации, в соответствии с теми инициативами, которые уже были выдвинуты КНДР. Официальная советская пропаганда клеймила Южную Корею марионеточным государством, находящимся под полным управлением США. В работах советских корееведов много писали о тяжелом положении и эксплуатации широких народных масс крупным южнокорейским и иностранным капиталом, о нарушениях прав человека, подавлении оппозиции и демократии, нежелании правящей верхушки идти на контакт с Северной Кореей, обсуждать вопросы урегулирования межкорейских отношений и т. д. Идти на признание такого государства и устанавливать с ним дипломатические отношения Москва не могла, это не только нанесло бы серьезный урон советско-северокорейской дружбе, но также могло дискредитировать Советский Союз в глазах мировой социалистической общественности как государства, борющегося за освобождение трудящихся от эксплуатации.

¹ Забровская Л. В. Корейские концепции объединения страны и позиция России // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 2(84). С. 82.

² Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 33.

Следует заметить, что основания для этого были — имидж Южной Кореи как жесткой авторитарной диктатуры военных в глазах широкой мировой общественности вызывал немало вопросов, эта тема постоянно являлась предметом дискуссий в различных международных правозащитных организациях. В. П. Ткаченко по этому поводу пишет: «Напомним, что проблема легитимности режима, соблюдения прав человека в Южной Корее существовала тогда не только для СССР. О ней говорили в США, в международных организациях. По-видимому, не случайно в течение десяти лет южнокорейские президенты не приглашались в США»¹.

Однако к началу 1970-х гг. в рамках политики держав, направленной на разрядку международной обстановки, с первыми успехами южнокорейских внутренних реформ, а также укрепления легитимности режима Пак Чжон Хи отношение к Южной Корее стало понемногу меняться. Выше уже отмечалось, что В. П. Ткаченко, много лет проработавший в центральном партийном аппарате и, в частности, на корейском направлении, был свидетелем постепенной трансформации отношения к Южной Корее в высших эшелонах власти в СССР. Его воспоминания очень ценны и содержат довольно много важных деталей, относящихся к формированию советской политики по корейскому вопросу. Так, в своих воспоминаниях В. П. Ткаченко пишет о том, как советское высшее партийное руководство пыталось повлиять на северокорейских товарищей с целью отказаться от идеи форсированного объединения путем организации революционного движения на Юге в конце 1960-х гг. Следует отметить и интересные наблюдения автора (исходя из записей личного архива) о реакции Н. С. Хрущева на предложения Ким Ир Сена о создании на полуострове временной конфедерации на основе выдвинутой северокорейской стороной инициативы в 1960 г. Примечательно, что тогда Н. С. Хрущев положительно отозвался об этом предложении Ким Ир Сена, полагая, что это наиболее реалистичный вариант в той обстановке, к тому же позволяющий реализовать преимущества Севера для пропаганды своего государственного и общественного устройства². Это свидетельствует о том, что в то время глава Советского Союза предполагал, что в итоге объединение должно осуществиться на базе северокорейской, то есть социалистической модели.

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 56.

² Там же. С. 79.

Тем не менее в официальных заявлениях эта позиция не находила отражения. Официальная позиция СССР по вопросу об объединении заключалась в необходимости мирного диалога сторон, главными препятствиями которому служила американская оккупация Южной Кореи и нежелание США содействовать мирному процессу межкорейского сближения. Это, в частности, было отражено в Заявлении советского правительства от 7 декабря 1970 г., опубликованном в газете «Известия»¹.

Можно предположить, что это было связано с первоначальными успехами Севера в экономическом развитии, однако, когда разница в темпах роста двух стран сравнялась и опережение КНДР было уже совсем незначительным, высшее руководство Советского Союза продолжало неофициально настаивать на социалистическом государственном устройстве будущей объединенной Кореи, с чем, вне всякого сомнения, были согласны в Пхеньяне. В работе В. П. Ткаченко также приведен фрагмент из личной беседы нового генерального секретаря КПСС — Л. И. Брежнева с членом Политбюро ТПК Пак Сен Чером (Пак Сон Чолем) осенью 1971 г., в которой он подтвердил неофициальную позицию советского руководства по вопросу о характере объединения Кореи на социалистической основе.

«...Мы представляем себе развитие контактов (между Севером и Югом. — *Р. К.*) так, что вы будете вести дело к тому, чтобы Корея объединилась на принципах и условиях Северной Кореи. Короче говоря, будущая Корея должна быть социалистической Кореей... Объединение Кореи, а мы с тов. Ким Ир Сенем придерживались одной точки зрения, должно произойти на социалистической основе. Единая Корея должна быть социалистическим государством...»².

Выше мы уже говорили о том, что первые серьезные контакты между Севером и Югом весной–летом 1972 г. во многом были вызваны меняющейся международной обстановкой. В своей книге В. П. Ткаченко также пишет о том, что к тому времени руководство СССР пришло к пониманию необходимости установления контактов между двумя корейскими государствами: «...Советская сторона предлагала Пхеньяну подумать об “усилении влияния социалистических стран на различные круги ответственности Южной Кореи...”»³.

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 77.

² Там же. С. 82–83.

³ Там же. С. 56.

Однако, подталкивая Пхеньян к расширению контактов с Югом, советские руководители ожидали иного результата, нежели тот, что был официально заявлен в июле 1972 г. Идеологической основой для будущего воссоединения Кореи была «великая национальная консолидация», что в большей степени подчеркивало не классовый, а националистический характер предполагаемого межкорейского сближения. Еще большую настороженность в Москве вызвали инициативы Ким Ир Сена по вопросам объединения 1980 г., в которых предлагалось создать нейтральную Демократическую Корейскую Республику Корё. Неслучайно, как отмечает В. П. Ткаченко, в своих официальных заявлениях Советский Союз долгое время избегал упоминания ДКРК вообще¹.

Такая несогласованность позиций Москвы и Пхеньяна была результатом сдержанности советского руководства в отношении северокорейских объединительных инициатив, а также растущей отстраненности и независимости северокорейского лидера от надзора старшего союзника.

Ключевые положения, связанные с поиском решений корейского вопроса и политикой в области объединения, принимались зачастую без консультаций с СССР, но в то же время с оглядкой на Пекин, в условиях затяжного советско-китайского конфликта, что в течение 1960-х гг. привело к дискредитации северокорейской политики объединения страны в глазах мировой общественности. В предыдущих главах уже отмечалось, что в итоге это не позволило странам социалистического блока реализовать свое экономическое и политическое преимущество на определенном этапе для консолидированного продвижения своей повестки по объединению Кореи.

После окончания Корейской войны Советский Союз последовательно придерживался линии на неприемлемость силового пути объединения Кореи, что неоднократно подчеркивалось в заявлениях руководства страны. Однако советское руководство постепенно осознавало, что в условиях сложных отношений с Китаем, все более самостоятельных и все менее контролируемых действий Пхеньяна, а также непризнания Москвой Южной Кореи — его возможности оказывать политико-дипломатическое воздействие на обстановку в регионе крайне малы. Ситуация на Корейском полуострове все в меньшей степени поддавалась контролю Москвы.

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 83–84.

Первоначальные послевоенные северокорейские планы воссоединения страны предполагали формирование коммунистического подполя на Юге, поддержку лояльных к Пхеньяну политиков, содействие складыванию «революционной обстановки» и осуществлению «революции». В случае успеха такого рода планы должны были привести к свержению власти на Юге, что не исключало и вооруженных столкновений, а также разрастания конфликта и выхода его за пределы Южной Кореи. Тем не менее советское руководство сумело удержать Пхеньян от таких опасных действий, чему во многом поспособствовал кризис с захватом американского разведывательного судна «Пуэбло» (о чем речь шла выше), наглядно продемонстрировавший северянам, что СССР не намерен доводить ситуацию до конфликта. Следует добавить, что, по мнению В. П. Ткаченко, кризис с захватом «Пуэбло» был своего рода переломным моментом для Пхеньяна, поскольку четко продемонстрировал руководству КНДР, что в сложной ситуации ни СССР, ни США, ни даже Китай не готовы рисковать своими интересами, а Москва и Вашингтон намерены действовать дипломатическими методами для снятия напряженности¹.

В такой обстановке на фоне общей разрядки напряженности в мире в начале 1970-х гг. руководство КНДР вынуждено было постепенно отказаться от силовых методов объединения и переместить усилия в русло дипломатии. Требовалась совместная с Югом работа по поиску путей решения проблемы раскола страны, результатом чего стало упомянутое Совместное заявление Севера и Юга 4 июля 1972 г. — очень важная веха на пути нормализации межкорейских отношений.

Реакция в руководстве Советского Союза на это заявление была неоднозначной, так как прежде, как указывает В. П. Ткаченко, между Москвой и Пхеньяном существовало полное взаимопонимание относительно того, что объединение Кореи должно произойти на социалистической основе, а единая Корея должна быть социалистическим государством»² (см. приведенный ранее фрагмент беседы Л. И. Брежнева с министром иностранных дел КНДР Пак Сен Чером от 8 октября 1971 г.).-

Тем не менее в СССР не препятствовали дальнейшим действиям КНДР на этом направлении, что позволило Пхеньяну к 1980 г. выступить с новыми предложениями, еще более «размывающими» социалистический

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 41.

² Там же. С. 82.

принцип устройства объединенной Кореи. Как отмечено выше, советское руководство никак не реагировало на эти инициативы КНДР.

Во второй половине 1980-х гг. в руководстве Советского Союза крепло понимание бесперспективности курса на непризнание Южной Кореи, поддержанное представителями дипломатических и научных кругов, что в итоге привело к установлению дипломатических отношений между СССР и РК в 1990 г.¹ Сразу после распада СССР и исчезновения социалистического блока государств, Российская Федерация в значительной степени переориентировалась на контакты с Южной Кореей, что привело к серьезному охлаждению отношений с КНДР.

Безусловно, корректировка политики СССР в регионе была необходима: отсутствие взаимодействия с Южной Кореей — уже довольно сильным игроком в АТР — не отвечало интересам такой крупной страны, как Советский Союз, фактически Москва была лишена возможности активного влияния на процесс корейского урегулирования, и ей оставалось лишь следовать в фарватере северокорейской политики объединения.

Л. В. Забровская в своей работе, посвященной истории эпизодических контактов СССР и Южной Кореи, характеризуя советскую политику в отношении этого государства, писала: «Пассивность советского руководства, периферийность корейской проблемы для советской внешней политики, концентрация внимания на отношениях с Китаем — все это отодвинуло время установления официальных дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея на более поздний срок, что значительно снизило политико-экономическую эффективность этих связей»².

Безусловно, с точки зрения оздоровления международной обстановки и полноценного всеобъемлющего взаимодействия стран региона установление дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея

---

¹ Ванин Ю. В. Из истории установления дипломатических отношений СССР с РК. Участие Института востоковедения РАН // Россия и Корея: новая встреча старых соседей [다시 만나는 이웃 : 2010 한러 수교 20주년 기념전]: юбилейная выставка к 20-летию установления дипотношений РФ и РК. Каталог фотовыставки, посвященной 20летию установления дипотношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. Seoul: Korea-Russian Dialogue, 2010. С. 2.

² Забровская Л. В. Россия и Республика Корея. От конфронтации к сотрудничеству (1970–1990 гг.). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1996. С. 25.

давно назрело и было объективно необходимо. Историческая практика убедительно показала, что политика конфронтации и непризнания — мало действенный инструмент, если цель состоит в достижении мира и стабильности. Несмотря на то, что большинство российских ученых, анализируя само установление дипотношений СССР с Южной Кореей, читают, что «сделано это было не лучшим образом», без предварительного уведомления северокорейской стороны на фоне многочисленных заверений в отсутствии таковых планов, тем не менее то был важный и позитивный шаг для наших стран и их будущего¹.

В короткий отрезок времени, в первой половине 1990-х гг., уже российское руководство также проявило себя не самым лучшим образом, что привело к кратковременной утрате внешнеполитического влияния в регионе в целом. Однако уже во второй половине 1990-х гг. внешнеполитическая линия Российской Федерации на корейском направлении начала корректироваться. Стало очевидно, что наиболее эффективным средством сохранения и укрепления позиций России на Корейском полуострове и во всей Северо-Восточной Азии являются сбалансированные отношения России с обоими корейскими государствами и проведение самостоятельной политики, отвечающей национальным интересам РФ².

Политика в отношении корейского вопроса в Российской Федерации

Среди первоочередных вопросов политики нового российского руководства первых лет на корейском направлении оставался вопрос дальнейшей судьбы Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР.

В 1991 г. истек очередной 10-летний период действия договора 1961 г., по условиям которого, при отсутствии денонсации его какой-либо из сторон он должен был оставаться действительным еще пять лет, после чего автоматически пролонгировался. Однако денонсации не последовало, стороны обменялись нотами, в которых говорилось об утрате силы договора, и в 1996 г. его действие прекратилось.

---

¹ Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 72.

² Денисов В. И. Россия на Корейском полуострове: проблемы и перспективы // Аналитические записки. Вып. 5(45), июнь 2009. Москва: МГИМО(У), 2009. С. 18.

«В результате между Москвой и Пхеньяном были заморожены политические консультации, приостановлена деятельность двусторонней межправительственной консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам, сократился товарооборот с 430 млн долл. в 1993 г. до 100 млн долл. в 1995 г., заморожено погашение корейской стороной долга России по ранее предоставленным кредитам, прекратились культурные и научные связи, прервано прямое воздушное сообщение»¹.

Россия присоединилась к решению о введении санкций Совета Безопасности ООН против КНДР (заблокированному Китаем), не была приглашена к участию в переговорах по северокорейской ядерной проблеме по формуле «два плюс два» (РК, КНДР, Китай и США), не была включена в проект КЕДО².

В целом, характеризуя этот этап наших взаимоотношений с государствами Корейского полуострова, В. И. Денисов писал: «...Корейская политика РФ оказалась вновь несбалансированной. Сделав крен в сторону Сеула, Москва пошла на свертывание отношений с КНДР, что, естественно, негативным образом отразилось на положении России на полуострове, ослабило российские позиции в Северо-Восточной Азии»³.

Прошло некоторое время, прежде чем — после ряда очевидных просчетов и контрпродуктивных шагов — пришло понимание необходимости коренного пересмотра всей российской стратегии не только на Корейском полуострове, но и в регионе Северо-Восточной Азии в целом. «Ситуация изменилась и стала развиваться в более благоприятном направлении с приходом нового поколения руководителей и появлением более трезвых оценок обеими сторонами своих собственных действий и действий партнера»⁴.

Следует заметить, что после короткого, но довольно болезненного периода прохладных отношений между Москвой и Пхеньяном в 1990-х гг. не только российское руководство пришло к пониманию бесперспективности такой политики в отношении КНДР. «Медленно преодолевая негативные эмоции и обиды, Пхеньян начал осознавать потребность в более разумных отношениях с Россией, что давало ему

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 147.

² Корейское урегулирование и интересы России. С. 72–73.

³ Денисов В. И. Россия на Корейском полуострове: проблемы и перспективы // Аналитические записки. Вып. 5(45), июнь 2009. Москва: МГИМО(У), 2009. С. 3.

⁴ Корейское урегулирование и интересы России. С. 87–88.

возможность несколько уравновесить свои позиции в диалоге с США и Южной Кореей»¹. Сыграла свою роль и позиция Москвы, решительно выступившей против вооруженного вмешательства НАТО во внутренние дела Югославии, а также против американских бомбардировок Ирака, что было особенно важным для руководства КНДР, видевшим до этого в Москве абсолютного союзника Вашингтона.

В 2000 г. в ходе визита президента Российской Федерации В. В. Путина стороны подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, что положило начало принципиально иному этапу в российско-северокорейских отношениях, а также новой странице в истории российской политики на Корейском полуострове.

Новый договор подписывался сторонами как полноправными членами ООН, поэтому особым пунктом были зафиксированы обязательства сторон уважать цели и принципы Устава организации. Важным аспектом явилось то, что стороны особо подчеркивали: договор не направлен против интересов третьих стран, что отражало изменившийся геополитический расклад сил на полуострове. В отличие от прошлого договора, в случае возникновения ситуации, угрожающей миру и безопасности одной из сторон, незамедлительная военная помощь не была предусмотрена, стороны лишь обязывались незамедлительно вступить в контакт.

Благодаря переосмыслению своей политики и существенным усилиям с обеих сторон по возобновлению взаимодействия, Российская Федерация имеет дипломатические, экономические, научно-технические, культурные отношения и поддерживает добрососедские связи с обоими корейскими государствами. В итоге Россия сумела «вернуться» на полуостров, и по сей день ее роль в укреплении стабильности и безопасности достаточно существенна, что признается и в Сеуле, и в Пхеньяне. В общих положениях концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. прямо говорилось, что «главные внешнеполитические усилия должны быть сосредоточены на... формировании отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействии устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах...»². Российские

¹ Титаренко М. Л. О российской политике в отношении КНДР // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. Часть 2. Москва: ИДВ РАН, 2001. С. 81.

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. Общие положения, ст. 1, пункт «г» // Электронный ресурс: URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

интересы на полуострове традиционно заключаются в обеспечении мира и стабильности, в недопущении превращения его территории в источник угроз безопасности нашей страны¹.

Политика Российской Федерации на Корейском полуострове исходит из признания объективной реальности проблемы раскола Кореи и существования здесь двух корейских государств с различными политико-идеологическими и социально-экономическими системами. Москва неоднократно заявляла о своей приверженности идее будущего разрешения этой ситуации и приветствовала усилия сторон по мирному межкорейскому урегулированию. По этому поводу в совместной российско-корейской декларации говорится: «Приветствуя усилия по самостоятельному решению вопроса воссоединения Кореи объединенными усилиями корейской нации в соответствии с Совместной декларацией Севера и Юга, Россия и КНДР придерживаются единого мнения о недопустимости внешнего вмешательства в этот процесс и считают важным его поддержку всеми заинтересованными государствами. Россия подтвердила поддержку договоренностей на этот счет между корейцами Севера и Юга»².

Такая позиция Москвы, вне всякого сомнения, открывает больше возможностей для содействия межкорейскому диалогу и поиска путей решения проблемы объединения на уровне двух корейских государств, чем это было во времена Советского Союза. Сегодня политико-идеологическая составляющая при выработке стратегии объединения Кореи не акцентируется, более того, в мире уже существует некоторое количество примеров интеграции различных общественно-политических и социально-экономических государственных устройств. Существующие программы объединения Кореи, разработанные по обе стороны 38-й параллели, по сути, отражают именно такой подход, и Россия сегодня всецело поддерживает подобные инициативы.

Несмотря на то, что руководством Российской Федерации не сформулировано отношение к проблеме воссоединения Кореи адресно и не существует единого документа, где излагалась бы официальная позиция Москвы в качестве составной части политики в отношении

---

¹ Жебин А. З. Россия в поисках мира и согласия в Корее // Вестник российского корееведения. 2014. № 6. С. 21.

² Совместная российско-корейская декларация, от 20 июля 2000 года (Статья 3: Корейское урегулирование и интересы России) // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 307.

государств Корейского полуострова в целом и урегулирования корейского вопроса, в частности, существует несколько важных документов, которые содержат отдельные параграфы, определяющие основные приоритеты или фундаментальные принципы, в соответствии с которыми Россия видит осуществимым воссоединение Кореи. Эти документы, а также ряд важных высказываний высокопоставленных чиновников РФ, включая президента, могут полнее и четче обрисовать позицию России по данным вопросам включая и то, как Москва представляет возможное объединение Кореи.

Прежде всего, Российская Федерация абсолютно не приемлет силового решения вопроса и выступает против него или любого другого варианта, предусматривающего применение насилия, что отражено в Концепции внешней политики Российской Федерации. «Российская Федерация, — говорится в этом документе, — добивается политико-дипломатического урегулирования региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что современные конфликты не имеют силовых решений и их урегулирование следует искать через вовлечение всех сторон в диалог и переговоры, а не через изоляцию какой-либо из них»¹. Здесь вполне конкретно выражена отрицательная позиция России в отношении реализации политики изоляции в отношении Северной Кореи, провозглашения ее «страной-изгоем» и игнорирования любой формы диалога.

Представители российской власти в своих выступлениях неоднократно подчеркивали, что Россия занимает позицию, уважающую государственный суверенитет стран, вне зависимости от их социально-экономического и политического устройства. Исходя из данного принципа Российская Федерация равно уважительно относится к государственному суверенитету КНДР и Республики Корея, осуждает и не поддерживает попытки внешнеполитического и военного давления с целью свержения неугодных режимов. В связи с событиями в Ираке, Ливии, Сирии и Украине позиция российских официальных лиц относительно данной проблемы имеет четко выраженный негативный характер.

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Электронный ресурс: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (Дата обращения: 01.10.2021). Статья 34. — См.: URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/2542248 (Дата обращения: 01.10.2021).

29 сентября 2016 г. в Москве заместитель министра иностранных дел Российской Федерации И. В. Моргулов провел консультации со спецпредставителем Министерства иностранных дел Республики Корея по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове г-ном Ким Хон Гюном, в ходе которых с российской стороны среди прочего было указано на контрпродуктивность линии на решение проблем Корейского полуострова исключительно методами политического и военного давления¹. В своей речи на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2016 г. министр иностранных дел Сергей Лавров обозначил отношение России к попыткам внешнего воздействия на суверенные государства с целью смены неугодных режимов. Он отметил: «К сожалению, среди политических элит ряда стран глубоко укоренились идеи менторства, превосходства, исключительности, реализации своих интересов любыми средствами в ущерб выстраиванию справедливого и равноправного взаимодействия. К чему приводит чувство собственной непогрешимости в продавливании односторонних авантюрных решений сложнейших конфликтов и кризисов — мы видим на примере кровотокащего региона Ближнего Востока и Севера Африки»².

Очевидно, что сказанное министром Лавровым в контексте ситуации внутривнутриполитического кризиса в Сирии носит всеобщий характер и, в том числе, может быть отнесено и к потенциальному развитию событий на Корейском полуострове. Негативное отношение России не только к силовым сценариям, но и к военно-политическому давлению, вмешательству во внутренние дела суверенных государств под предлогом различного рода гуманитарных миссий прямо отражено и в упомянутой выше совместной Российско-корейской декларации от 20 июля 2000 г., подписанной президентом РФ В. В. Путиным и главой КНДР Ким Чен Иром, по итогам визита Президента РФ в Пхеньян. Пункт 5 декларации гласит: «Подтверждая суверенное право каждого государства на выбор

---

¹ О консультациях заместителя Министра иностранных дел России И. В. Моргулова со спецпредставителем МИД Республики Корея по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ким Хон Гюном. — Электронный ресурс: URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNlml/content/id/2478655 (Дата обращения: 01.10.2021).

² Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 23.09.2016, http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/2468262 (Дата обращения: 01.10.2021).

собственных путей политического, экономического и общественного развития, Россия и КНДР выступают против вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе под предлогом “гуманитарной интервенции”, поддерживают усилия друг друга, направленные на защиту своей независимости, суверенитета и территориальной целостности»¹. Статья 3 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР обязывает Россию и Северную Корею «...воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в каких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны»².

В ходе ответного визита в Россию главы КНДР Ким Чен Ира, состоявшегося 4–5 августа 2001 г. по приглашению президента Российской Федерации В. В. Путина, стороны подписали Московскую декларацию РФ и КНДР, в пункте 7 которой были отдельно отмечены договоренности Севера и Юга 2000 г., что указывало на их поддержку Москвой: «Руководители двух стран согласились в том, что поддержка усилий корейского народа, направленных на самостоятельное и мирное решение вопроса воссоединения страны объединенными силами самой корейской нации в соответствии с Совместной декларацией Севера и Юга от 15 июня 2000 года, способствует решению проблемы объединения Кореи, и заявили о недопустимости помех этому процессу»³. Отсылка к Совместной декларации Севера и Юга здесь интересна потому, что в ходе совместных консультаций Москвы и Пхеньяна по согласованию текста нового договора о дружбе, северокорейская сторона настаивала на включении пункта о поддержке российской стороной программы КНДР по объединению в форме Демократической Конфедеративной Республики Корё⁴. Однако это предложение не получило поддержки

¹ Совместная российско-корейская декларация, от 20 июля 2000 года (Пункт 5) // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 308.

² Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 года (Статья 3) // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 304.

³ Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики (Пункт 7) // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 312.

⁴ *Титаренко М. Л.* Указ. соч. С. 86.

со стороны России, в то время как включение в Московскую декларацию договоренностей Севера и Юга подчеркивало позицию Москвы относительно поддержки совместных усилий обоих корейских государств на пути к воссоединению. Эта принципиальная позиция России находит подтверждение и в ряде других заявлений руководства страны.

Как отмечено выше, чрезвычайно важным в позиции Российской Федерации по корейскому вопросу является тезис о том, что в истоках самого вопроса лежит именно раскол единой страны, который, в свою очередь, является первопричиной всех последующих противоречий, конфликтов и различного рода перипетий на полуострове и в регионе. В статье 4 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР прямо говорится: «Стороны признают, что скорейшая ликвидация раскола Кореи, который является источником международной напряженности, и ее объединение на основе принципов самостоятельности, мирного воссоединения и национальной консолидации, всецело отвечают национальным интересам всего корейского народа и послужит вкладом в дело мира и безопасности в Азии и во всем мире»¹. В этом пункте очевидна отсылка к принципам объединения, согласованным Республикой Корея и КНДР в Совместном заявлении от 4 июля 1972 г., что говорит об их актуальности и полной поддержке российской стороной.

В предыдущих главах было показано, что раскол единой Кореи начал формироваться до формального провозглашения двух корейских государств в 1948 г., когда между двумя частями полуострова были полностью прекращены экономические связи. Для восстановления национальной экономики необходимо было воссоединение двух зон оккупации (советской и американской), создание единого экономического пространства на всей территории Кореи. Разделение страны по 38-й параллели после освобождения было предпринято без учета хозяйственной специализации Юга и Севера и того, каким образом функционировала корейская экономика². Именно это искусственное разделение единого экономико-хозяйственного пространства и необходимость дальнейшего раздельного существования фактически усугубили начавшийся внутренний раскол страны, закрепленный впоследствии войной.

---

¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 года (Статья 4) // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 305.

² Ким Н. Н. Указ. соч. С. 241.

Ранее в позиции Российской Федерации довольно недвусмысленно подчеркивалось, что поиск решения политических проблем неизбежно увязан с решением проблем экономических. Это значит, что через налаживание экономического сотрудничества можно достичь и политического урегулирования. Именно поэтому в качестве предполагаемых мер для достижения объединения или выработки общей концепции, соответствующей, по мнению Москвы, духу указанных договоренностей и обязательств, в пункте 84 «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2013 г., политическое и экономическое взаимодействие между КНДР и РК обозначалось как важнейшее условие поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе¹.

Тем не менее в версии концепции внешней политики 2016 г. это положение отсутствует, вместо него говорится лишь, что «Россия... будет добиваться снижения уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове, а также достижения примирения и развития межкорейского сотрудничества посредством развития политического диалога»². Представляется, что данное изменение во внешнеполитической концепции вызвано сложной ситуацией, сложившейся на момент 2016 г. в межкорейских отношениях, когда ввиду не только международных, но также и южнокорейских санкций экономическое сотрудничество РК и КНДР фактически было заморожено. «В 2013 г. упор в отношениях с корейскими государствами делался на различные формы сотрудничества между ними и Россией, а также оказание поддержки политическому диалогу и экономическому сотрудничеству между ними, поддержание мира, стабильности и безопасности в регионе, а также намерение России продвигать процесс формирования безъядерного статуса Корейского полуострова. Концепция 2016 г. основной упор делает на снижение уровня конфронтации, ослабление напряженности на Корейском полуострове»³.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Пункт 84 // Электронный ресурс: URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. Пункт 89 // Электронный ресурс: URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (Дата обращения: 01.10.2021).

³ Ким Ён Ун. Концепция внешней политики России и Корея // Корея перед новыми вызовами. Москва: ИДВ РАН, 2017. С. 57.

Это обстоятельство говорит о том, что внешнеполитическая концепция России исходит из текущих реалий и опирается на объективную действительность, что ни в коем случае не означает, что руководство РФ отказывается от поддержки межкорейского экономического сотрудничества, как только ситуация позволит осуществить таковое.

Хорошо известна точка зрения президента России В. В. Путина о том, как, по его мнению, должно происходить объединение Кореи в будущем. Во время своего визита в Республику Корея в ноябре 2013 г. В. В. Путин дал интервью южнокорейской телерадиовещательной компании KBS и, в частности, ответил на вопрос о такой вероятности: «Мы, безусловно, поддерживаем стремление корейцев к объединению нации. Это естественный процесс. Но я исхожу из того, что он должен происходить исключительно мирным путем и с учетом интересов как северной части полуострова, так и южной». Президент РФ подчеркнул, что «...мы будем поддерживать только тот процесс, который будет идти мирным путем, будем поддерживать только использование тех средств, которые... приводят к положительным результатам, а не доводят до конфликтов, трагедий и разрушений»¹.

Касательно различного рода сценариев поглощения (и в данном случае совершенно не имеет значение, кто может быть объектом и субъектом такового) президент особенно подчеркнул, что в вопросе объединения неприемлемо навязывание собственного подхода и концепции его осуществления одной из сторон. «Нельзя ничего навязывать партнерам, иначе вместо положительного результата процесс примет разрушительный характер. И напротив, если учитывать интересы партнеров, имея в виду безусловное стремление людей (а в сердце, я думаю, что каждый кореец думает о возможном объединении страны, вне зависимости от своих политических взглядов), этот процесс может быть очень созидательным, позитивным и может принести большие положительные результаты как для мировой политики, для обеспечения безопасности в регионе, так и для экономики этого региона»². Таким образом, глава Российской Федерации недвусмысленно дает понять, что объединение должно происходить с учетом интересов народа Кореи, как Севера, так и Юга.

---

¹ Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина телерадиокомпании «KBS» // Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/world/20131112/976354311.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Там же.

Из вышеприведенных документов и высказываний вырисовывается довольно четкая и однозначная картина того, каким образом Россия представляет возможности объединения Кореи. Учитывая подчеркнуто уважительное отношение к самостоятельности и суверенитету обоих корейских государств, Российская Федерация выступает за невмешательство иностранных держав в процесс объединения Кореи, отмечая право самих корейцев по обе стороны 38-й параллели решить свою судьбу. В целом мы видим, что позиция России по вопросу об объединении Кореи полностью соответствует тем принципам, о которых Север и Юг самостоятельно договорились и закрепили еще в Совместной декларации 1972 г., а также подтвердили в двух декларациях 2000 и 2007 гг. Представляется, что Москва видит сценарий объединения в долгосрочном, постепенном и поступательном процессе нормализации межкорейских отношений, снятия напряженности, возобновлении экономического сотрудничества, налаживании совместных, в том числе и трехсторонних экономических проектов. Безусловным обстоятельством должна быть и соответствующая внешняя обстановка вокруг Корейского полуострова, а также содействие указанным процессам со стороны ключевых государств региона. Россия не приемлет силового или конфликтного сценария объединения или объединения в форме поглощения одного государства другим, так как, по мнению Москвы, это противоречит совместным межкорейским договоренностям, а также тем обязательствам, которые РФ несет в соответствии с рядом межгосударственных договоров и совместных деклараций. Очевидно и то, что Москва считает подобные сценарии неприемлемыми с точки зрения международного права и государственного суверенитета обоих корейских государств. Поиск путей решения проблемы объединения Москва видит в вовлечении всех заинтересованных сторон в прямой и откровенный диалог.

Таким образом, глава Российской Федерации недвусмысленно высказался, что объединение должно происходить с учетом интересов народа Кореи Севера и Юга и без навязывания какой-либо из сторон своего видения. Это довольно важное обстоятельство, поскольку варианты поглощения одной стороной, по мнению многих специалистов, так или иначе приведут к конфликту и дестабилизации, а если таковых и удастся избежать, — то к серьезным демографическим социальным проблемам, неравенству и диспропорциям в развитии частей Корейского полуострова в рамках единого государства, что также означает нестабильность в регионе.

Сегодня Россия выступает категорически против каких-либо силовых сценариев решения корейского вопроса. Во многом, такая позиция проистекает из печального опыта Советского Союза — провала попытки вооруженного объединения страны во время Корейской войны 1950–1953 гг. В этом, безусловно, есть преемственность внешнеполитического курса современной России, но также и собственный взгляд на применение военной силы для достижения каких-либо целей.

К сожалению, сегодня отмечается рост тенденции размораживания затяжных конфликтов и попыток реализации силовых сценариев в рамках концепции гибридных войн или военно-дипломатического давления. Начало третьего десятилетия XXI в., к сожалению, отмечено резкой активизацией замороженных конфликтов, возникновением новых очагов эскалации, резким обострением международных противоречий, ростом оборонных и военных расходов и т. д. «Глеющие», но не гаснущие точки сегодня расположены практически во всех уголках мира, а Корейский полуостров является одним из очагов потенциального возгорания.

В связи с этим важно отметить, что в обновленной концепции внешней политики Российской Федерации исчезла формулировка версии 2013 г., в которой говорилось, что «современные конфликты не имеют силовых решений, и их урегулирование следует искать через вовлечение всех сторон в диалог и переговоры». Это, безусловно, говорит о том, что в Москве эту тенденцию не просто видят, но и учитывают при выстраивании внешнеполитической стратегии.

С точки зрения международного права, Корейская война не окончена и является действующим, но отложенным конфликтом. До сих пор существует лишь соглашение о прекращении огня, причем подписанное даже не всеми сторонами. Кроме того, многолетнее политико-дипломатическое, военное, а в последние годы и довольно жесткое экономическое санкционное давление на КНДР со стороны США и Совета Безопасности ООН уже не раз ставили ситуацию на полуострове на грань войны. Следует признать, что, в отличие от Советского Союза, сегодня у Российской Федерации нет действенных инструментов сдерживания в случае постепенного или резкого сползания ситуации к горячему конфликту.

В прошлом, несмотря на серьезнейшие обострения ситуации на полуострове, пик которых пришелся на конец 1960-х гг. ввиду ряда инцидентов — с захватом американского разведывательного корабля «Пуэбло», попытками вторжения северокорейского спецназа на терри-

торию Юга, сбитым американским разведывательным самолетом и т. п., Советский Союз, договор с которым от 1961 г. предполагал немедленную военную помощь КНДР в случае агрессии против нее третьей стороны, являлся серьезным сдерживающим фактором, побуждал искать, прежде всего, политико-дипломатические пути разрешения противоречий¹.

Сегодня такая военная помощь из нового договора между Россией и КНДР исключена, а кризис 2016–2017 гг. был преодолен скорее многосторонними дипломатическими усилиями нескольких стран. И несмотря на то, что в их число входила и Россия, в целом, очевидно, что сегодня в вопросах осуществления внешней политики в регионе мы скорее движемся в фарватере китайской линии. Это представляется довольно важным обстоятельством, принципиально отличающим сегодняшнюю роль нашей страны в региональной политике, хотя, безусловно, согласованные коллективные усилия в сфере безопасности и сохранения стабильности в регионе важны и в итоге имеют больший эффект.

Корейский вопрос с самого момента своего возникновения являлся вопросом международных отношений, и его решение зависело от состояния отношений между ключевыми странами региона. Сегодня ситуация также осложнена значительными противоречиями в интересах тех или иных стран региона, однако во второй половине прошлого столетия в данном аспекте было еще одно обстоятельство, которое в значительной степени свело на нет стратегию по объединению под эгидой КНДР и социалистической модели в целом.

К концу 50-х — началу 60-х гг. XX в. ввиду внутренних идеологических противоречий среди стран социалистического лагеря, прежде всего между СССР и Китаем, возникших после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, где был подвергнут критике и осужден культ личности Сталина, и серьезным образом обострившихся в 1960-е гг., внешнеполитическое взаимодействие двух крупнейших социалистических государств в мире фактически было приостановлено.

Противоречия между СССР и Китаем привели к китайско-северокорейскому сближению и отдалению Пхеньяна от Москвы, что дало стимул к появлению большей самостоятельности Северной Кореи в осуществлении политики, направленной на воссоединение. Однако к середине 1960-х гг. нарастающе угрожающая внешнеполитическая риторика Пхеньяна, направленная на форсированное объединение, способствовала

---

¹ Тихомиров В. Д. Указ. соч.

обратному эффекту. Целый ряд довольно серьезных инцидентов с участием КНДР, упомянутых ранее: неудачная попытка уничтожения южнокорейского президента Пак Чжон Хи северокорейским спецназом в январе 1968 г., захват американского разведывательного судна «Пуэбло» в том же году и еще ряд схожих сюжетов — демонстрировали агрессивный характер устремлений северокорейского руководства, компрометируя социалистическую концепцию в целом. Благодаря советско-американским усилиям кризис 1968 г. удалось преодолеть, но это заставило советское руководство серьезным образом пересмотреть свои взгляды на военную помощь Пхеньяну, в том числе и в рамках Договора 1961 г.

Тем не менее советское правительство в целом одобряло мирный межкорейский диалог, поскольку таковой способствовал снижению напряженности на полуострове и в регионе в целом¹. Несмотря на то, что в неофициальных беседах руководители СССР и КНДР делали ставку на социалистический строй будущей единой Кореи, в реальности корейцы самостоятельно определили принципы объединения, исключая идеологию, делая акцент на общих национальных интересах.

Таким образом, мы видим, что в вопросе выработки концепции объединения Кореи и решения корейского вопроса в целом, у корейцев наблюдалось движение в сторону отказа от обязательной идеологической составляющей. Во главу угла ставилось поступательное межкорейское сближение и сотрудничество на всех уровнях через осознание собственной национальной идентичности.

Сегодня, при всех отличиях от времен Советского Союза, ситуация во многом схожа с той разницей, что вместо идеологического противостояния различных систем мы наблюдаем противоречия в интересах крупных игроков, которые также, с некоторыми нюансами, сводятся к конкуренции моделей социально-экономического развития. Но при выработке конкретных программ объединения социально-экономические и политико-идеологические аспекты отходят на второй план. Важнее оказывается международный аспект проблемы. Иначе говоря, неважно, будет ли объединенная Корея представлять собой конфедерацию двух разных государств-систем, будет ли у нее единое или же два разных правительства и т. д. Важно, какое место займет это новое образование в регионе, какова будет внешняя политика объединенной Кореи. И в этом отношении интересы России не могут и не должны быть проигнориро-

---

¹ Забровская Л. В. Корейские концепции объединения страны и позиция России // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 2(84). С. 82.

ваны. Совершенно неверно и в какой-то степени безответственно было бы утверждать: нам неважно, какая будет объединенная Корея, важно, чтобы она была едина. Вышеприведенные высказывания президента РФ недвусмысленно говорят о том, что в интересах России соседствовать с дружественной Кореей.

В работах ряда российских ученых звучит мысль о том, что в интересах России не присоединение объединенной Кореи к какому-либо из блоков, а формирование нейтрального единого государства. Именно в таком виде единая Корея может перестать быть источником напряженности и противоборства на фоне столкновения интересов иных держав. Наиболее удачно эту мысль сформулировал В. П. Ткаченко: «...Не менее существенным элементом внешней политики России в регионе является то, что она в принципе позитивно относится к перспективе объединения Кореи... поскольку тем самым (то есть, достижением объединения) устраняется очаг напряженности вблизи российских границ...», но только при условии, что «...единая Корея не станет враждебным по отношению к России государством или участницей военно-политического альянса с каким-либо третьим государством...» И далее: «Геополитическое положение Кореи таково, что реальные гарантии ее безопасности могут быть обеспечены, если она будет независимым и нейтральным государством»¹.

Отрадно, что в современной российской политике, направленной на решение корейского вопроса и объединение Кореи, прослеживаются именно такие положения. Сегодняшняя российская стратегия относительно объединения Кореи состоит в содействии долгосрочному, постепенному и поступательному процессу нормализации межкорейских отношений, в поэтапном снятии напряженности, возобновлении экономического сотрудничества, налаживании совместных, в том числе и трехсторонних, экономических проектов. Безусловным обстоятельством должна быть и соответствующая внешняя обстановка вокруг Корейского полуострова, а также содействие указанным процессам со стороны ключевых государств региона. Россия не приемлет силового или конфликтного сценария объединения или объединения в форме поглощения одного государства другим, так как, по мнению Москвы, это противоречит совместным межкорейским договоренностям, а также тем обязательствам, которые РФ несет в соответствии с рядом межгосударственных договоров и совместных деклараций.

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература РАН, 2000. С. 145–146.

Важно отметить, что сегодня интересы России, Китая и КНДР во многом совпадают, и в этом уникальность ситуации внешнеполитической обстановки вокруг урегулирования корейской проблемы. Многое в решении Корейского вопроса в ближайшей и среднесрочной перспективе будет зависеть от того, сумеют ли Россия, Китай и корейские государства в полной мере осознать общность своих интересов и сформировать единую внешнеполитическую линию. Надо сказать, что определенные шаги в этом направлении просматриваются в совместных действиях России и Китая на корейском направлении, о чем подробнее речь пойдет в следующей главе.

О противоречиях в российской внешней политике

Следует отметить и то, что, выступая за мирное урегулирование корейского вопроса, отмечая безальтернативность переговорного подхода в решении проблем Корейского полуострова, а также подчеркивая неэффективность политики санкций, на практике Россия действует иначе и регулярно присоединяется к такому санкционному давлению на КНДР, которое фактически ведет к торгово-экономической блокаде страны, в целом даже несмотря на то, что против нее самой применяются санкции ряда стран, которые Москва, как и Пхеньян, считает неправомерными. «...Россия неизменно исходит из того, что санкции СБ ООН должны носить сугубо адресный характер и не вести к дальнейшей изоляции КНДР, вплоть до полной торгово-экономической блокады, что чревато масштабной гуманитарной катастрофой на Севере Корейского полуострова...», — говорится в документе, размещенном на официальном интернет-сайте МИД РФ, который называется «Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове»¹. Официальные российские представители не раз открыто высказывались о том, что санкционное давление на Пхеньян диспропорционально и наносит вред непосредственно населению Северной Кореи².

---

¹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // Электронный ресурс: URL: <http://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Захарова: Совбезу ООН следует смягчить санкции против КНДР за ее шаги по денуклеаризации // <https://tass.ru/politika/7430819>, а также Лавров призвал СБ ООН снять или ослабить санкции в отношении КНДР, <https://www.interfax.ru/world/651882> (Дата обращения: 01.10.2021).

Тем не менее начиная с 2006 г. и вплоть до последней Резолюции 2017 г. Россия последовательно присоединялась к каждому пакету санкций Совета Безопасности ООН против КНДР, даже когда эти санкции вводились после запуска Северной Кореей искусственного спутника земли в 2013 г. Безусловно, российская политика, направленная на недопущение распространения ядерного оружия и на поддержание стабильности вблизи своих границ, требовала определенных мер в ответ на испытания КНДР. Специалисты отмечали, что «в связи с вызывающими действиями КНДР в начале 2016 г. изменился общий градус подхода России к взаимодействию с ней. На смену благожелательно-нейтральному подходу пришел негативный настрой со стороны как официальных кругов, так и общественного мнения»¹. Вместе с тем, экономические санкции, по мнению Москвы, создавали еще более напряженную обстановку, препятствовавшую политико-дипломатическому урегулированию. Санкционные меры против КНДР нарушают нормальное функционирование государства, ограничивают его во внешнеэкономической активности и создают препятствия для дальнейшего развития, лишают доступа к необходимым товарам и ресурсам, а это означает серьезный подрыв его национального суверенитета. Не может быть никаких сомнений в том, что это противоречит пункту 2 совместной российско-северокорейской декларации 2000 г. или статье 3 упомянутого выше Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, где, напомним, говорится о том, что стороны не будут заключать договора или соглашения с третьими странами, участвовать в каких-либо действиях, мероприятиях, «...направленных против суверенитета, независимости, территориальной целостности друг друга»².

В упомянутом выше документе «Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове» также говорится: «...Россия неизменно указывает на то, что подходить к урегулированию проблем Корейского полуострова, включая ядерную, необходимо в контексте комплексного решения всего спектра вопросов, существующих между вовлеченными сторонами, что в дальнейшем создало бы благоприятные условия

---

¹ Толорая Г. Д., Яковлева Л. Н. Корейский полуостров: место в азиатской стратегии России в условиях кризиса // Корейский полуостров в эпоху перемен. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 16.

² Совместная российско-корейская декларация, от 20 июля 2000 года // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 308.

непосредственно для денуклеаризации...». Таким образом, официально заявлено, что Россия видит текущий кризис (в данном случае связанный с ракетно-ядерной проблемой) как часть большей проблемы, а также, что решение данного кризиса нужно искать лишь в контексте «общего урегулирования»¹. Иначе говоря, речь идет о комплексном решении корейского вопроса в целом, а не в частностях.

Россия является последовательным сторонником сохранения текущего режима нераспространения ядерного оружия, и эта позиция также отражена в ее внешнеполитической концепции, причем в ряде положений отмечается и безъядерный статус Корейского полуострова. Пункт 89 гласит: «Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации, исходя из того, что средством достижения этой цели являются шестисторонние переговоры. Российская Федерация продолжит прилагать усилия в целях формирования механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также будет принимать меры по расширению экономического взаимодействия в регионе»². Россия осуждает выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия и призывает к денуклеаризации полуострова, но при сохранении серьезных гарантий безопасности для Пхеньяна. В Москве прекрасно понимают причины, по которым на Севере в течение многих лет и в сложнейших условиях предпринимаются усилия по созданию собственного ОМУ и средств доставки. Достаточно красноречиво на эту тему высказался сам президент РФ В. В. Путин в 2017 г.: «Да они (в КНДР. — *Р. К.*) траву будут есть, но не откажутся от этой программы, если не будут чувствовать себя в безопасности». В том же выступлении президент вполне резонно продолжил тему принятия санкций для принуждения КНДР отказаться от ядерных амбиций: «И вы думаете, что в силу принятия каких-то санкций Северная Корея откажется от того курса, который она взяла на создание оружия массового уничто-

---

¹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // Электронный ресурс: URL: <http://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Электронный ресурс: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (Дата обращения: 01.10.2021). Пункт 89. — См.: URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/25

жения?»). По его мнению, «использование санкций в данном случае уже является бесполезным и неэффективным»¹.

Следует признать, что такая непоследовательность во внешней политике Москвы в вопросе разрешения корейского вопроса находится в противоречии и с документально закреплёнными в «Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР» двусторонними обязательствами (в частности речь об упомянутой выше статье 3), и с собственными представлениями о приемлемых путях разрешения текущего кризиса, а также корейского вопроса в целом. Такого рода внешнеполитические действия не способствуют стабилизации ситуации на Корейском полуострове, а следовательно, противоречат собственно российским интересам.

В 2012 г. в Конституцию КНДР были внесены изменения, в соответствии с которыми страна провозглашалась обладательницей ядерного оружия, а 10 лет спустя был обнародован Закон о политике в отношении ядерных вооружённых сил, окрещённый в СМИ «ядерной доктриной КНДР». Таким образом, Пхеньян четко давал понять, что не будет отказываться от ядерного оружия, и дальнейшие переговоры о денуклеаризации в будущем исключаются: «Обладание ядерным оружием является нашим законным и неотъемлемым правом на самозащиту, от которого зависят существование страны, безопасность народа и государства. Мы не намерены отказываться от него», — заявил Ким Чен Ын².

Де факто ядерный статус КНДР уже твердо вошел в сознание мировой общественности и политиков, однако это не сильно меняло риторику в отношении урегулирования корейской проблемы в общем. В нынешней ситуации потребуются корректировка внешнеполитической стратегии, в том числе и для России, которая в последние годы «с пониманием» относилась к развитию северокорейской ракетно-ядерной программы.

Нужно принять во внимание и то обстоятельство, что в последние годы и в текущей мировой обстановке основные внешнеполитические усилия России, очевидно, сконцентрированы на Ближнем Востоке, в Сирии и, прежде всего, на западном направлении. Корейский полуостров при всей

---

¹ Путин: в КНДР «траву будут есть», но не откажутся от ядерной программы, ТАСС, 05.09.2017 // Электронный ресурс: URL: <https://tass.ru/politika/4532288> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Асмолов К. В. КНДР представляет новую ядерную доктрину // Электронный ресурс: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kndr-predstavlyayet-novuyu-yadernuyu-doktrinu/> (Дата обращения: 01.10.2022).

его значимости не стоит в первостепенном приоритете, что, в общем, довольно хорошо заметно по частоте упоминаний в новостных лентах ведущих СМИ и заявлениях высшего руководства. Однако близость к нашим дальневосточным границам, интересы безопасности и стабильности Дальнего Востока, потенциал России в урегулировании проблем Корейского полуострова, а также нарастающие тенденции формирования нового, многополярного мироустройства — обязывают предпринимать на этом направлении более активные действия, быть готовыми и реагировать на самые непростые сценарии развития ситуации, уметь гасить потенциальные угрозы и способствовать всестороннему мирному диалогу.

При всей сложности нынешней ситуации Российская Федерация выступает за нормализацию межкорейских отношений, за достижение скорейшего мирного воссоединения разделенной Кореи, позиция Москвы заключается во всецелой поддержке, содействии и более полному использованию потенциала межкорейских связей для углубления всестороннего регионального развития.

Глава 5

РОССИЯ И ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КНДР

Ракетно-ядерный кризис на Корейском полуострове и позиция России: предыстория, современное состояние, перспективы

Одной из ключевых проблем вокруг урегулирования ситуации на Корейском полуострове и в регионе в целом является успешно развивающаяся в последние десятилетия северокорейская ракетно-ядерная программа. Сегодня санкции Совета безопасности ООН и ряда государств, включая США и Южную Корею, принятые против КНДР в ответ на ядерные амбиции последней, — фактически парализовали и межкорейский диалог, и какое-либо многостороннее взаимодействие по этой проблеме вообще. Можно сказать, что, помимо серьезной угрозы стабильности и безопасности в регионе, северокорейская ракетно-ядерная программа в XXI веке является одним из главных «камней преткновения» на пути к реализации интеграционных процессов между корейскими государствами, не говоря уже о возможном объединении. Но также необходимо понимать и то, что стремление Северной Кореи во что бы то ни стало обладать этим страшным оружием очевидно вызвано историческим контекстом, положением самой страны, международной обстановкой и окружением, не только в регионе, но и в мире в целом. И этот исторический контекст также уходит корнями в нерешенность корейского вопроса, в раскол единой страны. Именно он порождает самые разнообразные противоречия, из которых формируются вполне конкретные и порой критические коллизии.

Особую роль в возможном решении этой проблемы, по мнению многих специалистов, может сыграть Российская Федерация. Первые разработки в сфере атомной энергетики были осуществлены в КНДР с подачи и при помощи Советского Союза, считавшего, что мирный атом — объективная потребность молодого северокорейского государства в условиях непростой географии и дефицита энергоносителей. В то же время, забегаая вперед, отметим, что СССР не передавал КНДР технологии, необходимые для производства ядерного оружия, строго соблюдая рамки международных соглашений в сфере контроля за вооружениями и нераспространения ядерного оружия. Однако есть и основания утверждать, что собственные наработки северокорейских специалистов в этой области были основаны именно на советских технологиях и помощи.

Сложность решения северокорейской ядерной проблемы заключается в том, что в реалиях современного мира такое оружие, несмотря на всю опасность, оказывается реальным инструментом сдерживания внешней агрессии и сохранения национального суверенитета. Именно наличие больших ядерных арсеналов у двух крупнейших государств мира XX века — СССР и США, а также осознание масштабов последствий развязывания ядерного конфликта сдерживало агрессивные замыслы, способствовало поиску политико-дипломатических решений в кризисных ситуациях. Пожалуй, самым ярким примером этого явился Карибский кризис 1962 г., а в случае с КНДР — захват американского разведывательного судна «Пуэбло» в 1968 г., чуть было не спровоцировавший новую войну.

Всего этого не могли не видеть и не понимать власти КНДР, провозгласившие политику опоры на собственные силы и самостоятельность, стремившиеся освободиться от зависимости от своих «старших братьев» — СССР и Китая, особенно ввиду серьезных противоречий и охлаждения отношений между ними.

Новый этап и соответствующее очередное обострение ситуации вокруг проблемы ракетно-ядерной программы КНДР на современном отрезке времени заключается в том, что Северная Корея фактически обрела, пусть и не признанный юридически, статус ядерной державы, обладающей не только собственно ядерным оружием, но и межконтинентальными средствами доставки. Это обстоятельство существенно изменяет сложившиеся за последние полвека расстановку и баланс сил, а также меняет всю архитектуру безопасности в регионе, бросает вызов устоявшемуся режиму нераспространения ядерного оружия. Последнее

может привести к непредсказуемым последствиям, особенно на фоне обострившихся противоречий в мировой политике. Складывающаяся тенденция самым непосредственным образом противоречит интересам Российской Федерации, угрожает ее безопасности и стабильности в регионе. Москва неоднократно заявляла, что последовательно выступает против нарушения режима нераспространения ядерного оружия и за сохранение безъядерного статуса Корейского полуострова.

Целый ряд пусков баллистических ракет, осуществленных КНДР в 2017 г., по мнению специалистов, демонстрировали существенный прогресс в северокорейской ракетной программе, а успешные испытания термоядерной, а потом и водородной бомб свидетельствовали о наличии серьезного ядерного арсенала у Пхеньяна¹. 29 ноября 2017 г. КНДР произвела пуск наиболее совершенной на тот момент межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15», способной нести сверхбольшую тяжелую ядерную боеголовку, и которая, по мнению специалистов, способна поразить цели на всей территории материковой части США. Как отмечалось в официальном заявлении правительства, руководитель КНДР Ким Чен Ын заявил, что «сегодня великое историческое дело совершенствования государственных ядерных сил, великое дело создания ракетной державы осуществилось»².

Мы помним, что важнейшим достижением Севера и Юга на пути к урегулированию и нормализации отношений в 1990–1991 гг. явилось подписание Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова. Однако последовавшие за этим события и собственно успехи северокорейской ракетно-ядерной программы, о которых было сказано выше, явно свидетельствовали о том, что все эти годы руководством КНДР реализовывались совершенно иные и весьма долгосрочные планы.

Как уже неоднократно отмечалось, после распада СССР и исчезновения блока стран социалистического лагеря КНДР оказалась в очень непростой ситуации, лишившись единовременно важного военного союзника, источника экономической поддержки, а также рынков для экспорта

---

¹ Многоступенчатые амбиции. Северокорейские ракетчики продолжают удивлять мир // Электронный ресурс: URL: <http://conjuncture.ru/lenta-ru-06-10-2016/> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Заявление правительства КНДР в связи с успешным испытательным запуском межконтинентальной баллистической ракеты нового типа // Электронный ресурс: URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/dprk-government-statement-on-successful-test-fire-of-new-type-icbm/> (Дата обращения: 01.10.2021).

собственной продукции. Правопреемник СССР — Российская Федерация спешно перестраивала собственную экономику на рыночные рельсы и рассчитывала на значительную финансовую помощь от Южной Кореи, в связи с чем отказалась от продления Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, действовавшего с 1961 г., первая статья которого, напомним, гарантировала военную помощь в случае внешней агрессии. Таким образом, Пхеньян остался без главного сильного союзника.

Все это, а также общие структурные изменения в системе международных отношений, произошедшие в первой половине 1990-х гг., не могли не побудить руководство КНДР активизировать собственную программу по созданию ядерного оружия для обеспечения безопасности страны и сохранения существующего режима. Сегодня мы можем представить, какое важное значение придавало руководство КНДР обладанию ядерным оружием, если в невероятно тяжелых условиях конца прошлого столетия страна тратила ценнейшие ресурсы на столь затратные, трудоемкие и технологически сложные проекты.

Северокорейская ракетно-ядерная программа имеет давнюю историю, старт которой, по некоторым оценкам, относится еще к началу 1950-х гг., когда в КНДР приступили к осуществлению первых исследований в ядерной области, стала появляться соответствующая инфраструктура, были приняты государственные программы подготовки научных и технических кадров¹. Ограниченность естественных природных ресурсов, а также непростые географические условия Северной Кореи, малопригодные для строительства и эксплуатации больших ГЭС, обусловили интерес руководства страны к использованию ядерной энергетики. КНДР не имеет разведанных нефтяных запасов, в стране в целом давно существует острая нехватка электроэнергии, 50% которой вырабатывается на ГЭС и около 50% — на ТЭС². Решение о начале развития в стране этой отрасли принималось с учетом потребности самообеспечения электроэнергией, и именно этим Пхеньян аргументировал необходимость сотрудничества и содействия со стороны и СССР, и Китая в области использо-

---

¹ Электронный ресурс: URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508298760.pdf> и <http://www.pircenter.org/static/yadernaya-programma-kndr> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Служба внешней разведки РФ, Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления // Электронный ресурс: URL: <http://svr.gov.ru/material/4-korea.htm> (Дата обращения: 01.10.2021).

вания атомной энергии. В начале 1950-х гг. соответствующие соглашения КНДР подписала с СССР, а также с Китаем, а уже спустя десятилетие в научно-исследовательском центре в Ёнбёне на северо-западе страны был установлен советский ядерный реактор малой мощности.

Еще одним фактором, повлиявшим на устремления Пхеньяна развивать собственную атомную энергетику и, возможно, в будущем создать ядерное оружие, послужило то, что в Южной Корее с конца 1950-х гг., после присоединения к МАГАТЭ и не без помощи США, начались собственные разработки в этой области, а в 1978 г. заработала первая полноценная АЭС. Но главное то, что примерно в это же время США начали секретно размещать элементы тактического ядерного оружия на территории Южной Кореи и, по некоторым оценкам, к 1967 г. одновременно на американских базах размещалось около 950 ядерных боезарядов; всего за 33 года на территории страны размещалось 11 типов ядерного оружия¹.

Это не осталось незамеченным в Пхеньяне, для которого обладание ядерным оружием превращалось в одну из наиболее приоритетных стратегических задач и в контексте жесткой конфронтации между Севером и Югом, и в условиях мирового противостояния капиталистической и социалистической систем. Несмотря на попытки северокорейского руководства получить помощь от СССР в разработке собственного ядерного оружия, Москва ограничивала доступ северокорейцев к военным технологиям в этой области².

Более того, под давлением Москвы КНДР подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ (1977), а также присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия под гарантии СССР оказания содействия Пхеньяну в строительстве энергоблоков АЭС. А после вывода с территории Южной Кореи американского тактического ядерного оружия в 1991 г. Пхеньян совместно с Южной Кореей подписал упомянутую Декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова, вступившую в силу 19 февраля 1992 г.

Тем не менее КНДР в значительной степени удалось скрыть истинные масштабы собственной программы ядерных разработок. И соглашение с МАГАТЭ, и, в особенности, вступление в ДНЯО были столь же

---

¹ Военная ядерная программа Республики Корея // Электронный ресурс: URL: <http://www.pircenter.org/sections/53-voennaya-yadernaya-programma-respubliki-koreya> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Торкунов А. В., Толорая Г. Д., Дьячков И. В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). Москва: Просвещение, 2021. С. 185.

вынужденными мерами для Пхеньяна, сколь и необходимыми. К началу 1980-х гг. Северная Корея исчерпала внутренние возможности развития своей ядерной энергетики, а для сооружения крупных реакторов требовалось специальное оборудование, которое нужно было закупать, в том числе и прежде всего — у Советского Союза¹. Именно первые инспекции МАГАТЭ показали, что и СССР, и мировое сообщество серьезно недооценивали степень разработанности ядерной программы КНДР².

В это время отношения между Россией и КНДР окончательно охладели, что выразилось в полном неучастии Москвы в решении серьезнейшего вопроса, затрагивавшего ее непосредственные интересы. Более того, в России были специалисты, которые имели прямое отношение к созданию атомной энергетики Северной Кореи и чьи знания могли быть полезны.

МАГАТЭ потребовало от КНДР открыть доступ ко всем объектам, которые могли иметь отношение к северокорейской ядерной программе. Последовал отказ, после чего на Пхеньян было оказано серьезное политико-дипломатическое давление с угрозами перенести вопрос о допуске специалистов МАГАТЭ на все объекты КНДР на рассмотрение в Совет Безопасности ООН. Примерно в это же время, надо полагать, для подкрепления дипломатических усилий по давлению на Пхеньян, США и Южная Корея возобновили проведение совместных крупномасштабных военных учений «Тим спирит»³. В ответ 12 марта 1993 г. КНДР официально уведомила Совет Безопасности ООН о выходе из ДНЯО, но после переговоров с США в том же году заявила о *приостановке* процедуры выхода из договора. В совместном заявлении КНДР и США от 11 июня 1993 г. отмечалось, что правительство КНДР приняло решение в одностороннем порядке «отсрочить осуществление выхода КНДР из ДНЯО настолько долго, насколько оно сочтет это необходимым... Соединенные Штаты информировали об этом Совет Безопасности 14 июня 1993 года»⁴.

---

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 114–115.

² Там же. С. 113.

³ Крупномасштабные совместные военные учения Вооруженных сил США и Южной Кореи, проводившиеся на Корейском полуострове с 1976 по 1993 г.

⁴ Письмо Постоянного представителя КНДР при ООН от 24 января 2003 года на имя Председателя Совета Безопасности, Приложение 1 // Электронный ресурс: URL: https://digitallibrary.un.org/record/486016/files/S_2003_91-RU.pdf?version=1 (Дата обращения: 01.10.2021).

Этот первый серьезный виток кризиса вокруг северокорейской ядерной программы в итоге привел к подписанию сторонами Рамочного соглашения или Рамочных договоренностей в Женеве в октябре 1994 г. В соответствии с ними стороны взяли на себя обязательства нормализовать двусторонние отношения и обменяться дипломатическими представительствами; КНДР оставалась в Договоре о нераспространении и замораживала работу реакторов, способных производить плутоний; США давали КНДР гарантии неприменения ядерного оружия, обещали построить в КНДР реактор на легкой воде, а до его ввода в действие обязались поставлять Северной Корее 500 тыс. тонн жидкого топлива ежегодно¹. Для реализации намеченного был организован международный консорциум — КЕДО².

На десятилетие северокорейская ядерная проблема перестала быть в центре внимания мировой общественности, однако фактически ничего из намеченного не было реализовано в полной мере. С самого начала проект реализовывался совсем не так активно, как ожидалось. Переговоры по вопросу строительства реакторов затягивались, церемония начала работ прошла с опозданием на год. В соответствии с Рамочными договоренностями, первый реактор должен был быть введен в строй до 2003 г., однако к 2003 г. реализация проекта оставалась все еще на начальной стадии. Кроме того, до пуска первого из двух атомных реакторов США обязывались поставлять ежегодно по 500 тыс. тонн мазута, причем на регулярной основе — по 40 тыс. тонн мазута в месяц. И ни разу данный пункт соглашения не был выполнен американской стороной, а 14 ноября 2002 г. США официально приняли решение о прекращении поставок мазута в КНДР начиная с декабря 2002 г.³ Таким образом, на практике Рамочные соглашения не привели к разрешению конфликта, а лишь отсрочили его очередной этап.

¹ Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. С. 118.

² KEDO (Korean Peninsula Energy Development Organization, Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове) была создана США, Южной Кореей и Японией, которые сформировали исполнительный совет Организации. В 1997 г. к исполнительному совету КЕДО присоединился Европейский Союз. В 1995–2000 гг. членами Организации также стали Австралия, Аргентина, Индонезия, Канада, Новая Зеландия, Польша, Узбекистан, Чехия и Чили. Помимо этого, КЕДО оказывалось финансовое и материальное содействие со стороны 19 стран, не являющихся ее членами, включая Бруней, Катар, Мексику, Оман, Швейцарию и др.

³ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 407.

К началу нового тысячелетия стало очевидным, что реализация технической части Рамочных соглашений фактически провалилась: финансово-организационные вопросы строительства и эксплуатации предполагаемой АЭС стали наиболее сложными для согласования участниками консорциума. Среди ряда крупных экспертов существует точка зрения, заключающаяся в том, что США пошли на Рамочные соглашения с КНДР в контексте краха мировой социалистической системы, а также после смерти бессменного руководителя Северной Кореи Ким Ир Сена: мало кто верил, что в таких условиях северокорейский режим протянет долго¹.

После прихода к власти в США республиканцев во главе с Дж. Бушем младшим и, в особенности, после террористической атаки на США 11 сентября 2001 г., изменилась не только внешняя политика Вашингтона, но и риторика в отношении КНДР. Северная Корея была включена в так называемую «ось зла», возобновилась санкционная политика и угрозы в отношении Пхеньяна, в том числе откровенные намеки на возможность применения ядерного оружия. Причем, последнее было озвучено на официальном уровне — тогдашним главой Пентагона Дональдом Рамсфелдом². Эти обстоятельства были изложены северокорейцами в письме Постоянного представителя КНДР при ООН (см. ниже).

10 января 2003 г. КНДР официально заявила о выходе из Договора о нераспространении со ссылкой на статью 10 Договора под предлогом нарушения Соединенными Штатами Рамочного соглашения 1994 г., ввиду продолжающейся «враждебной политики» последних в отношении КНДР, в том числе угроз применения ядерного оружия. Статья 10 ДНЯО гласит: «Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В уведомлении должно содержаться заявление об исключи-

---

¹ Жебин А. З. Ядерная проблема и пути ее решения на Корейском полуострове // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 266.

² Рамсфелд пригрозил Пхеньяну ядерным оружием // Электронный ресурс: URL: <https://iz.ru/news/283980> (Дата обращения: 01.10.2021).

тельных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы»¹.

Также было объявлено и о прекращении членства в МАГАТЭ и действия Совместной декларации КНДР и Республики Корея о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Пхеньян апеллировал также к тем статьям Рамочного соглашения, где содержались политические обязательства США: предоставить «официальные гарантии» того, что последние не применяют против КНДР ядерное оружие и не будут угрожать его применением, двигаться к «полной нормализации политических и экономических отношений» и т. д.² На официальном сайте ООН содержится электронная версия упомянутого выше письма представителя КНДР при ООН от 24 января 2003 г. на имя Председателя Совета Безопасности, где подробно разъясняются обстоятельства этого шага Пхеньяна (имелся в виду выход из ДНЯО), практическая реализация которого заняла 10 лет³.

Небезосновательно указывали северокорейцы и на неоднократно провозглашенные, но так ни разу не реализованные американцами на практике «принципы Совместного заявления США и КНДР от 11 июня 1993 г. для достижения мира и безопасности на безъядерном Корейском полуострове», повторенные и в тексте Рамочных соглашений⁴, которые обязывали стороны «уважать суверенитет» и «не вмешиваться во внутренние дела», продолжить «диалог между правительствами» и вести его на основе «равенства и справедливости»⁵. Центральное телеграфное

¹ Электронный ресурс: URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/27203592932_ru.pdf (Дата обращения: 01.10.2021).

² Жебин А. З. Ядерная проблема и пути ее решения на Корейском полуострове. С. 266–267.

³ Письмо Постоянного представителя КНДР при ООН от 24 января 2003 года на имя Председателя Совета Безопасности // https://digitallibrary.un.org/record/486016/files/S_2003_91-RU.pdf?version=1 (Дата обращения: 01.10.2021).

⁴ Рамочное соглашение между Соединенными Штатами Америки и Корейской Народно-Демократической Республикой. Женева, 21 октября 1994 г., текст приведен по: Электронный ресурс: URL: <http://xn----jtbhwghdp7a.xn--p1ai/data/resources/framework.pdf> (Дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Ланцова И. С. Ядерная программа Северной Кореи: история развития и современное состояние // Электронный ресурс: URL: <http://www.politex.info/content/view/324/30/> (Дата обращения: 01.10.2021). Полный текст Совместного заявления см.: Электронный ресурс: URL: http://nautilus.org/wp-content/uploads/2011/12/CanKor_VTK_1993_06_11_joint_statement_dprk_usa.pdf (Дата обращения: 01.10.2021).

агентство Кореи выступило с заявлением, в котором подчеркивалось, что решение правительства КНДР о выходе из договора о нераспространении было принято с учетом «серьезной ситуации, при которой нарушаются суверенитет корейской нации и безопасность КНДР в результате враждебной политики США по отношению к КНДР», а также, что Пхеньян не намерен создавать ядерное оружие. «На данном этапе, отмечается в заявлении, — деятельность КНДР в ядерной сфере будет производиться исключительно в мирных целях, в частности для производства электроэнергии».

Напомним, что к этому моменту Россия сумела «вернуться» на полуостров и включиться в процесс корейского урегулирования после подписания в 2000 г. РФ и КНДР нового Договора о дружбе и сотрудничестве. Благодаря установившимся довольно теплым, дружеским отношениям северокорейского лидера Ким Чен Ира и президента РФ В. В. Путина Россия вернула свое влияние в регионе, и именно усилиями российской стороны удалось создать механизм политико-дипломатического диалога между всеми заинтересованными сторонами в формате шестисторонних (по числу участников) переговоров.

В целях дипломатического урегулирования этого нового этапа кризиса вокруг северокорейской ядерной проблемы, с 2003 по 2008 г. фактически (когда состоялся последний раунд) проходила серия переговоров с участием КНДР, РК, США, России, Китая и Японии. Хронология и основные этапы переговорного процесса задокументированы и описаны как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. В рамках настоящей работы мы не будем пересказывать ход дискуссии, однако стоит заметить, что по сути вновь были продемонстрированы те основные противоречия между участниками переговорного процесса, которые уже так или иначе проявлялись во время первого витка кризиса в начале 1990-х гг.¹

Тем не менее в 2005 г. сторонам все же удалось достичь определенных договоренностей и подписать документ, в котором северокорейская сторона отстояла «свое право на мирное использование атомной энергии», но в то же время подтвердила «обязательства отказаться от всего ядерного оружия и осуществляемых ядерных программ, как можно скорее вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия, а также под

---

¹ См., например: Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Справка // Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/spravka/20110824/422914168.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

инспекции МАГАТЭ». Прочие участники переговоров согласились обсудить вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора в должное время. Как и в 1993, и в 1994 гг., КНДР и США заявили о намерении уважать суверенитет друг друга, мирно сосуществовать и стремиться к нормализации отношений¹.

Однако и эти договоренности снова были фактически аннулированы в результате действий США, которые в 2005 г. в рамках осуществления финансово-экономических санкций заморозили зарубежные счета нескольких северокорейских компаний, обвинив КНДР в отмыывании денег, производстве фальшивых долларов и контрабанде наркотиков. Ввиду этого Пхеньян прервал очередной раунд переговоров, обвинив США в фабрикации нового повода для срыва достигнутых договоренностей и создании препятствий в переговорном процессе².

В ходе проведения шестисторонних переговоров произошло два существенных для истории северокорейской ракетно-ядерной программы события. 10 февраля 2005 г. МИД КНДР официально заявил о создании в стране ядерного оружия. Согласно сообщению, ядерные вооружения страны являются «всецело оборонительными» и будут оставаться «силой ядерного сдерживания». А уже 9 октября 2006 г. КНДР осуществила первое подземное ядерное испытание. Если после информации МИД КНДР у мирового сообщества еще оставался некий скепсис относительно правдоподобности подобного рода утверждений, учитывая характерный для официальных северокорейских заявлений преувеличенно-напыщенный стиль (наподобие неоднократных высказываний о «вступлении в состоянии войны с Южной Кореей» и т. п.), то осенью 2006 г. года сомнений не осталось: все попытки урегулировать проблему северокорейской ядерной программы оказались тщетны.

14 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1718, требующую приостановить ракетную программу и восстановить мораторий на запуски баллистических ракет, а также ограничивающую поставки Пхеньяну продукции и технологий, которые могут быть использованы в военных целях, в частности для обогащения урана³.

---

¹ Там же.

² Мнение: экономические санкции США против КНДР препятствуют переговорам // Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/world/20051111/42059843.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

³ Электронный ресурс: URL: [https://www.undocs.org/S/RES/1718%20\(2006\)](https://www.undocs.org/S/RES/1718%20(2006)) (Дата обращения: 01.10.2021).

Российская Федерация и Китай, последовательно выступавшие за безъядерный статус Корейского полуострова, присоединились к данной резолюции, что во многом предопределило их дальнейшую политику в отношении КНДР. Северная Корея, со своей стороны, обещала отказаться от ядерных вооружений только в том случае, если перестанет ощущать угрозу со стороны США.

Каждый последующий пуск ракеты или ядерное испытание (на данный момент их было шесть: 2006, 2009, 2013, 2016, 2016, 2017 гг.) неизменно приводили к ужесточению санкций Совета безопасности ООН в отношении КНДР, которая не признает правомерность санкций Совбеза ООН и демонстративно продолжает развивать свою ракетно-ядерную программу как средство защиты от вероятного удара со стороны США и как ответ на «враждебную политику» последних. В заявлении МИД КНДР, распространенном Центральным телеграфным агентством Кореи и южнокорейским агентством «Ренхап» прямо говорилось: «Перед лицом усиления администрации (тогдашнего президента США Джорджа Буша-младшего. — *Р. К.*) политики уничтожения КНДР мы решительно вышли из договора о нераспространении ядерного оружия и для самообороны произвели ядерное оружие»¹.

В этом отношении справедливо напомнить о наделавшем много шума в то время заявлении министра обороны США Дональда Рамсфелда о возможном применении ядерного оружия против КНДР².

Отдельная дискуссия развернулась относительно правомерности запрета на ядерные испытания и пуски баллистических ракет, а также по поводу выхода КНДР из ДНЯО. А. З. Жебин справедливо отмечает очевидность наличия двойных стандартов в политике западных держав и, прежде всего, США в отношении Северной Кореи. Он напоминает, что в период с 1998 по 2012 г. Индия и Пакистан (к слову, не присоединившиеся к ДНЯО) провели более 120 испытательных пусков боевых ракет, многие из которых могут быть оснащены ядерными боеголовками. При этом США «не уставали уверять», что никакой угрозы миру эти запуски не несут даже несмотря на то, что «кровавопролитные инциденты на гра-

---

¹ Северная Корея бросила вызов США, Российская газета, 10.02.2005 // Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2005/02/10/atom-kndr-anons.html?ysclid=lah5paoz97519389566> (Дата обращения: 01.10.2021).

² The Washington Post. Monday, November 17, 2003. Nukes option by U.S. in Korea // Электронный ресурс: URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2003/nov/17/20031117-115816-2478r/> (Дата обращения: 01.10.2021).

нице между Индией и Пакистаном в 2013 году заставили даже “Нью-Йорк Таймс” признать, что длящийся десятилетиями индо-пакистанский конфликт является одним из наиболее вероятных очагов войны». Никто по этому поводу СБ ООН созвать не просил, отмечает А. З. Жебин. В то же время, за тот же период КНДР осуществила всего четыре попытки запустить спутник, и все они стали предметом внимания СБ ООН¹.

В контексте регулярного (несколько раз в год) проведения крупномасштабных американо-южнокорейских учений вблизи границ КНДР, несмотря на ее и Китая неоднократные протесты, опасения северокорейской стороны более чем оправданы. Призывы прекратить учения такого масштаба или, например, перенести их в другое место игнорировались.

А. В. Воронцов дает по этому поводу вполне адекватную оценку текущей ситуации на полуострове: «...тревожит то, что в 2017 году эскалация военной активности с обеих сторон стала беспрецедентной. В совместных американо-южнокорейских маневрах в марте–апреле участвовали 320 тысяч военнослужащих. Сценарий этих учений заключался в отработке оперативного плана 5015, предполагающего вторжение в Северную Корею и ликвидацию ее руководства... В период 11–14 ноября проводятся самые мощные в этом десятилетии военно-морские учения в составе трех (!) американских авианосных групп, к которым присоединились 7 кораблей ВМС РК»².

Угрозы со стороны США не остаются без внимания северокорейцев, и в ответ звучат не только планы нанесения ответного удара по американской военной базе на острове Гуам, но также осуществляются демонстративные пуски ракет, дальность полета которых неуклонно растет. Соединенные Штаты наращивают свое военное присутствие в регионе под предлогом опасности, исходящей от КНДР, постепенно происходит милитаризация Японии.

Серьезную опасность представляет в целом беспрецедентное военно-политическое и дипломатическое давление, оказываемое Соединенными Штатами и их союзниками на Пхеньян, подкрепленное пропагандистской риторикой средств массовой информации, преднамеренно нагнетающих истерию вокруг «северокорейской угрозы». Все это искусственно создает ситуацию, когда в представлении широкой

¹ Жебин А.З. Указ. соч., стр.273

² Воронцов А. В. Призрак войны над Корейским полуостровом // Электронный ресурс: URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/11/14/prizrak-voyny-nad-korejskim-poluostrovom-45035.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

мировой общественности открытое вторжение в КНДР или ракетный удар по ее объектам будут восприняты как нечто само собой разумеющееся «в целях предотвращения угрозы, поддержания мира и стабильности» и т. д. и т. п.

Накалу ситуации в глазах публики в немалой степени поспособствовала и специфическая манера коммуникации с внешним миром Дональда Трампа, довольно охотно вступавшего в словесную перепалку с представителями северокорейской верхушки виртуально (посредством своего микроблога в социальной сети Twitter) и в своих прямых заявлениях. И если для последних характерен специфически вычурный, довольно пафосный и весьма недипломатичный язык, то для широкой общественности оказалось сюрпризом то, что президент США также в состоянии прибегнуть к «крепким» оборотам, не стесняясь в выражениях. И вслед за витком противостояния Совета Безопасности ООН и КНДР, вызванным очередным запуском северокорейской баллистической ракеты в конце июля 2017 г. и ответными санкциями, последовала «яркая» дипломатическая война слов, в которой из уст американского президента прозвучала фраза, более характерная для северокорейской стороны. Дональд Трамп пообещал ответить северокорейцам «огнем и яростью, которые мир доселе не видел». Данное высказывание очень напоминает неоднократно звучавшие угрозы со стороны КНДР в адрес Южной Кореи, что в случае враждебных действий против последней «Сеул превратится в море огня»¹.

Скорее всего, слова Трампа стали ответом на ранее опубликованное агентством ЦТАК заявление МИД КНДР, в котором действия администрации США подверглись резкой критике, в частности говорилось о том, что северокорейцы «научат американцев манерам при помощи ядерных стратегических сил сдерживания». «Если Соединенные Штаты будут и дальше придерживаться политики военного авантюризма и усиления санкций в отношении нас, мы ответим на это жесткими действиями», — указывалось далее в заявлении².

«Война слов» и накал агрессивной риторики вообще — характерное явление для периодов роста напряженности на Корейском полуострове.

---

¹ Пхеньян грозит превратить Сеул в «море огня» // Электронный ресурс: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=433133&tid=79133> (Дата обращения: 01.10.2021).

² КНДР пообещала жесткий ответ в случае усиления санкций со стороны США // Электронный ресурс: URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4449963> (Дата обращения: 01.10.2021).

Причем в такие моменты резкие заявления делаются с обеих сторон, но чаще в этом вопросе «отличаются» именно северокорейцы в силу специфики используемого ими лексикона.

Несмотря на то, что виток кризиса 2016–2017 гг. выходил за рамки привычного, следует помнить, что, во всяком случае, до тех пор на Корейском полуострове действовал принцип разделения слова и дела, и резкие высказывания не влекли за собой аналогичных действий. Так, еще весной 2017 г. года США были гораздо ближе к возможности реализации превентивного удара по объектам КНДР, когда авианосец «Карл Винсон» был направлен в район Корейского полуострова, а весь мир застыл в ожидании очередной американской военной акции. Однако ничего подобного не произошло. И даже после последовавшего за уходом авианосца очередного запуска северокорейской баллистической ракеты Совбез ООН ответил лишь очередным ужесточением санкций, которые были названы беспрецедентными, как и предыдущие — в ноябре 2016 и июне 2017 гг.

Специфика ситуации вокруг Корейского полуострова состоит в пересечении интересов ключевых игроков региона (США, Китай, Россия, Япония, Южная Корея), которое фактически способствовало поддержанию сложившегося после Корейской войны статус-кво и не дает ему перерасти в открытый вооруженный конфликт. На рассматриваемом витке напряженности, как и ранее, традиционно сформировались два противоборствующих лагеря. С одной стороны — это США и их союзники (РК, Япония), выступавшие не только за усиление санкционного давления на КНДР, но и намекавшие на вероятные силовые сценарии разрешения проблемы. С другой — Китай и Россия, традиционно выступавшие за мирное, политико-дипломатическое урегулирование конфликта, а также за сохранение безъядерного статуса Корейского полуострова.

Характерно и то, что неоднократные призывы сесть за стол переговоров демонстративно игнорировались и оставались без ответа и в этот раз. Наиболее адекватный, как представляется, путь решения кризиса был предложен Россией и Китаем в июле 2017 г. РФ и КНР выступили с Совместным заявлением Министерств иностранных дел по проблемам Корейского полуострова, в котором «выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных китайской стороной идеях “двойного замораживания” (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея)

и “параллельного продвижения” к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования»¹. С аналогичными предложениями в недавнем прошлом неоднократно выступала и КНДР, предлагая сесть за стол переговоров «без предварительных условий»². Все эти инициативы остались без ответа.

Стремительное развитие не только собственной северокорейской программы разработки ядерного оружия, но и средств доставки, грозит серьезным образом изменить структуру баланса сил в регионе. Очевидно, что КНДР не намеревается прекращать и, тем более, отказываться от собственной программы разработки ядерного оружия и средств доставки. Вне всякого сомнения, и то, что появление де факто еще одной ядерной державы способно запустить процесс нуклеаризации целого ряда так называемых пороговых государств³, что совершенно не в интересах стран — участников ДНЯО, противоречит стратегии Совбеза ООН и осуждается мировой общественностью в целом.

Тупиковая ситуация, в которой стороны не имеют политической воли идти на компромисс, в определенном смысле вынуждает Россию и Китай следовать в русле политики Вашингтона и оказывать санкционное давление на Северную Корею с целью заставить Пхеньян отказаться от ракетно-ядерных амбиций. Причем при выработке содержательной части каждой новой резолюции Совбеза ООН давление начинают испытывать уже сами Россия и Китай, поскольку в их интересах не допустить полного «удушения» экономики КНДР и по возможности ограничить жесткость санкционных мер. Несмотря на такую непоследовательность действий и в то же время — именно ввиду данной ситуации Россия прилагает

---

¹ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова // Электронный ресурс: URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (Дата обращения: 01.10.2021).

² См. например: Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/world/20110317/354804145.html>, <https://russian.rt.com/article/10795> (Дата обращения: 01.10.2021).

³ Англ. Threshold state, Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения: Доклад Службы внешней разведки Российской Федерации / Служба внешней разведки РФ. Москва, 1993. С. 12–13 // Электронный ресурс: URL: http://www.pircenter.org/sections/view/section_id/163 (Дата обращения: 01.10.2021).

существенные дипломатические усилия по прекращению санкционного давления и скорейшему началу переговорного процесса.

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила: «Мы ведем активную работу со всеми сторонами на различных уровнях с целью поиска путей мирного решения комплекса проблем Корейского полуострова. Убеждены, что политика максимального давления на КНДР, в том числе санкционного, себя исчерпала», — сказала она на брифинге в пятницу. По словам Захаровой, «очевидно, что ее конечным результатом станет либо военная катастрофа в Северо-Восточной Азии, либо катастрофа гуманитарная в КНДР»¹. Министр иностранных дел Сергей Лавров также неоднократно выступал с подобными заявлениями. По сообщению Агентства РИА Новости, в телефонном разговоре с госсекретарем США Рексом Тиллерсоном он подчеркнул, что «Россия считает дальнейшее усиление санкционного давления на КНДР контрпродуктивным и опасным»².

Однако по мере того, как санкции и политико-дипломатическое давление на Пхеньян действительно исчерпывали свой потенциал, не давая практического результата, в Вашингтоне никто не собирался садиться за стол переговоров, наоборот — набирала обороты кампания за реализацию военных методов решения проблемы. Военные и политики США уже не скрывали своих намерений и открыто говорили о необходимости смены режима в КНДР, а во время совместных американо-южнокорейских учений, как уже отмечалось выше, отрабатывались сценарии внезапного вторжения на территорию Северной Кореи. В прессу неспроста то и дело попадала информация об оперативных планах американского оборонного ведомства (OPLAN 5015, а также OPLAN 5027, OPLAN 3100 и т. д.), в которых речь шла о «ликвидации руководства», «учениях для нанесения точечного удара» по рабочему кабинету высшего руководства КНДР, «операциях по захвату Пхеньяна» и других наступательных операциях³.

В случае применения силы против КНДР Пхеньян грозился дать жесткий ответ. «Мы будем неизменно придерживаться нашей стратегии:

---

¹ РИА Новости // Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/world/20170908/1502065337.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

² Там же.

³ См. например: Электронный ресурс: URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=40378, <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20171010000828> (Дата обращения: 01.10.2021).

отвечать на агрессивную войну враждебных сил справедливой войной, а ядерным угрозам — укреплением сил ядерного сдерживания. Каждый раз, когда враги будут проводить военные маневры, наши возможности нанесения ядерного удара будут стремительно укрепляться», — говорилось в заявлении МИД КНДР¹. Американские военные базы в Японии и Южной Корее находятся в прямой досягаемости северокорейских ракет, а в случае с базой в Сеуле — и тяжелой артиллерии. Северные корейцы не скрывают, что в случае нанесения удара по их территории они ответят ударом по американским базам в зоне досягаемости.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что дальнейшее развитие событий будет катастрофичным для всего региона, даже если американцам и их союзникам удастся относительно быстро одержать победу над КНДР. Нет никакого сомнения в том, что такой сценарий совершенно не в интересах России и Китая, для которого Северная Корея в ее нынешнем виде является своего рода буферным государством, прикрывающим Пекин от сил передового базирования США, размещенных на территории Южной Кореи. И Китаю, и России совершенно не нужна война вблизи собственных границ, тем более — война, грозящая перерасти в локальный ядерный конфликт. Россия и Китай неоднократно заявляли о неприемлемости военного решения северокорейской ракетно-ядерной проблемы, а также предостерегали США от применения силы против КНДР. До сих пор в отношении Пхеньяна Вашингтон действовал исключительно политико-дипломатическим и военным давлением, абсолютно игнорируя призывы сесть за стол переговоров с северокорейцами. США оставили без внимания и российско-китайский призыв отказаться от проведения регулярных крупномасштабных американо-южнокорейских военных учений вблизи границ КНДР в обмен на мораторий на ракетно-ядерные испытания Пхеньяна².

Выше отмечалось, что, выступая за мирное урегулирование корейского вопроса, отмечая безальтернативность переговорного подхода в решении

---

¹ «Оперативный план-5016»: кто будет следующим объектом для угроз? // Электронный ресурс: URL: http://www.1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=kto_sleduuschiy_v_operativnom_plane_5016 (Дата обращения: 01.10.2021).

² Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова // Электронный ресурс: URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (Дата обращения: 01.10.2021).

проблем Корейского полуострова, а также подчеркивая неэффективность политики санкций, на практике Россия действует иначе и регулярно присоединяется к санкционному давлению на КНДР даже несмотря на то, что против нее самой применяются санкции ряда стран, которые Москва, как и Пхеньян, считает неправомерными¹. В конце концов, если мы считаем в равной степени дестабилизирующими ситуацию и пуски баллистических ракет или ядерные испытания КНДР, и регулярные совместные военные учения США и РК, то почему мы регулярно «наказываем» одних (КНДР), и совершенно не реагируем на такие же (по нашему мнению) провокационные действия других (США, РК)?

Данная непоследовательность во внешней политике Российской Федерации в вопросе разрешения корейского вопроса находится в противоречии и с документально закрепленными в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР двусторонними обязательствами².

Есть и еще одно обстоятельство, которое так или иначе ставит направление нашей текущей дипломатии перед необходимостью определенных корректировок. С одной стороны, Россия крайне заинтересована в нормализации ситуации на Корейском полуострове и его безъядерном статусе, а с другой — есть четкое понимание, что в текущей общемировой обстановке, отражающей серьезные противоречия в интересах ведущих держав, отказ КНДР от собственного ядерного оружия, в особенности на этапе разработки, на котором, по всей видимости, сегодня находятся северокорейцы, — маловероятен. К тому же положение о ядерном статусе Корейской Народно-Демократической Республики было внесено в Конституцию страны. Ю.В.Ванин обращает внимание на то, что «...у нашей страны имеется некоторый опыт по части “непризнания”. Советский Союз долго не признавали, а он креп и развивался. В свою очередь, мы сами более 40 лет не признавали Республику Корею, что не мешало ей занять солидное положение в современном мире. Несмотря

---

¹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове // Электронный ресурс: URL: <http://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove> (Дата обращения: 01.10.2021).

² В частности, речь о Статье 3 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, которая обязывает Россию и Северную Корею «...воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в каких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны».

на «непризнание» нами ядерного статуса КНДР, страна уже стала ракетно-ядерной державой...»¹. Действительно, с одной стороны, мы де факто признаем наличие у КНДР ядерного оружия и уже даже на официальном уровне заявляем о том, что понимаем, что Пхеньян от него не откажется и почему. С другой — на том же уровне звучат заявления о том, что Россия не признает ядерный статус Северной Кореи. Данное обстоятельство (во всяком случае, в глазах северокорейцев) усугубляется еще и тем, что Россия, также находящаяся под санкционным давлением стран Запада и рассматривающая эти действия в качестве неправомерных, присоединяется к санкциям против КНДР, одной из немногих стран, признавших полуостров российским.

Искусство успешной политики во многом зависит от умения правильно оценить текущее положение вещей и тенденции, предвосхитить развитие ситуации и тем самым оказаться в авангарде, а не позади политического процесса. Ситуация на Корейском полуострове развивается довольно стремительно и, как уже отмечалось вначале, сегодня есть все основания полагать, что практически невозможно будет повернуть текущие тенденции вспять и вернуться к статус-кво предыдущих лет. Силловые методы решения и нынешнего ракетно-ядерного кризиса, и Корейского вопроса в целом чреваты катастрофическими последствиями и неприемлемы, а политико-дипломатическое урегулирование, скорее всего, и по признанию руководства нашей страны, не приведет к отказу Пхеньяна от обладания ядерным оружием. Чем скорее внешняя политика и дипломатия РФ придет в соответствие реальному, а не декларативному положению вещей в регионе, тем скорее и эффективнее она начнет приносить действительные результаты. Указанные элементы непоследовательности во внешнеполитическом курсе России вряд ли способствуют улучшению ситуации на Корейском полуострове и в регионе в целом, а значит противоречат собственно российским интересам.

* * *

Представляется, что обострение вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы в первой половине второго десятилетия XXI в. вызвано очевидными ее успехами и серьезным прогрессом, но также

---

¹ Ванин Ю. В. Корейский кризис: позиция России // Правда. № 118 (30615) 24–25 октября 2017. — Электронный ресурс: URL: <http://gazeta-pravda.ru/issue/118-30615-24-25-oktyabrya-2017-goda/koreyskiy-krizis-pozitsiya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2021).

демонстрирует наличие традиционных противоречий в интересах ключевых держав региона. С момента первого испытания ядерной бомбы в КНДР прошло уже более 15 лет и, несмотря на политико-дипломатическое и санкционное давление, Пхеньян не собирается отказываться от ядерного оружия. Ни мировое сообщество в лице ООН, ни сильные государства не сумели заставить Северную Корею отказаться от планов по совершенствованию своих вооружений, в том числе и массового поражения. Тем не менее, скорее всего, давление на КНДР будет оказываться и в дальнейшем. Однако, в отличие от предыдущих витков напряженности, нынешний кризис имеет все шансы сдвинуть ситуацию с мертвой точки, поскольку вероятные решения, так или иначе, изменяют устоявшиеся статус-кво и баланс сил на полуострове.

Неоднократно подчеркивалось, что для России важно не просто сохранение мира и поддержание стабильности в регионе, а стремление сделать эту часть мира по-настоящему мирной и процветающей. И в этом отношении нужно сказать, что российское внешнеполитическое ведомство обращает самое пристальное внимание на формирующиеся предпосылки новой архитектуры международных отношений и структуры системы региональной безопасности для выработки новой долгосрочной стратегии. Россия регулярно выступает с инициативами по возобновлению диалога между Севером и Югом, а также о частичном снятии санкций с КНДР, препятствующих дипломатическому урегулированию ситуации.

Неоднократно упомянутое в настоящей работе положение Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР о том, «...что раскол Кореи является источником международной напряженности...», — зачастую упускается из вида при поиске решения различных проблем в контексте межкорейского урегулирования вообще¹. В российском корееведческом сообществе в значительной степени преобладает точка зрения, заключающаяся в том, что главное препятствие для разрядки и стабилизации ситуации вокруг Корейского полуострова заключается не столько в ядерных амбициях КНДР, сколько в стремлении США искусственно поддерживать контролируемый уровень напряженности на полуострове, оправдывая тем самым свое военное присутствие в регионе в целом.

---

¹ Казарьян Р. Л. Проблема объединения Кореи и интересы России // Корея перед новыми вызовами. Москва: ИДВ РАН, 2017. С. 63–64.

Это направление в том или ином виде, скорее всего, будет сохраняться и далее во внешнеполитической стратегии США, даже если удастся разрешить текущий кризисный клубок. И поскольку, как уже отмечалось выше, периодическая дестабилизация в регионе не отвечает интересам не только России, но и Китая, представляется логичным совместно разработать встречную внешнеполитическую концептуальную стратегию постепенной нормализации ситуации на Корейском полуострове, в основе которой лежало бы постепенное политико-экономическое сближение двух частей полуострова.

Такая стратегия в своей основе могла бы содержать принцип необходимости разрешения корейского вопроса в целом через постепенный и поступательный процесс нормализации межкорейских отношений, снятие напряженности, возобновление экономического сотрудничества, налаживание совместных, в том числе и трехсторонних экономических проектов. Для обеспечения внешнеполитической поддержки такой стратегии, безусловно, необходимо будет искать компромиссные решения и выработать новые подходы к проблеме среди как ключевых игроков региона, так и широкой международной общественности. Решение подобной задачи требует совместного усилия целого ряда стран при поддержке мирового сообщества и международных организаций.

Распад социалистического лагеря не привел к ожидаемой разрядке международной обстановки, напротив, ситуация в мире все более обостряется, растет количество локальных конфликтов и противостояние крупнейших держав, а международные нормы и право регулярно игнорируются. Мировое сообщество в его нынешнем положении и механизмы реализации международного права не в состоянии обеспечить долгосрочные гарантии безопасности, поскольку, как мы могли убедиться на примере попыток политико-дипломатического решения проблемы безопасности на Корейском полуострове, договоренности не соблюдаются, а позиции сторон могут меняться. Следует признать, что в позиции КНДР есть резонанс, так как в такой ситуации обладание ОМУ остается действенным способом защиты государственного суверенитета для КНДР, даже несмотря на тяжелейшее внешнее и внутреннее положение. Очевидно и то, что за прошедшие 15 лет с момента первого ядерного испытания эта линия остается неизменной в северокорейской политике и нет оснований полагать, что Пхеньян отступит от нее.

Говоря о роли России в возможном урегулировании данного аспекта корейского вопроса, создающего серьезную угрозу не только безопас-

ности непосредственно у российских границ, но и международному режиму нераспространения опасного оружия, необходимо, прежде всего, отметить, что наша страна имеет непосредственное отношение к истории самой проблемы. Мы считаем, что текущий кризис, вызванный появлением у КНДР ядерного оружия и средств доставки, является продолжением противоборства на Корейском полуострове, возникшего еще в середине прошлого века и с тех пор не находящего принципиального разрешения. Все предшествующие шаги в попытках найти пути его прекращения больше походили на борьбу с симптомами, а не с первопричиной, которая кроется в расколе единой страны.

Текущее положение России в регионе во многом уникально и позволяет вести конструктивный диалог со всеми вовлеченными сторонами. Более того, мы имеем непосредственное отношение к истории возникновения проблемы, наработали хорошие связи, в том числе на уровне профильных специалистов, а также обладаем необходимыми техническими знаниями, чтобы участвовать в выработке возможных промежуточных решений. Москва прекрасно понимает позицию северокорейской стороны, высшее руководство России не раз делало заявления, из которых четко следует, что в текущей мировой обстановке и при нынешнем состоянии международных отношений отказ КНДР от обладания ядерным оружием практически исключен. Наиболее красноречиво это выразил президент РФ фразой о том, что «в КНДР “траву будут есть”, но не откажутся от ядерной программы»¹.

Также крайне важно отметить, что у России, помимо хороших отношений с Пхеньяном и возможностей воздействия на руководство КНДР, есть также и понимание того, что эту проблему, как и симптом болезни, нельзя решить на половину или лишь частично. Решение должно быть комплексным, всеобъемлющим, а значит осуществляться не точечными санкциями, а всецело, в рамках глобального урегулирования корейского вопроса. Это вопрос долгосрочной, многоэтапной, стабильной стратегии с привлечением всех участников процесса. Итогом такой стратегии может быть только окончательное исчезновение самой первопричины, то есть того, что мы называем корейским вопросом.

---

¹ Путин: в КНДР «траву будут есть», но не откажутся от ядерной программы, ТАСС, 05.09.2017 // Электронный ресурс: URL: <https://tass.ru/politika/4532288> (Дата обращения: 01.10.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы обстановка в мире крайне обострилась. Столкновения интересов крупных держав в форме санкционного экономического давления приобретают системный характер, что неминуемо ведет мир к серьезному глобальному конфликту. Значимость международных организаций и площадок, призванных урегулировать противоречия мирным путем, неизменно падает. Повсеместное наращивание оборонных бюджетов, военных контингентов, совершенствование современных средств вооружений включая ОМУ, рост локальных конфликтов как способа разрешения противоречий вместо политико-дипломатического урегулирования — все это на сегодня печальная реальность.

Вторая мировая война закончилась более семидесяти лет назад, холодная война — более тридцати. Одним из печальных ее итогов явилось разделение Кореи — сначала на две зоны оккупации войсками, разгромившими японский милитаризм (СССР и США), а в последствии и на два антагонистических государства. Возникший в середине прошлого столетия в результате послевоенного переустройства мира раскол страны закрепился после Корейской войны, поддерживался в годы холодной войны, пережил ее окончание и сохраняется поныне, являясь постоянным источником напряженности на полуострове и в Северо-Восточной Азии. Это говорит о том, что его причины не только в противостоянии двух мировых систем прошлого века.

Уже самые первые меры, предпринятые советским военным командованием, закладывали основы не буржуазно-демократической власти — как это было предписано директивой Ставки Верховного Главнокомандующего Красной Армии от 20 сентября 1945 г., — а государства народного, социалистического устройства. Именно это соответствовало требованиям большинства населения страны, и эти меры были восприняты с большим энтузиазмом, в отличие от того, что происходило

в южной части Кореи, где американское военное командование фактически заменило собой бывшие колониальные власти.

В дальнейшем власть на Севере постепенно, но уверенно переходила к народным комитетам, в которых наиболее активную роль играли коммунисты. В то же время на юге буржуазные и националистические силы, примкнув к американским военным, не спешившим осуществлять крайне необходимые реформы в постколониальной Корее, начали свое наступление на левых. В действие вступил уже внутренний раскол корейской нации в борьбе за власть в будущей Корее. В условиях недоговороспособности лидеров политических сил Севера и Юга, когда обе части Корейского полуострова попали в зависимость — одни от советских, а другие от американских военных властей, дальнейшее движение их в противоположных направлениях было неизбежно.

После официального создания двух корейских государств, каждое из которых провозглашало именно себя единственно законным, — будущий конфликт начинал разогреваться с новой силой. Уже фактически идущая холодная война между СССР и США лишь усиливала дальнейшее усугубление разделения единой Кореи, а противостояние мировых держав исключало возможность урегулирования конфликта в ООН.

В мире окончательно сформировалось разделение на два лагеря: социалистический и капиталистический. Война в Корее стала неизбежной, но и она не решила вопрос об объединении, лишь укрепив противостояние между мировыми державами, к которым присоединился и Китай. Следует признать, что советское руководство сыграло свою роль в развязывании войны в Корее, что, однако, не снимает ответственности и с других участников тех драматических событий. Однако после прекращения боевых действий на полуострове Советский Союз полностью отказался от идеи объединения Кореи вооруженным путем, чего нельзя было сказать о самих корейцах по обе стороны 38-й параллели. Однако тяжелейшие последствия этой разрушительной войны исключали возможность ее продолжения. При помощи своих союзников обе Кореи приступили к восстановлению и экономической гонке, полагая, что преимущество в развитии сделает их положение в вопросе об объединении доминирующим. Первой «в отрыв» ушла Северная Корея, однако ввиду внутренних противоречий между странами социалистического блока, а также неадекватной оценки северокорейским руководством внутрисполитической обстановки на Юге, была избрана тактика форсирования революционных выступлений у соседа, осуществлялись

провокационные действия, искусственно нагнетался градус напряженности на полуострове, что в итоге привело к провалу всей политики объединения.

Тем временем в Южной Корее в результате государственного переворота к власти пришли военные, которые сумели навести порядок в стране и осуществить масштабное реформирование экономики. Результат не замедлил сказаться — довольно быстро экономики двух стран сравнялись, а к середине 1970-х гг. Южная Корея стала опережать Север.

Провал объединительной политики КНДР в 1960-х гг., а также изменившаяся внешняя обстановка привели к пересмотру Севером своих стратегий, что позволило реализоваться южнокорейским инициативам по установлению диалога между двумя Кореями. В результате сторонами были согласованы принципы будущего объединения, по сей день остающиеся концептуальным ориентиром в поиске путей реализации сближения и нормализации отношений между Сеулом и Пхеньяном. Несмотря на то, что в Совместном заявлении 1972 г. идеологической основой для будущего объединения была провозглашена «национальная консолидация», а не социализм, как предполагалось советским руководством, Москва в целом поддержала эти инициативы.

Дальнейшие межкорейские шаги в сторону объединения произошли на фоне распада мировой социалистической системы и совершенно без участия Москвы. Советский Союз перестал существовать, а новая Россия на недолгое время выпала из корейских дел ввиду нецелесообразности своей политики в тот период.

Только с наступлением XXI века Российская Федерация вернула свое влияние на полуострове, сумев сохранить добрососедские отношения с обоими корейскими государствами. Таким образом, положение России стало намного выгоднее, чем у СССР. Это время совпало с прорывом в межкорейских отношениях и беспрецедентным в истории взаимным сотрудничеством двух прежде враждебных государств.

Дальнейшие события на полуострове в основном были связаны с активизацией северокорейской ракетно-ядерной программы и попытками решить эту проблему путем переговоров. Следует отметить, что Россия продемонстрировала здесь большой потенциал своей внешней политики. Однако вновь обострившаяся мировая обстановка не позволила остановить ядерные амбиции КНДР, прежде всего ввиду агрессивной внешнеполитической линии США, которые все больше демонстрировали открытое вмешательство в дела «инакомыслящих» по их мнению стран. К таковым,

безусловно, опять же по мнению Вашингтона, относилась и Северная Корея. Известные печальные события в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии лишь укрепляли северокорейское руководство в убеждении, что единственным способом защититься от внешней агрессии и сохранить собственный суверенитет является обладание ядерным оружием, а также средствами его доставки.

Межкорейские отношения откатились к эпохе холодной войны во многом в результате того, что на Юге к власти пришли консервативные силы, фактически похоронившие все достижения прежних администраций. Внешнеполитическое, дипломатическое и даже военное давление на КНДР усилилось, а в Сеуле даже не скрывали, что ожидают скорого падения режима в Пхеньяне и готовы осуществить германский сценарий объединения.

Во второй половине 2000-х гг. отношения России и США начали стремительно портиться, а экономическое развитие Китая постепенно и уверенно стало восприниматься в Вашингтоне как угроза американской гегемонии в мире. Все более отчетливо стали проступать контуры новой холодной войны, в которой на Корейском полуострове сталкивались геополитические и экономические интересы треугольника США — Южная Корея — Япония с одной стороны, и КНДР, Китай и Россия — с другой.

Провал политики южнокорейских консерваторов по отношению к Северной Корее и приход к власти умеренного президента, готового восстановить прежний уровень взаимодействия между двумя Кореями, сгладили острые углы, но не изменили принципиальной картины. Несмотря на ряд исторических встреч на высшем уровне между главами КНДР, США и Южной Кореи, принципиальные противоречия между ними оказались слишком фундаментальными, и переговорный процесс окончательно заглох в тупике.

Мировая эпидемия коронавируса внесла ряд существенных корректировок в механизмы международного взаимодействия, границы КНДР плотно закрылись. Тем не менее в этой ситуации у России остаются каналы связи со всеми заинтересованными сторонами. Более того, в разгар ракетно-ядерного кризиса 2016–2017 гг. инициативы российского и китайского министерств иностранных дел продемонстрировали возможности совместных внешнеполитических действий по урегулированию серьезных обострений.

Несмотря на предпринятые сторонами усилия и достижения, в последние годы мы наблюдаем откат к ситуации 30-летней давности,

что усугубляет укореняющийся еще глубже раскол Кореи. Короткий по историческим меркам отрезок времени в самом начале нынешнего тысячелетия подарил надежду на возможность перелома ситуации, однако дальнейший ход событий показал, что ни внутренние, ни внешние корни раскола по-прежнему не преодолены.

В завершение несколько соображений относительно некоторых фундаментальных, как представляется, проблем, проявивших себя в течение охваченного в рамках настоящей работы периода, препятствующих позитивным переменам в ходе межкорейского диалога.

1. Десятилетиями в двух корейских государствах формировались разные политико-идеологические и социально-экономические уклады, что формирует не только внутреннее устройство государства, экономики и общества, но и существенно влияет на менталитет, мышление, мировоззрение, культуру, воспитывает или подавляет определенные человеческие качества, поведенческие паттерны, общее отношение к действительности. Сменилось не одно поколение политиков, общественных деятелей, бизнесменов, представителей культуры — всех тех, кто воплощает и реализует движение, развитие общественной материи. Эти люди на Севере и на Юге по-разному воспринимают и отражают мир, как и представления о будущем единой страны.

Из этого вытекает и следующий немаловажный фактор, препятствующий «великой национальной консолидации» как одному из ключевых принципов объединения страны.

2. В основе базовой социальной мотивации людей на Севере и Юге укреплялись принципиально иные стимулы. Если в КНДР в силу соответствующих экономического базиса и политической надстройки в значительной степени удалось сохранить традиционный для народов Восточной Азии коллективизм, примат общественного над частным, то в Южной Корее эта традиция постепенно размывалась, крепло индивидуалистическое сознание, характерное для так называемых высокоразвитых обществ потребления. Разобщенность общества Южной Кореи наиболее заметна на примере отношения к основным политическим силам страны: консерваторам и демократам. Результаты всех последних выборов показывают примерно равное количество голосующих за одних и за других, а это значит, что по принципиальным вопросам общественного и государственного развития, включая и вопросы объединения Кореи, у южан нет единого мнения. В такой обстановке представляется крайне сложным формирование общественного консенсуса,

необходимого для осуществления долгосрочной стратегии по воссоединению.

3. К сожалению, за прошедшие с момента осуществления первых контактов и достижения взаимных договоренностей в 1972 г. годы корейцы по обе стороны 38-й параллели так и не смогли сформулировать подлинные основополагающие интересы единой корейской нации. Без этого понимания вряд ли получится достичь каких-либо ощутимых результатов в строительстве единой конфедерации или содружества. Руководство обоих корейских государств не готово поступиться суверенитетом каждое — своей страны во имя общих интересов, потому что эти интересы представляются ими по-разному, несмотря на во многом схожие формулировки. К сожалению, за последние 20 лет межкорейских отношений корейцам так не удалось преодолеть взаимное недоверие, прежде всего потому, что в конце концов не общенациональные, а собственные интересы каждой из сторон превалировали в выработке стратегий, решений, задач и т. п.

4. Немаловажную роль в формировании национальных, государственных интересов играет и крупный бизнес Южной Кореи, имеющий тесные связи и во многом интегрированный в международный финансовый капитал. Насколько его интересы могут быть подчинены общенациональной идее воссоединения Кореи, во многом зависит от политики южнокорейского государства, от политической воли конкретных лидеров, но также от внешнеэкономической ситуации и международной обстановки. Тем не менее опыт взаимодействия государства и крупного капитала в Южной Корее в рамках ускоренной модернизации 1960–1980-х гг. и особенно в ходе реализации политики «солнечного тепла» в 2000-е гг. продемонстрировал необычайную эффективность этой связки в достижении непростых задач. Одним из важнейших инструментов реинтеграции послужит возобновление утраченных экономических связей, постепенное налаживание общей, совместной системы хозяйствования на всем полуострове.

5. С момента подписания Севером и Югом первого совместного документа, относящегося к будущему решению проблемы объединения, в 1972 г. прошло уже почти полвека, однако, несмотря на все предпринятые усилия, так и не удалось наладить межкорейское взаимодействие, преодолеть недоверие, стабилизировать ситуацию на полуострове и устранить факторы периодически возникающей напряженности на полуострове. Поэтому в приоритете как самих корейских государств,

так и ключевых акторов в регионе, по-прежнему остаются проблемы нормализации межкорейских отношений, общей стабилизации обстановки и восстановления механизмов многостороннего взаимодействия, в отсутствие которых какое-либо продвижение в решении задачи мирного воссоединения Кореи невозможно. Преодоление корейского раскола и воссоединение остается декларативной задачей отдаленного будущего.

6. За прошедшие десятилетия после распада социалистического лагеря и господства постсоветского мирового порядка ни сами корейцы, ни ключевые государства региона так и не сумели создать надежной системы гарантий безопасности на полуострове, прежде всего — для КНДР. По сути, в течении всего этого времени в общественном сознании мирового сообщества планомерно насаждался тезис о «ненормальности», «неправильности» государственного устройства и идеологии Северной Кореи, вплоть до откровенной ее демонизации, причисления к «оси зла», государствам «изгоем» и т. д. Несмотря на признание суверенитета КНДР многими странами и ее членство в различных международных организациях, в том числе ООН, Северная Корея фактически не воспринималась целом рядом ведущих мировых держав в качестве полноценного и равноправного участника мирового сообщества с собственными интересами. В той или иной форме на КНДР постоянно оказывалось политико-экономическое давление с целью смены существующего там режима власти, трансформации общественно-политического устройства, реформирования социально-экономической системы, приведения всего этого в соответствие с «общепринятыми нормами» государственного устройства.

Регулярные крупномасштабные военные учения у границ КНДР с отработкой порой совершенно откровенных сценариев ликвидации руководства страны каждый раз вынуждали Пхеньян мобилизовывать небогатые внутренние ресурсы в ответ на вероятную угрозу. В условиях такой крайне недружелюбной, враждебной внешней обстановки Пхеньян вынужден был искать пути защиты и сохранения собственной субъектности, что в итоге привело к появлению у Северной Кореи своей ракетно-ядерной программы.

7. Корейский вопрос в большей степени будет оставаться проблемой международных отношений. Рассмотренная в настоящей работе история межкорейского сближения и поиска возможных путей воссоединения продемонстрировала, что, несмотря на сложные отношения и недоверие, корейцы могут договариваться самостоятельно, готовы обсуждать самые

непростые аспекты двусторонних отношений. Однако такого взаимодействия без вмешательства внешних участников решения корейского вопроса не было и нет. История показывает, что достичь объединения самостоятельно, без соучастия мировых держав невозможно. К сожалению, противоречия в интересах крупных держав региона имеют тенденцию к нарастанию, а страны Корейского полуострова вновь оказываются втянутыми в их противостояние.

* * *

Традиционно роль России в регионе состояла в поддержании безопасности, баланса сил, стабильности в регионе и характеризовалась стремлением к разрешению противоречий политико-дипломатическими методами. Российская внешнеполитическая линия была выстроена с учетом собственных ошибок прошлого и с учетом опыта Советского Союза в отношениях с корейскими государствами. Россия последовательно выступает против каких бы то ни было силовых методов решения проблем Корейского полуострова.

В целом позиция России по проблеме корейского урегулирования в общем и преодолению раскола в частности сформулирована во внешнеполитической концепции, в ряде официальных двусторонних документов, подписанных как с КНДР, так и с Южной Кореей, постоянно подтверждается в выступлениях высших официальных лиц и заключается в поддержке и стимулировании межкорейского диалога, сотрудничества на мирной, равноправной основе, с учетом интересов обеих сторон. Важно, что корень проблем вокруг корейского урегулирования Россия видит именно в расколе Кореи, а его преодоление, то есть воссоединение страны, считает общей задачей не только корейских государств, но и близлежащих стран.

Несмотря на настойчивые попытки России решать проблему северо-корейской ракетно-ядерной программы политико-дипломатическим путем, непоследовательная и контрпродуктивная позиция США, их союзников и некоторых сил в руководстве Южной Кореи лишь обостряли ситуацию, исключая возможность положительного, мирного решения вопроса. Де факто сегодня КНДР ядерная держава, обладающая серьезным арсеналом как различных видов этого оружия, так и средств его доставки, что серьезным образом меняет баланс сил в регионе и ведет к пересмотру системы международного взаимодействия вокруг Корейского полуострова. Пхеньян уже неоднократно заявлял, что не намерен отказываться

от своего ядерного щита, и это вполне логично следовало из всей его предшествующей политики. Эта новая ситуация требует соответствующей корректировки и действий России для продолжения усилий по нормализации отношений между ключевыми странами и, прежде всего — двух корейских государств.

В силу довольно непростого положения России сегодня, растущего противостояния со странами так называемого коллективного Запада, внешнеполитический потенциал Москвы на корейском направлении представляется ограниченным. Тем не менее опасность, периодически исходящая из этого региона, требует серьезных усилий для предотвращения возможной эскалации. В этом отношении представляется разумным действовать в коалиции с дружественными странами, имеющими схожие внешнеполитические интересы в регионе. Сегодня для продолжения конструктивного диалога по целому ряду вопросов, в том числе и по корейской проблеме в целом, требуются согласованные коллективные усилия. Россия должна быть максимально заинтересована в содействии тенденциям сближения и интеграции обоих корейских государств со стороны ближайших соседей и партнеров.

К сожалению, и в российской политике последних лет отмечены некоторые непоследовательные шаги, в частности в отношении поддержки санкционного давления на КНДР. Россия сама не раз выступала с осуждением применения непропорциональных мер экономического характера против независимых государств, также находясь под санкциями некоторых стран, однако в отношении Северной Кореи эта позиция была не столь однозначна. В итоге Россия действовала во многом в ущерб собственным экономическим интересам, а также интересам безопасности в регионе.

Очевидно, что с учетом резко обострившейся обстановки в мире в начале 2020-х гг., ввиду фактически нового баланса сил на Корейском полуострове, крайне малой вероятности отказа КНДР от своей ракетно-ядерной программы, тупика в американо-северокорейском и межкорейском диалогах, обострения американо-китайских отношений и настоящего противостояния России и ряда стран запада, — Москве необходима серьезная корректировка своего внешнеполитического курса вообще и на корейском направлении в частности. Есть все основания полагать, что с учетом вышесказанного российская политика будет во многом перестроена и объявленная президентом В. В. Путиным концепция «поворота на Восток» обретет реальное содержательное наполнение.

Литература

Абдулов Р. А., Джабборов Д. Б., Комолов О. О., Маслов Т. Д., Степанова Г. А. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. Научный доклад. Москва: Научная лаборатория современной политэкономии, 2021. 270 с.

Аносова Л. А., Матвеева Г. С. Южная Корея. Взгляд из России. Москва: Наука, 1994. 252 с.

Асмолов К. В. К возможным сценариям будущего КНДР // *Корейский полуостров: накануне перемен.* Москва: ИДВ РАН, 2012. С. 65–75.

Асмолов К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2017. 705 с.

Басни Эзопа / Пер. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1968. 330 с.

Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995 гг.). Москва: Конверт — МОНФ, 1997. 353 с.

Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2008. Учебное пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2010. 520 с.

Вайнцвайг Н. К. Разгром фашистского блока и освобождение Кореи // *Корейская Народно-Демократическая Республика* / Ред. Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин. Москва: Изд. АН СССР, 1954. С. 197–219.

Ванин Ю. В. Изменения конституционного строя КНДР // *Проблемы Дальнего Востока.* 1999. № 2. С. 43–52.

Ванин Ю. В. Корея на трудном пути к воссоединению // *Корея на рубеже веков.* Москва: ИВ РАН, 2002. С. 315–398.

Ванин Ю. В. Фаня Исааковна Шабшина (Куликова) // *Жизнь и труд посвятившие Корею. Российские корееведы 2-й половины XX века. Сборник статей.* Т. 1. Москва: Первое Марта, 2004. С. 236–259.

Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. Москва: Наука; Институт востоковедения РАН, 2006. 286 с.

Ванин Ю. В. Советский союз и Северная Корея, 1945–1948. Москва: ИВ РАН, 2006. 286 с.

Ванин Ю. В. Предисловие // Колониальная Корея из публикаций в СССР 1920-х — 1930-х гг. Сборник статей (Сер.: Российское корееведение в прошлом и настоящем). Москва: Гриф и Ко, 2007. С. 9–13.

Ванин Ю. В. Изучение истории Кореи в СССР и России. Предварительные замечания // Корея: История и современность. К 90-летию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Воронцов, Чжон Хён Су. Москва — Сеул: ИВ РАН, 2008. С. 48–71.

Ванин Ю. В. Из истории установления дипломатических отношений СССР с РК. Участие Института востоковедения РАН // Россия и Корея: новая встреча старых соседей [다시 만나는 이웃 : 2010 한러 수교 20주년 기념전]: юбилейная выставка к 20-летию установления дипотношений РФ и РК. Каталог фотовыставки, посвященной 20-летию установления дипотношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. Seoul: Korea-Russian Dialogue, 2010. С. 277–283. (На рус. и кор. яз.)

Ванин Ю. В. Внутренние истоки раскола Кореи // История Кореи. Избранные статьи. Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 363–377.

Ванин Ю. В. Некоторые аспекты корректировки исследований по истории Кореи (1945–1955) // История Кореи. Избранные статьи. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 600–614.

Ванин Ю. В. Окончание Второй мировой войны и Корея // История Кореи. Избранные статьи. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 296–312.

Ванин Ю. В. Корейский кризис: позиция России // Правда. № 118 (30615) 24–25 октября 2017. — Электронный ресурс: URL: <http://gazeta-pravda.ru/issue/118-30615-24-25-oktyabrya-2017-goda/koreyskiy-krizis-pozitsiya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2021).

Война и память / Автор-составитель Н. Г. Романова, Москва: ИВ РАН, 2019. 580 с., ил.

Воронцов А. В. Роль института востоковедения АН СССР / РАН в первоначальном этапе подготовки к установлению дипломатических отношений между СССР / Российской Федерацией и Республикой Корея // Россия и Корея: добрые соседи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию установления дипломатических отношений между СССР / Российской Федерацией и Республикой Корея. Москва: Аванлайн, 2020. С. 21–28.

Воронцов А. В. Объединение Кореи: ускользающие возможности // Фонд стратегической культуры. Электронное издание. — Электронный ресурс: URL: <http://>

www.fondsk.ru/news/2014/11/09/obedinenie-korei-uskolzajuschie-vozmozhnosti-30329.html (Дата обращения: 01.10.2021).

Воронцов А. В. Призрак войны над Корейским полуостровом // <https://www.fondsk.ru/news/2017/11/14/prizrak-vojny-nad-korejskim-poluostrovom-45035.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

Горелый И. О. Корея. Концепции объединения. Москва: Восточная литература, 1997. 127 с.

Грязнов Г., Казакевич М., Синицын Б. Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи // Специальный бюллетень. № 9. Москва: ИВ РАН; Наука, 1969. С. 5–97.

Декларация во имя развития отношений, мира и процветания Севера и Юга, от 4 октября 2007 г. // Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 228–232.

Денисов В. И. Корейская проблема: пути урегулирования. 70–80-е годы. Москва: Международные отношения, 1988. 139 с.

Денисов В. И. Россия на Корейском полуострове: проблемы и перспективы // Аналитические записки. Вып. 5(45), июнь 2009. Москва: МГИМО(У), 2009. С. 3–21.

Дмитриевская Н. В. Северокорейская политика Ким Дэчжуна // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 167–197.

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 9 февраля 2000 года // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 304–306.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой от 6 июля 1961 г. // Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература, 2000. С. 171–172.

Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея от 19 ноября 1992 г. // Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература, 2000. С. 204–207.

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен / Отв. ред. М. В. Демченко. Москва: Русская панорама, 2006. 216 с.

Жебин А. З. Геополитические интересы США в СВА и некоторые аспекты корейского урегулирования // Корея: десятилетие новых возможностей. Москва: ИДВ РАН, 2011. С. 13–20.

Жебин А. З. Россия в поисках мира и согласия в Корею // Вестник российского корееведения. 2014. № 6. С. 20–36.

Жебин А. З. Ядерная проблема и пути ее решения на Корейском полуострове // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 264–284.

Жебин А. З. Две истории одного праздника на Корейском полуострове // Независимая газета. 16.08.2021. — Электронный ресурс: URL: https://www.ng.ru/vision/2021-08-16/6_8226_vision.html (Дата обращения: 01.10.2021).

Жизнь и труд посвятившие Корею: российские корееведы 2-й половины XX в. Сборник статей / Сост. Ю. В. Ванин. Москва: Первое Марта, 2004. 274 с.

Забровская Л. В. Россия и Республика Корея. От конфронтации к сотрудничеству (1970–1990 гг.). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1996. 127 с., [1] л. карт.

Забровская Л. М. Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны». Москва: Морской ун-т адм. Г. Н. Невельского, 2011. 299 с.

Забровская Л. В. Корейские концепции объединения страны и позиция России // Россия и АТР. Владивосток, 2014. № 2(84). С. 80–90.

Захарова Л. В. Политика «Сосуществования и сопроцветания» Ли Мён Бака и межкорейские экономические отношения в первый год его президентства // Корейский полуостров. Время новых вызовов. Москва: ИДВ, 2009. С. 42–52.

Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. Москва: ИДВ РАН, 2014. 250 с.

Захарова Л. В. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2. С. 223–244.

История Кореи: (Новое прочтение) / Ред. А. В. Торкунов, М. В. Ильин, Ю. М. Колосов и др. Москва: РОССПЭН, 2003. 429 с.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2 т. Т. 1 / М. В. Воробьев, М. Н. Пак, Л. Е. Еременко [и др.]; ред. тома Ю. В. Ванин. Москва: Наука, 1974. 469 с.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2 т. Т. 2 / Ф. И. Шабшина, Г. Ф. Ким, В. И. Иванова [и др.]; ред. тома В. Д. Тихомиров]. Москва: Наука, 1974. 479 с.

Казарьян Р. Л. К вопросу об актуальности политики «солнечного тепла» // Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 24–25 марта 2011 г. Москва: ИДВ РАН, 2011. С. 82–91.

Казарьян Р. Л. Проблема объединения Кореи и интересы России // Корея перед новыми вызовами. Москва: ИДВ РАН, 2017. С. 61–69.

Ким Бен Кук. Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. Правозащитник. Политик. Ученый [авториз. пер. с англ. Н. П. Гераскиной]. Москва: Республика, 1998. 206 с.

Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. Москва: Дипломат. акад. МИД РФ; Республика, 1992. 319 с.

Ким Ён Ун. Политика «сансэн гонен»: цели и перспективы // Коре́йский полуостров. Время новых вызовов. Москва: ИДВ РАН, 2009. С. 101–112.

Ким Ён Ун. Политические перемены в Северо-Восточной Азии и перспективы объединения Кореи // Коре́йский полуостров: накануне перемен. Москва: ИДВ РАН, 2012. С. 76–86.

Ким Ён Ун. Раскол Кореи: уроки и перспективы // Корея: уроки истории и вызовы современности. Москва: ИДВ РАН, 2013. С. 39–50.

Ким Ён Ун. «Процесс доверия» президента Пак Кын Хе: цели, содержание и перспективы // Россия и Корея в меняющемся мире. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 54–65.

Ким Ён Ун. Правый поворот в РК: состояние и перспективы межкорейских отношений // Коре́йский полуостров в эпоху перемен. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 34–44.

Ким Ён Ун. Концепция внешней политики России и Корея // Корея перед новыми вызовами. Москва: ИДВ РАН, 2017. С. 51–60.

Ким Ир Сен. Новогодняя речь 1 января 1991 года // Корея сегодня. 1991. № 1. С. 6.

Ким Ир Сен. Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов, 6 апреля 1993 года. Москва: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2008. 4, [1] с.

Ким Н. Н. Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история. Москва: Восточная литература, 2015. 453, [1] с.

Кириянов О. В. Базовые договоры России и КНДР и Республикой Корея: сравнительный анализ // Корея в поисках мира и процветания. Москва: ИДВ РАН, 2004. С. 194–203.

КНДР и РК — 70 лет. Москва: ИДВ РАН, 2018. 376 с.

Колониальная Корея: из публикаций в СССР 1920-х — 1930-х гг. / Сост. Ю. В. Ванин. Москва: Первое марта, 2007. 406 с.

Коре́йский полуостров: вызовы и возможности для России: коллективный доклад экспертов для Рос. нац. комитета АТССБ / В. А. Никонов, Г. Д. Толорая, А. В. Воронцов и др. Москва: Изд-во МГУ, 2011. 80 с.

Коре́йский полуостров в эпоху перемен. Москва: ИДВ РАН, 2016. 416 с.

Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В 2 т. Т. 1. Москва: ИДВ РАН, 2019. 352 с.

Корейский полуостров и вызовы XXI века. Доклады, представленные на VI научной конференции корееведов. Москва, 26–27 марта 2002 г. / Москва: ИДВ РАН, 2003. 192 с.

Корейский полуостров: история и современность. Москва: ИДВ РАН, 2020. 456 с.

Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы IV науч. конф., Москва, 15–16.03.2000 г. Ч. 1 / [Подгот. Р. В. Савельев (отв. ред.) и др.]. Москва: ИДВ РАН, 2001. 179 с.

Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы IV науч. конф., Москва, 15–16.03.2000 г. Ч. 2 / [Подгот. Р. В. Савельев (отв. ред.) и др.]. Москва: ИДВ РАН, 2001. 163 с.

Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2012 г. Москва: ИДВ РАН, 2012. 354 с.

Корейский полуостров: уроки истории. Доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30–31 марта 2010 г.). Москва: ИДВ РАН, 2010. 362 с.

Корейский полуостров: уроки истории и вызовы современности. Москва: ИДВ РАН, 2013. 456 с.

Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. 343 с.

Корея: взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2007 г. Москва: ИДВ РАН, 2007. 350 с.

Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 24–25 марта 2011 г. Москва: ИДВ РАН, 2011. 280 с.

Корея: история и современность. К 90-летию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Воронцов, Чжон Хён Су. Москва – Сеул: ИВ РАН, 2008. 292 с.

Корея перед новыми вызовами. Москва: ИДВ РАН, 2017. 448 с.

Корея: 70 лет после освобождения. Москва: ИДВ РАН, 2015. 456 с.

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 744 с.

Ланцова И. С. Ядерная программа Северной Кореи: история развития и современное состояние // Политическая экспертиза: Политэкс. Т. 3, № 1. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2007. С. 113–130.

Ланцова И. С. Политика «Солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 6. Москва: МГУ, 2012. С. 91–98.

Ланцова И. С. Государства Корейского полуострова в международных отношениях (конец XX — начало XXI в.) / Под науч. ред. Б. А. Ширяева. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2013. 247 с.

Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. Москва: Восток–Запад, 2005. 445, [2] с., [8] л. ил.

Лебедев В. В. Начальный этап установления советской и американской администраций на Корейском полуострове и вопрос о Корее в мировой политике в 1945 г. // Дипломатия на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. Материалы Всерос. науч. конф., Иркутск, 13 мая 2016 г. / Редкол. С. И. Кузнецов (гл. ред.) и др. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 128–140.

Ли-Канг. О национал-реформизме в Корее, 1933 г. // Колониальная Корея. Москва: ИВ РАН, 2006. С. 146–179.

Мазуров В. М. Создание антинародного режима в Южной Корее: (1945–1950 гг.). Москва: Наука, 1963. 195 с.

Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (Практика Южной Кореи и Филиппин). Москва: Восточная литература, 1996. 197 с.

Мазуров В. М. Республика Корея на этапе перехода к демократии // Республика Корея: опыт модернизации. Москва: Восточная литература, 1996. С. 20–47.

Мазуров В. М., Шабшина Ф. И. Освободительное демократическое движение в Южной Корее // Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). Москва: Восточная литература, 1959. С. 206–252.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2е изд. Т. 13. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1–167.

Медведева Н. С. Объединение Кореи: взгляд из Сеула в год 70-летия освобождения // Россия и Корея в меняющемся мире. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 86–98.

Минкова К. В. Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944–1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов (Серия: Международные отношения). 2017. Т. 17. № 4. С. 839–856.

Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 310–312.

Нам С. Г. Первичность внутренних факторов в объединительном процессе Кореи на современном этапе // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Москва: ИДВ РАН, 2002. С. 33–43.

Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945–1980. Документы и материалы / Сост. И. Ф. Чернов [и др.]. Москва: Наука, 1981. 424 с.

Пак М. Н. История и историография Кореи. Избранные труды. Москва: Наука, 1987. 510 с.

Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты: Материалы V науч. конф., Москва, 21–22 марта 2001 г. / Отв. ред. К. В. Асмолов. Москва: ИДВ РАН, 2002. 179 с.

Постановление XXII Съезда КПСС, пункт 2 // Известия. № 258(13805), вторник 31 октября 1961 г.

Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз. (99 Чучхе), 1982. 202 с.

Рамочное соглашение между Соединенными Штатами Америки и Корейской Народно-Демократической Республикой Женева, 21 октября 1994 г // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 314–316.

Республика Корея: опыт модернизации. Сборник статей / Отв. ред. и авт. предисл. В. М. Мазуров. Москва: Восточная литература, 1996. 209 с.

Республика Корея: успехи и проблемы развития. Вып. № 43, апрель 2019 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 17. — Электронный ресурс: РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/world/20170830/1501431837.html> (Дата обращения: 01.10.2021).

Россия и Корея в меняющемся мире. Москва: ИДВ РАН, 2014. 292 с.

Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. Доклады, представленные на VII научной конференции корееведов. Москва, 26–27 марта 2003 г. Москва: ИДВ РАН, 2003. 200 с.

Россия и страны Востока в постбиполярный период. Учеб. пособие / Под ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2014. 368 с.

Садаков Д. А. Развитие и причины провала советско-американского диалога Совместной комиссии в Корею (1946–1947 гг.) // Сотрудничество России с государствами Восточной Азии. Доклады, представленные на II международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН (Москва, 22–23 октября 2014 г.). Москва: ИДВ РАН, 2015. С. 151–160.

Садаков Д. А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования в 1943–1947 гг. // Известия Уральского федерального университета (Сер. 2: Гуманитарные науки). 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 26–37.

Санакоев Ш. П., Цибулевский Б. Л. Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов, Москва: Международные отношения, 1970. 416 с.

Сеульский вестник. 17.07.2008.

Синицын Б. В. Финансово-экономический кризис в Республике Корея // Корея на рубеже веков. Москва: ИВ РАН, 2002. С. 78–92.

Совместная декларация Севера и Юга, от 15 июня 2000 года // Захарова Л. В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 193–194.

Совместная российско-корейская декларация, от 20 июля 2000 года // Корейское урегулирование и интересы России / Ред. В. И. Денисов, А. З. Жебин. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 306–309.

Современная Корея (справочное издание) / Ред. Б. Л. Модель. Москва: Наука, 1971. 417 с.

Современные проблемы Корейского полуострова. Москва: ИДВ РАН, 2021. 320 с.

Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом, от 13 декабря 1991 года // Ткаченко В. П. Корейской полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература, 2000. С. 174–176.

Сотрудничество России с государствами Восточной Азии. Доклады, представленные на II международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН (Москва, 22–23 октября 2014 г.). Москва: ИДВ РАН, 2015. 178 с.

Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз. (99 Чучхе), 2010. 31 с.

Специальный бюллетень №9/100. Москва: ИВ АН СССР; Наука, 1969. 205 с.

СССР и Корея / Под ред. М. С. Капицы, А. Л. Нарочницкого, Е. М. Примакова [и др.]; Отв. ред. Ю. В. Ванин. Москва: Наука, 1988. 414 с.

Суслина С. С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х — начало 90-х годов). Москва: Восточная литература, 1997. 224 с.

Суслина С. С. Межкорейский экономический диалог и южнокорейский крупный бизнес // Перспективы межкорейского диалога. Внутренние и внешние аспекты. Москва: ИДВ, 2002. С. 92–100.

Суслина С. С. 70 лет экономического соревнования КНДР и РК: некоторые итоги // КНДР и РК — 70 лет. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 151–163.

Тертицкий Ф. К. Северокорейские беженцы в Южной Корее // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. Москва: Наука; ГРВЛ, 2011. С. 107–119.

Титаренко М. Л. О российской политике в отношении КНДР // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. Часть 2. Москва: ИДВ РАН, 2001. С. 80–93.

Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 1980-х годов). Москва: Восточная литература, 1998. 279 с.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Пер. с кор., сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцева. Москва: Наталис, 2011. 504 с.

Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. Москва: Восточная литература РАН, 2000. 206, [1] с.: табл.

Ткаченко В. П. Проблемы взаимопонимания в Корею // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы IV науч. конф., Москва, 15–16.03.2000 г. Ч. 2 / [Подгот. Р. В. Савельев (отв. ред.) и др.]. Москва: ИДВ РАН, 2001. С. 94–120.

Ткаченко В. П. Уроки Корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. Москва: ИДВ РАН, 2008. С. 82–102.

Толорая Г. Д. (отв. ред.) Неспокійное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России / Толорая Г. Д., Торкунов А. В., Тригубенко М. Е. Москва: МГИМО(У), 2015. 346 с.

Толорая Г. Д. У восточного порога России: эскизы корейской политики начала XXI века. Москва: Дашков и К°, 2019. 424 с.

Толорая Г. Д., Тригубенко М. Е. Корейский полуостров: вызов для российской региональной стратегии XXI века. Москва: ИЭ РАН, 2008. 44 с.

Толорая Г. Д., Яковлева Л. Н. Корейский полуостров: место в азиатской стратегии России в условиях кризиса // Корейский полуостров в эпоху перемен. Москва: ИДВ РАН, 2016. С. 16–27.

Толстокулаков И. А. Современная политическая система Республики Корея. законодательство в сфере национальной безопасности // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 91–103.

Толстокулаков И. А. Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации // Известия Восточного Института Дальневосточного государственного университета. 2010. № 16. С. 54–70.

Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. Москва: РОССПЭН, 2000. 312 с.

Торкунов А. В. По дороге в будущее / Ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. Москва: Аспект Пресс, 2010. 476 с.

Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. Москва: Олма Медиа Групп, 2008. 560 с.

Торкунов А. В., Толорая Г. Д., Дьячков И. В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). Москва: Просвещение, 2021. 446 с.

Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. Москва: Анкил, 1995. 255 с.

Трактровка некоторых проблем корейской истории в историографии КНДР (Академия наук СССР. Институт народов Азии. Специальный бюллетень № 43). Москва: Б. и., 1963. 111 с.

Чосон Ильбо. 23.06.1992.

Федоровский А. Н. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. Москва: ИМЭМО РАН; Изд. дом «Стратегия», 2008. 319 с.

Шабина Ф. И. Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 г. — июнь 1950 г.) // Корейская Народно-Демократическая Республика / Ред. Н. К. Вайнцвайг, В. В. Лезин. Москва: Изд. АН СССР, 1954. С. 258–305.

Шабина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи: (1918–1945 гг.). Москва: Восточная литература, 1959. 276 с.

Шабина Ф. И. Южная Корея. 1945–1946 гг. Записки очевидца. Москва: Наука, 1974. 270 с.

Шабина Ф. И. Можно ли распутать корейский узел? Мнение советского ученого // Известия. 01.09.1989.

The Constitution of Korea. Seoul, Korea: ILBIT Publishing Co, 2002. 284 p.

Choi Jinwook, Park Sun-Song. The Making of a Unified Korea. Policies, positions and proposals. Seoul, Korea: Korea Institute for National Unification, 1997. 133 p.

Cumings B. The Korean War: A History (Modern Library chronicles. Vol. 33). New York: Modern Library, 2011. 288 p.

Cumings B. The Origins of the Korean War. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1981. 606 p.

Frank R. The Costs of Korean Unification: Realistic Lessons from the German Case // Korea's Economy. Vol. 30. Washington DC: Korea Economic Institute of America, 2015. P. 93–100.

Kim Dae-jung. Address Delivered in the 50-th Anniversary of the Republic of Korea. // New Review. 1998, August 22. P. 7.

Kim Dae-jung. Government and Sunshine Policy. Promises and challenges / Ed. Chung-in Moon, David I. Steinberg. Seoul, Korea: Yonsei Univ. Press, 1999. 292 p.

Kim Dae-jung. The Korean Problem: Nuclear Crisis, Democracy and Reunification. A collection of essays, speeches and discussions. Seoul, Korea: KDJ Peace Foundation Press, 1994. 226 p.

The Korean Problem: Nuclear crisis, Democracy and Reunification. A collection of Essays, Speeches and Discussions by Kim Dae Jung. Seoul, Korea: KDJ Peace Foundation 1994. 190 p.

Korean unification. Source materials with an introduction. Vol. 1 / Ed. by Kim Se Jin, Chong-Shik Chung. Seoul: Research Center for Peace and Unification, 1976. 420 p.

Moon Chung-in. The Sunshine policy. In Defense of Engagement as a path to peace in Korea. Seoul: Yonsei University press, 2012. 268 p.

Norman D. Levin and Yong-Sup Han, Sunshine in Korea // The South Korean Debate over Policies Toward North Korea, RAND's National Security Research Division by the Center for Asia Pacific Policy, 2002. 143 p.

Park Chung Hee. Korea Reborn. A Model for Development. New Jersey, USA: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1979. 153 p.

Pastreich E. Meditations on the word 'unification' // The Korea Times. July 7. 2021 // Электронный ресурс: URL: <http://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=260811> (Дата обращения: 01.10.2021).

Proclamation to the People of Korea Issued by General Douglas MacArthur, September 7, 1945 // Se-Jin Kim (ed.) Korean Unification: Source materials with an introduction. Vol. 1. Research Center for Peace and Unification, 1976. 420 p.

The Prospects for Korean reunification / Ed. by Jay Speakman, Chase-Jin Lee, The Keck Center for International and Strategic Studies, California, 1993. 135 p.

Soviet Policy towards Korean Peninsula and the Prospect of Economic Relations between Korea and the Soviet Union. The First Joint Korean-Soviet International Conference / Edited by Yoo Se-Hee. Seoul, Korea: The Institute for Sino-Soviet Studies, Hanyang Univ, 1989. 88 p.

Son Key-young. South Korean Engagement Policies and North Korea. Identities, norms and the Sunshine Policy. Routledge. 2006. 268 p.

Tara O. The Collapse of North Korea Challenges, Planning and Geopolitics of Unification. London: Macmillan Publishers Ltd, 2016. 168 p.

Two Koreas — One Future / Ed. by John Sullivan, Roberta Foss. University Press of America, 1987. 167 p.

The Washington Post. Monday, November 17, 2003. Nukes option by U.S. in Korea // Электронный ресурс: URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2003/nov/17/20031117-115816-2478r/> (Дата обращения: 01.10.2021).

Сведения об авторе

Казарьян Рубен Левонович

кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

Родился 5 июня 1975 г. в Москве. В 1997 г. окончил историческое отделение ИСАА при МГУ, в 1999 г. — магистратуру ИСАА при МГУ. В 1995 г. проходил языковую стажировку в университете Корё (Сеул, Южная Корея). В 1999–2003 гг. — аспирант Института востоковедения РАН. С 2004 года — сотрудник Отдела Кореи и Монголии ИВ РАН. Автор более 40 научных работ, опубликованных в российских и зарубежных изданиях. Область научных интересов: проблема межкорейских отношений и объединения Кореи, политика «солнечного тепла», отношения России с государствами Корейского полуострова, история формирования и трансформации политической системы, модернизация в Республике Корея, участие крупного южнокорейского капитала в политической жизни страны.

Научное издание

Казарьян Рубен Левонович
Проблема раскола Кореи и Россия

Монография

Редактор *Т. М. Мастюгина*

Верстальщик *А. Б. Дунаева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 01.12.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 11,75. Тираж 500 экз. Зак. № 3430

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Рождественка, д.12/1. Тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо